

The illustration depicts a woman with long, flowing brown hair and a single white streak, sitting on a stone ledge in a misty forest. She wears a brown hooded cloak over a green tunic and brown trousers, secured with a dark belt. She holds a large, dark, curved bow across her lap. A red, circular moon-like halo surrounds her head. The background shows tall, dark trees and a soft, hazy sky. The overall style is painterly and atmospheric.

НИНА МАЛКИНА

красные луны квертинда

ОРДЕН КРОНА

БАНДА ИЗГОВЕВ

Нина Малкина
Орден Крона. Банда изгоев
Серия «Красные луны
Квертинда», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65059262

SelfPub; 2023

Аннотация

ВТОРАЯ КНИГА ЦИКЛА «Красные луны Квертинда» «Будь свободен – устанавливай правила!» – гласит лозунг Ордена Крона. Я готова стать свободной и выбрать ту роль в обществе, которая мне по душе. Превратиться из пустышки в настоящую и пугающую легенду академии. Из невинной овечки – в дикого зверя. Убеждениями или силой я заслужу то, чего достойна: верну уважение друзей, восстановлю репутацию и спасу Квертинд. Меня зовут Юна Горст. И я больше не признаю ни правил, ни авторитетов. Пришло время самой стать лидером!

Содержание

Глава 1. Самая важная мечта	4
Глава 2. Мраморный фасад Квертинда	39
Глава 3. Как пережить шторм	93
Глава 4. Весь мир – театр	131
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Нина Малкина

Орден Крона. Банда изгоев

Глава 1. Самая важная мечта

Иверийская корона сверкнула золотом, высоко подпрыгнула и покатилась по истёртой поверхности блестящей монетой. Я поймала её ладонью, легко предугадывая намеченный путь символа Квергинда. Сейчас этот символ явно намеревался свалиться с края стола.

Тяжёлый лирн приятно охладил ладонь, и я попробовала золотой кругляш на зуб. Сомнений в том, что ломбардиец меня не обманет, у меня не было, но хотелось лишний раз продемонстрировать старику своё недоверие. Селован Минестл осуждающе фыркнул, чем вызвал мой самодовольный оскал.

– Фарфоровая статуэтка из Иверийского замка времён Мелиры, – буркнул он, доставая из-под стола тугой свёрток. – Нужно доставить госпоже Томсон. Полученные лирны отнесёшь в оружейную на Тифоньем бульваре, Помпозу Норму.

Я спрятала монету в карман, бережно обняла посылку и стрелой вылетела за дверь. Находиться в ломбарде мне не

нравилось. Бородатый Минестл топил камин даже летом, поэтому в захламленной комнате стояла невыносимая жара. К ней добавлялась взаимная неприязнь с казначеем Ордена Крона, которая по мере знакомства только усиливалась, вопреки обещаниям Шенгу лин де Сторна. Впрочем, я уже знала, чего стоит слово этого господина, и больше не собиралась подвергать сомнениям его прямую ложь. Если бывшему генералу вообще удалось выжить.

После душного помещения прохлада города оказалась спасением. Тучи сковали небо, и последний день лета прыснул в лицо мелким дождиком. Мой светло-зелёный жилет моментально покрылся тёмной крапункой. От нагретой за день мостовой поднялся пар с запахом пыли и мокрого камня, и я торопливо зашагала вдоль улицы, вдыхая летний аромат Кроуница. Совсем скоро дикий гранит покроется изморозью и одеялом тумана, но пока город ещё хранил в своей серой архитектуре остатки тепла, которыми я наслаждалась.

В самом начале каникул господин Минестл самолично явился в академию, распугивая кряхтением разленившихся рудвиков, и предложил мне работу. Я догадывалась, от кого ворчливый казначей Ордена Крона получил распоряжение обеспечить меня заработком, но напрямую спрашивать не стала. Как и отказываться: предложение было весьма кстати, учитывая моё финансовое положение на тот момент.

Уезжать из Кроуница мне не хотелось, поэтому каникулы я потратила на то, чтобы петлять по запутанным улочкам в

поисках нужного адресата и вручать всякое барахло из ломбарда придиричивым состоятельным горожанам.

Работа оказалась, прямо сказать, не почётная, зато простая и доступная. И главное – хорошо оплачиваемая. Обычно в Квертинде доставкой пакетов занимались рудвики, но ломбардиец пушистой расе не доверял, вполне резонно опасаясь за сохранность дорогостоящих отправок. Мне Селован Минестл доверял ещё меньше, но все посылки я доставляла в целостности, что выгодно отличало меня от лулукующих ушастиков.

За лето я неплохо изучила Кроуниц и теперь ориентировалась в нём почти так же хорошо, как Каас. Жизнь города пульсировала в сотнях узких серых проходов, просачивалась через дыры в полуразрушенных заборах, стучала дверьми сквозных лавочек, плевалась биением питьевых фонтанчиков и замирала в глухих подворотнях. Солёные морские ветра раскачивали фонари, вывески скрипели от стылых сквозняков, а колодцы нищих дворов хранили память о былых временах некогда легендарного веллапольского города.

Городские улицы стали мне родными, и я уже уверенно топтала брусчатку центра Галиофских утёсов, зная почти каждую выщерблину на своём пути. Иногда добиралась до нужного места по пологим крышам, что порой касались друг друга козырьками. Сверху было даже проще: прохожие не путались под ногами, а вид открывался превосходный. Казалось, отсюда можно легко дотянуться до вечно тусклого

неба, которое даже летом редко радовало солнечной погодой.

Порой я задерживалась на каком-нибудь карнизе, рассматривая городскую суету и проживая чужую жизнь вместе с хлопотами случайного горожанина или ротозея-путешественника. Бывало, доставала кинжал, чтобы он словил летний блик и одобрил мой сегодняшний выбор незнакомца.

Да, я много вспоминала о Каасе. И он всегда был со мной.

У сувенирной лавочки сегодня была настоящая очередь из хмурых, как и сам город, коренных жителей – квартиндцы спешили приобрести свечи к ночи Красной Луны, что традиционно служила началом года и осени в нашем королевстве. Я насмешливо хмыкнула, потому как позаботилась о покупке заранее, припрятав пару свечей из ароматного медового воска.

Деньги у меня теперь водились, и по широкой мостовой вышагивали новые сапоги из бычьей кожи. Отличные, крепкие, на толстой подошве и с частой шнуровкой почти до колена. От такой обновки настроение моё было радостным, и я, насвистывая под нос знакомую мелодию, свернула в нужном мне направлении.

Харгидовая улица, на которой жила Эрика Томсон, располагалась ближе всех к академии, на самой окраине Кроуница. Это был тихий район с приличными домами, трубами канализации и цветами на подоконниках. Ветер здесь гулял особенно сильный, он подгонял пухлых рудвиков, спешащих

по своим важным поручениям. Наверняка подобным моему.

Я вошла под широкую каменную арку, быстро оглядела тихий дворик, юркнула к нужной двери и постучала.

В глаза немедленно бросилась нить алых ягод, похожих на крохотные Красные Луны. Рябиновые бусы, призванные принести в дом благословение семи богов Квертинда, болтались не только на дверной ручке, но и обвивали круглобокий фонарь над входом, напоминающий переспелую тыкву. Должно быть, Эрика Томсон нуждалась в богах больше остальных. И уж точно больше, чем я.

Фонарь премерзко скрипел, почти как старик Минестл, возмущённый праздничным украшением и рваными порывами морского ветра.

Дверь открылась, и я натянула улыбку.

– Доброго дня, Юна, – женщина приняла у меня из рук посылку прямо через порог. – Проходи. Я сейчас.

Невысокая госпожа Томсон с тонкими бровями и жидкими волосами, сквозь которые просвечивала кожа головы, нырнула в тепло домика. Я последовала за ней, прикрывая за собой дверь.

В тёмном прозрачном облаке причёски знатной леди уже различались седые прядки. Несмотря на это, Эрика Томсон держалась достойно и выглядела очень молодо. Зрелый возраст на узком лице подчёркивала лишь мелкая сетка морщин вокруг глаз. Из-за огромного, непропорционально широкого рта я находила её похожей на жабу, но подчёркнутая ак-

куратность и прекрасно подобранные драгоценности всё же позволяли причислить госпожу Томсон к числу красавиц.

На шее женщины виднелась розоватая горлица, выдавая в ней ментора, а это и подавно вызывало у меня уважение к знатной леди. Я никогда не спрашивала, почему госпожа Томсон не живёт в академии, но догадка у меня была: зачистую дети аристократов стыдились присмотра своих менторов. А мейлор розовой горлицы – и подавно.

Хозяйка дома взмахнула полами шёлкового халата и взбежала по лестнице, изящно перебирая ножками в мягких туфлях. Я же осталась топтаться на пороге.

В последнее время мне доводилось бывать тут слишком часто: дом Эрики Томсон уже почти превратился в ломбард или, скорее, музей. Антикварные предметы искусства находили своё место в коллекции аристократки и были любимы не меньше, чем именное оружие – воинами. Стены были увешаны гобеленами и картинами разных стилей, специальные полки служили витринами для статуэток, сувениров и расписной посуды. На дальней стене висели маски веллапольских демонов – грозные и злые, словно ожившие легенды древнего княжества.

В свои посещения я успела тщательно рассмотреть диковинные вещицы увлечённой женщины и даже пополнить их ряды своими доставками. Полюбоваться здесь действительно было на что, но сейчас центром внимания в комнате был молодой парень, что казался не меньшим произведением ма-

гии Нарцины, чем окружающие его предметы.

Высокий длинноволосый блондин с тренированным жилистым телом развалился на широкой кушетке. Почти раздетый: на нём были только свободные летние брюки и тIALЬ с горящим внутри мечом. И парный знак соединения, конечно, который невозможно стереть или замаскировать иллюзией, – едва заметная летящая птица.

– Привет, Виттор, – бесцветно поздоровалась я, переминаясь с ноги на ногу.

Оуренский не ответил и отвернулся к окну, покручивая в руках уменьшенную версию боевого галеона. Отсутствие одежды его совсем не смущало, но я всё же стыдливо отвела глаза. Даже помимо его наготы, поводов для неловкости было множество.

Конечно, родовитый аристократ и лучший ученик факультета Омена, что в прошлом году приглашал меня на свидание в бестиатриуме, теперь полностью игнорировал моё существование. Дружба с сорокиной дочерью не шла на пользу его репутации. А сейчас мне даже показалось, что он особенно не рад меня видеть – Виттор выглядел взлохмаченным и нервным. Ещё и моё служебное положение унижало меня, но с этим стыдом я справилась быстро: любая работа лучше ленивого безделья. Я, в отличие от других, не кланчила деньги у своего ментора.

– Смотри, Виттор, какая прелесть! – показалась на лестнице госпожа Томсон, прерывая напряжённое молчание и

осторожно потряхивая статуэткой. – Волшебная, тонкая работа древнего мага Нарцины! Возможно, она даже стояла в королевской спальне. Я давно охотилась за ней, в описях имущества Иверийского замка она фигурирует, как «Вальс в темноте». Какая интересная мысль заключена в этом образе! Иверийцы часто устраивали такое увеселение на своих балах. Жаль, что эти времена позади.

Я поёжилась от упоминания о династии, но фигурку всё же рассмотрела. Статуэтка из баторского фарфора выглядела, как обычная вальсирующая пара. От студентов с занятий магистра Банфик эти двое танцоров отличались только завязанными глазами. Заключенная в этом образе мысль не показалась мне интересной, но Эрика Томсон нашла её весьма волнующей. Глаза её возбуждённо горели, губы и щёки покраснелись, лишив женщину привычной бледности. Должно быть, сегодня она не стала накладывать пудру.

– Она видела, как сжигают Иверийских правителей, – рыкнул Виттор, даже не взглянув на статуэтку. – Избавься от этой мерзости!

– Но... – начала его ментор, застыв на последней ступеньке.

– Но?! – неожиданно выкрикнул Виттор. – Эрика, ты будешь хранить *это* в доме?!

Женщина стушевалась, брови её поехали вверх, собираясь домиком. Она явно чувствовала себя пристыженной и даже на миг захотела вернуть мне посылку, но передумала и

крепко прижала хрупких танцоров к груди.

Я же чуть не поперхнулась слюной от такого обращения с ментором. Попыталась представить, как я кричу на Джера, и немного развеселилась от этой картины.

– Виттор, – мягко проговорила госпожа Томсон, – эта вещь – такая же свидетельница смерти Иверийской династии, как и мы все. То, что она оказалась ближе нас к убийцам шестнадцать лет назад, не делает её мерзостью.

Госпожа Томсон тихонько подошла и протянула мне два тугих мешочка, набитых золотыми лирнами. Кажется, она даже попыталась мне улыбнуться, но тут же придала виду строгость, глянув на своего мейлора.

Я проверила Кааса на бедре, убеждаясь, что мне будет чем защититься от случайных разбойников, если они вдруг вздумают меня ограбить. От этого жеста Виттор вскочил, в два прыжка оказался рядом со своим ментором и рывком прижал её, точно так же, как она прижимала ту самую статуэтку со странным названием. Госпожа Томсон зарделась ещё сильнее и спрятала лицо на рельефной груди своего мейлора.

Мне тоже захотелось спрятать лицо, потому что глаза мои наверняка стали похожи на отделанные лазуритом блюдца из местной коллекции. Даже не знаю, что меня больше удивило: то, что Виттор пытается защитить госпожу Томсон от меня, или то, что это объятие показалось мне слишком интимным. Определённо, отношения Виттора с его ментором сильно отличались от тех, к которым я привыкла.

– Проваливай, – грубо рыкнул Оуренский, сообразив, что я не собираюсь устраивать драку.

Я поспешила убрать мешочки в разные карманы и спокойно поблагодарила леди Томсон, кинув осуждающий взгляд на Виттора. Не думал же он, что я буду нападать на беззащитную женщину прямо в её доме? По крайней мере, я постаралась придать взгляду осуждения, потому что на самом деле в нём было больше любопытства. Хотелось ещё раз взглянуть на странную пару, которая гораздо лучше подходила под описание «Вальс в темноте», чем статуэтка, которую я доставила. Неужели они не боялись осуждения? Может, именно поэтому Виттор спрятал госпожу Томсон подальше от академии и любопытных глаз?

Какое-то странное чувство царапнуло злой кошкой, ощетинилось неприязнью к непривычной нежности. Буркнув что-то вежливое на прощание, я выбежала в тесный ухоженный дворик. И порадовалась наползающему туману, что служил отличным прикрытием для горожан.

– Господин Норм! – крикнула я, пробираясь внутрь оружейной лавки. – Я принесла оплату от Селована Минестла!

Добралась я на удивление быстро, срезая путь через узкие проулки, больше похожие на коридоры из-за нависающих глухих арок. Сразу же вытащила оба звонких мешочка и бахнула на прилавок, за которым сейчас было пусто. По-

сетителей тоже не наблюдалось, и я с любопытством потрогала плотные брусочки из кроуницколя – редкого минерала с местных шахт. Красивый ряд удлинённых камней размером с мужскую ладонь начинался прозрачным, молочно-белым кирпичиком и заканчивался тёмно-зелёным. У прилавка обычно всегда собиралась толпа мужчин – все желали приобрести себе такой камень для заточки клинков. Я тоже желала, но обычно держалась на расстоянии, потому что пока решила ограничиться сапогами и подкопить сбережения. Сейчас же в оружейной было пусто и я смело поглаживала шершавые поверхности камней, пытаясь на ощупь определить самый грубый.

– Господин Но-о-о-орм! – громко повторила я, представляя звук заточки клинка об кроуницколь.

Оглянулась на увешанные оружием стены, что поблёскивали сталью в свете канделябров. На первый взгляд, всё было на месте. Витрины и стойки тоже выглядели привычно, ошетиनिваясь лезвиями мечей, топоров, глеф и кинжалов. Изнутри кольнуло лёгкое беспокойство, возвращая меня в лабиринты Кедровок. Я даже начала испуганно озираться, но, к счастью, из каморки показался вполне живой и здоровый хозяин местного арсенала. Здоровый не только в прямом смысле: Помпоз Норм, владелец лавки, был похож на медведя – широкий, высокий, с огромными ручищами-лапами. Я бы наполовину могла поместиться в карман его грубого передника, если бы вдруг вздумала подражать сумчатому де-

тёньшу с картинок книги о редких животных.

– А, Юна! – обрадовался господин Норм, пригибаясь под дверной аркой. – Ты очень кстати! Можешь задержаться, пока я буду пересчитывать лирны? Я не доверяю ломбардийцам: весьма жуликоватый народец! Ох...

Он потёр рукой ушибленный лоб, которым всё-таки задел проход, и виновато втянул голову в плечи. Пересчитывал лирны господин Норм обычно очень медленно, но меня это только радовало.

– Я тоже ему не доверяю, – искренне улыбнулась я. И добавила: – Вы ведь знаете, что я обожаю задерживаться у вас.

– Хе-хе-хе, – довольно засмеялся огромный мужчина и махнул рукой: – Знаю, что тебя интересует. Можешь попробовать любой.

Я убедилась, что господин Норм заметил мешочки, и развернулась к стойке с луками. Прошлась вдоль ряда изогнутого оружия, поглаживая почти каждую рукоять. Некоторые луки господин Норм изготавливал сам, другие привозил из разных концов королевства. Новые, пахнущие деревом и краской, с пока ещё идеально гладкой тетивой, они были для меня предметом поклонения. Надо отметить, что арсенал академии имел в своём составе образцы ничуть не хуже, чем выставленные в лавке «ОружейНОРМ», но я всё равно каждый раз восхищалась, доставляя заслуженными комплиментами удовольствие нам обоим – мне и владельцу этого богатства.

За спиной зазвенели лирны, когда я застыла перед длинным кейсом, устланным изнутри мехом. В его пушистых объятиях покоился незнакомый мне лук, украшенный насечками и золотой инкрустацией. Полностью металлический, совершенно новый, он призывно манил мою ладонь хищным профилем чёрной рукояти. Она перетекала в изумительные изгибы плеч, идеально плавные и тонкие. Я ещё ни разу не видела такого красивого оружия.

– Господин Норм! – я нетерпеливо развернулась на пятках. – Господин Норм! Он прекрасен! Лучшее из ваших творений!

– О! – отозвался оружейник, бросая пересчёт. – Это не моя работа, увы. Такие материалы трудно достать в Кроунице.

Мужчина спешно подошел, словно боялся, что я могу похитить оружие. Честно признаться, такая мысль у меня мелькнула. Хотя и шутливая, но всё же довольно навязчивая. Видимо, она слишком явно отразилась на моём лице, потому что Помпоз Норм достал лук и бережно погладил его огромной ладонью. Даже начал раскачиваться из стороны в сторону, убаюкивая произведение оружейного искусства, словно ребёнка.

– Только сегодня приехал, сам не могу насмотреться, – промурлыкал он, обнимая оружие. – Карнеум – один из самых точных луков в мире. Таххарийская сталь и многослойное покрытие, устойчив даже в солёной воде. Тетива пере-

менной ручной вивки с дополнительной нитью. Идеально плавное растяжение без сильных вибраций. Скорость полёта стрелы – до сотни шагов в секунду.

От перечислений достоинств лука у меня перехватило дыхание, и я даже по-новому взглянула на этот образец. Мастер, изготовивший его, явно знал своё дело. И самое главное – любил. Это было видно с первого взгляда на оружие, которое я немедленно нарекла своей новой мечтой.

– Потрясающе, – я заворуженно наблюдала за ласкающей сталь широкой ладонью. – А что с его рукоятью?

Очень хотелось потрогать короткую ребристую поверхность со странным выступом, но я стеснялась прикоснуться к шедевру.

– Специальный внутренний прилив, – господин Норм всё-таки протянул мне оружие. – Ограждает запястье от повреждений и позволяет стрелять даже боком, положив лук на препятствие. Подержи его!

Я осторожно приняла из мужских рук творение мастерового гения. И почти замычала от удовольствия. На ощупь лук оказался ещё большим совершенством, чем на вид.

– Лёгкий, – коротко заключила я с рассеянной улыбкой.

– При длине в шестьдесят дюймов весит чуть больше дамского кинжала, – торжественно объявил довольный Помпоз Норм. – Это работа старика Карнеума, который называет созданное им оружие своей фамилией. После того, как подержишь в руках его лук, не хочется никакого другого. Я уже

много лет не видел творений Карнеума, а это – совершенно новое.

– Не хочется никакого другого, – однозначно подтвердила я и натянула тетиву, что казалась продолжением моих пальцев. – Я полюбила его, как только впервые увидела. Сколько же он стоит?

– Увы, – мужчина со вздохом развёл своими ручищами, – он не продаётся. Специальный заказ из Лангсорта для одного важного господина.

– Для кого? – выпалила я, неохотно возвращая оружие в кейс.

И сразу же пожалела о своей торопливости. Захотелось снова схватить рукоять и убаюкать, как делал оружейник. Ну и вопрос тоже был лишним. Разумеется, я знала, что мне не дадут ответа.

– Имя я назвать не могу, – господин Норм вернулся за прилавок, подтверждая мои догадки. – Серьёзный и властный на вид господин. Хорошо разбирается в оружии.

Я неохотно поплелась следом, стараясь не кидать слишком жадные взгляды на чужое счастье, что покоилось в своей меховой колыбели.

– Ещё бы, с таким-то заказом! – однозначно хмыкнула я. Оружейник уставился на лирны, словно впервые их увидел. Я тоже опрометчиво забыла о деньгах, пока рассматривала Карнеум. К счастью, воришки редко заглядывали в лавку, так что лирны остались нетронутыми.

– Должно быть, коллекционер, – протянул Помпоз Норм, задумчиво перебирая монеты. Между внушительных бровей мужчины залегла сосредоточенная складка. Было похоже, что простой счёт доставляет ему некоторые трудности.

– Как он выглядел? – уточнила я, пытаюсь нарисовать в воображении хозяина своей мечты.

Почему-то перед глазами встал Господин Демиург. С момента получения письма я не встречала его больше ни разу и даже не получала весточки. Не считая предложения работы от Минестла. Пожалуй, создатель Ордена Крона внешне походил на коллекционера – конечно, если принять на веру, что именно он был тем представительным господином, которого я видела с консулом Рутзским. Его лица с появления в Фарелби я почти не помнила – только жуткие разноцветные глаза.

– Юна, – серьёзно и как-то обиженно ответил господин Норм, – обычно я не разглядываю мужчин.

Я вздохнула и с досадой оглянулась на совершенный лук, который был предназначен для стрельбы из любого положения. Держать такое оружие в кейсе, пусть даже самом мягком и роскошном, казалось мне настоящим кощунством. Расстроившись, я даже начала постукивать сапогом по полу, в такт шёпота оружейника, пересчитывающего лирны.

– Всё верно, – наконец заключил владелец «ОружейНОР-Ма» и протянул мне руку: – Рад сотрудничеству с Селованом Минестлом!

– А я не очень, – моя ладонь почти по локоть утонула в рукопожатии. – Но с деньгами у него всё в порядке.

– Доверяй, но проверяй! – погрозил пальцем господин Норм, прищуриваясь. – Кааса тебе заточить?

Удивительно: он иногда забывал, как зовут его постоянных покупателей, но имена оружия всегда помнил в точности. Сталь оружейник уважал больше, чем людей, наделяя даже короткий и самый дешёвый ножичек особым характером. Мне дико нравилось такое отношение, тем более что мой кинжал и правда обладал душой.

– Я им почти не пользуюсь, – пожалала я плечами, направляясь к выходу. – Так что он ещё острый.

– Как говорят таххарийские воины: «Даже если меч понадобится один раз в жизни, носить его нужно всегда», – с назидательным видом протянул оружейник. – Я бы добавил, что точить его тоже нужно всегда.

Я много раз слышала эту знаменитую присказку в исполнении господина Норма, поэтому лишь согласно хмыкнула. Так он обычно рекламировал кроуницколь, которым затачивал лезвия. Как ни странно, работало это прекрасно: посетители проникались простой мудростью и охотно выкладывали кругленькую сумму за уникальный кроуницкий минерал.

– В следующий раз, – кинула я, скрываясь за тяжёлой входной дверью. – До встречи, господин Норм!

Хозяин оружейной лавочки махнул мне на прощание тяжёлой лапой и отвернулся. Я же вынырнула в молочное мо-

ре тумана, что разлилось вдоль Тифоньего бульвара. В нём невозможно было рассмотреть ни одной вывески, даже усиленной магией Мэндэля, но я прекрасно знала, где находится транспортная компания. Не удержавшись, я всё-таки кинула полный сожаления взгляд на проржавевший щит над входом в «ОружейНОРМ». Чужое счастье, о котором я могла лишь мечтать, дразнило меня своей близостью.

Нет предела человеческой жадности: чем больше мы имеем, тем больше желаем получить. Ещё год назад я и предположить не могла, что буду учиться среди богатых детей аристократов, стрелять из отличных боевых луков и числиться мейлори лучшего в мире ментора. А теперь мне хотелось большего. Не просто знатного окружения, но и их признания. Не просто отличный лук, а самый лучший. И быть не только мейлори, а... А кем? Я с силой шлёпнула ладонью по чёрному пауку, чтобы приглушить несвойственную мне алчность, и поплелась за капраном.

Квертинд – это традиции и наследие, как некогда заметила Надалия Аддисад. Это Иверийская династия с её странными загадками и величием, которое приводит в трепет жителей одним только упоминанием. Это магия семи богов, что живут в каждом воззвании, растворяясь в воздухе разноцветным свечением. Это странная смесь добра и зла, хорошего и плохого, простого волшебства и сложных случайностей. Это

сказочный мир, щедро сдобренный кровью. И, как и кровь, этот мир пульсировал, растекался по артериям дорог, густел и сочился сквозь раны своей многолетней истории. Но во все времена, Древние и Новые, Квертинд начинался с его Красных Лун.

Точка отчёта, что прямо сейчас начинала двести десятый год, представлялась мне особым завершением истории, что длилась четырёста двенадцать дней краснолунного года, и началом какой-то новой, совершенно иной. А сама Красная Луна была окошком, узким глазком, сквозь который боги оценивали Квертинд, решая, какие ещё потрясения и изменения послать его жителям.

Бордовый диск наполовину выглянул из-за Галиофских утёсов, едва пробивая алым свечением густой ночной туман. Я усмехнулась: если боги и смотрели сейчас на меня сквозь кровавую дыру в ночном небе, то Кроуниц точно затруднял им видимость. Я полюбила этот город туманов, фонарей и диковинных легенд, такой же чужой для Квертинда, как и я сама, но всё же являющийся его частью. И он отвечал мне взаимностью.

Одинокая свеча дрожала пламенем в моих руках, отдавая дань памяти погибшим. Не только Иверийским правителям, как это принято у квертиндцев, но и всем, кого я потеряла к своей восемнадцатой Красной Луне. И хотя это была только вторая Красная Луна, которую я видела в своей жизни, у меня была уже личная, грустная, но всё же необходимая

традиция.

Иверийская корона, которую удерживали статуи семерых богов, казалось, не отражала, а впитывала багряный лунный свет, поглощая льющуюся с неба благодать.

Я думала об отце, который так и не увидел меня студенткой академии. Я думала о матери, которая оставила мне такое странное наследство и погибла ради своей идеи. Я думала об узниках из Кедровок, которые навсегда застыли тенями в моём сердце. И, конечно, я думала о Каасе.

Тусклые свечные огоньки вспыхнули вокруг, выдавая присутствие обитателей академии. Студентов с каникул вернулось ещё совсем мало, поэтому зелёных жилетов было не больше десятка. Небольшая группа образовалась с другой стороны статуи – подальше от меня. Они тихо перешёптывались, зажигая свечи от пламени уже горящих и сверля меня взглядами.

На площадь высыпали рудвики под предводительством Эльки Павс. Плотный воздух наполнился плавающими в тумане огоньками, высокими и низкими, крупными и мелкими. И все они стекались туда, где не было Юны Горст. На площади перед академией собралось уже много людей и рудвиков, но я стояла одна под прицелом краснолунного света и горького презрения.

В толпе я заметила магистра Калькут: её освещённый крохотным пламенем подбородок выглядел зловеще. Даже она сторонилась меня, подчёркивая, что мне нет места на празд-

нике памяти в честь правителей, которых убила моя мать. Я сжала в ладони таль, надеясь, что этот крохотный жест верноподданства докажет местным квартинщикам мою непричастность. Кажется, сделала только хуже: некоторые студенты презрительно сморщились.

Ректор Аддисад стояла у входа, не двигаясь ни к одной из сторон. Вряд ли она хотела подчеркнуть свой нейтралитет – взгляд её был блуждающим и рассеянным. За лето мы виделись редко, но я успела заметить, что поездка в столицу сильно изменила ректора: она стала задумчивой, подавленной и какой-то обречённой, как будто в сильной женщине погас её лазурный огонёк. Даже сейчас она отрешённо вглядывалась в пламя свечи, словно могла увидеть там свою судьбу.

Я тоже перевела взгляд на трепещущий огонёк, пытаюсь раствориться в нём мыслями, чтобы не видеть осуждения окружающих, несправедливого и очень обидного. Воск стекал тяжёлыми каплями, источая медовый аромат. Пламя свечи горело ровно, но вдруг дрогнуло, когда в него вторгся ещё не зажжённый фитиль. Я улыбнулась.

– Загадала желание? – Джермонд поднял горящую свечу и взглянул на Красную Луну, что уже вскарабкалась по ночному куполу и висела над нашими головами.

На площади стало тише, и поднятые к небесам лица студентов развернулись в нашу сторону. Мы с моим ментором привлекали внимание даже больше краснобокой виновницы торжества. Как будто именно ради нас собрались все при-

сутствующие. К счастью, теперь это волновало меня гораздо меньше. Люди стали просто фоном, красивой живой декорацией, огоньками свечей, что мелькали в алеющем тумане вокруг статуи семи богов. Тишина, необычный свет и мерцание огня придавали ощущение таинства, тихого праздника. И теперь, когда ментор был рядом, я почувствовала, как меня заполняет торжественная радость. Багряное свечение отразилось в зрачках Джера, облепило его щёки. На удивление, гладкие и тщательно выбритые.

– Никак не могу выбрать, – призналась я, довольная тем, что больше не одна. – Оказалось, я мечтаю слишком о многом.

О том, что под Красной Луной принято загадывать желания, я узнала совсем недавно. В середине лета, когда мне только минуло восемнадцать, на нашем краю земли выдалась удивительная ночь с крупной, хоть и обыкновенно белой лунной. Тогда мне впервые удалось поднять настоящий фонтан из комьев свежей почвы с помощью магии Ревда, и я без сил валялась в летней траве, щурясь от непривычно яркого лунного света.

Плато на вулкане вызывало неприятные воспоминания, но мой ментор настоял, чтобы мы туда вернулись и продолжили тренировки. То же место он выбрал не из сентиментальности, просто на Сомнидракотуле пока не встречались икша и там нам никто не мог помешать.

Когда же я, лёжа под освещённым ночным небом, уже на-

чала предаваться грусти и печали, Джер улёгся рядом и рассказал мне о прошлом Квертинда. О том, что раньше первый день года был не днём памяти, а, скорее, днём беспамятства. До смерти Мирасполя и Лауны люди предпочитали забывать в эту ночь обо всём плохом: веселились, держались за руки, смеялись, напивались и загадывали желания, которые непременно исполнялись впоследствии. По крайней мере, квертиндцы в это верили – так же, как верили в своих богов.

– В прошлом году ты точно знала, чего хочешь больше всего, – заметил Джер, прерывая мои воспоминания. – Появилось что-то важнее этого?

– Не совсем, – я пожала плечами и оглянулась, убеждаясь, что нас никто не слышит. – Юна Горст теперь символ проклятия. Дочь убийцы Иверийцев. Мне ужасно не нравится эта роль. Вот и разрываюсь между мечтой снова стать всеобщей любимицей и желанием безнаказанно перерезать всех во славу Толмунда.

– Что побеждает? – усмехнулся ментор.

– Пока первое, – улыбнулась я в ответ. – Но это только начало списка. Оказалось, воевать с судьбой куда проще, чем со своими прихотями.

– В отличие от судьбы, проигрывать прихотям бывает приятно, – Джер приветственно кивнул ректору Аддисад, которая заметила его на площади.

– Ты ведь не благословил меня сейчас на кровавую бойню? – уточнила я, поправляя кинжал.

– В отличие от них, – он кивнул на настороженную толпу, – я знаю, что ты не способна на это. Даже с учётом моего благословения.

– Других идей по восстановлению репутации пока нет, – вздохнула я, оглядывая студентов. – Боюсь представить, как буду справляться с ними весь следующий год.

С приближением начала учёбы это беспокоило меня всё больше. Совсем скоро академия заполнится людьми, которые будут прожигать во мне дыру своей ненавистью. И ладно бы, если бы это ограничивалось только косыми взглядами и молчаливой неприязнью. Увы, я слишком хорошо изучила местные нравы, чтобы понимать очевидное: спокойно учиться мне не дадут.

– Завоевать любовь толпы порой проще, чем любовь отдельного человека, – Джер слегка наклонил свечу и пламя дрогнуло. – Достаточно управлять их воображением. У тебя получится, Юна. И ты даже удивишься, как это легко.

– Я помню первый урок ментора, – торопливо перебила я. – Нужно дать им то, чего они желают больше всего. Но вряд ли я смогу воскресить их любимых королей. Кажется, на меньшее квартиндцы не согласны.

Получить всеобщее одобрение мне помогло бы лишь краснорунное чудо, если бы именно это я загадала в волшебную ночь. Но пожелать можно было что-то одно, и я тяжело вздохнула от трудности выбора. Перед глазами встал Карнеум и почему-то фарфоровая фигурка в руках госпожи Том-

сон. Чего больше всего желала я? Вот бы получить ответ и на этот вопрос у своего ментора. Я осторожно взяла его за руку, надеясь, что туман послужит хорошим прикрытием. К сожалению, ошиблась, потому что заинтересованные взгляды вернулись. В растерянности я попыталась отдёргнуть ладонь.

– Не всеми можно управлять через их желания, – Джер сам крепко сжал мою руку, не позволяя высвободиться. – Твоя непричастность к делам Тезарии Горст очевидна, но вряд ли ты сможешь это объяснить. Массы нечувствительны к рассудочным доказательствам. Они понимают только два языка: обольщение и силу. И если ты больше не можешь обольстить их своим авторитетом, тебе остаётся подчинить их посредством страха.

– Предлагаешь запугать их? – я округлила глаза, не веря, что это говорит мой ментор.

Площадь заполнили взволнованные шепотки. Даже рудвики наострили мохнатые уши, как будто наш простой жест играл особую музыку.

– Они уже напуганы, – подтвердил Джер. – Своими собственными иллюзиями на твой счёт. Я предлагаю тебе использовать это в своих интересах. Порой страх куда более сильный мотив, чем прихоти. И он поможет сдержать стихийное насилие по отношению к тебе.

– Ты всё-таки настаиваешь на бойне, – шутливо резюмировала я. – Надо было зарезать Трейсли в прошлом году, что-

бы подпитать собственное величие! Стоило хотя бы оправдать свою дурную репутацию.

Моя свеча уже почти догорела, и я задула её, чтобы не обжечь пальцы. Туманная тьма окутала меня, и я облегченно выдохнула. Заветное желание так и осталось загаданным, но у меня ещё было время до захода луны.

– Не обязательно её оправдывать на самом деле, – ответил ментор. – Достаточно не мешать людям думать о тебе так, как им нравится. Попытки доказать всем, что ты не злодейка, быстро превратят тебя в жертву. А это ещё хуже.

– Уж лучше останусь хищницей, – согласилась я, злобно оскалившись. Лилии, и бывшая девушка Лонима слабо пискнула, прячась за спиной магистра своего факультета.

– Не заиграйся, – хмыкнул Джер, заметив это.

Он тоже погасил свечу, и теперь нас едва ли можно было различить в тумане.

– А ты загадал желание? – спросила я. – У тебя вообще есть мечта?

– Была одна, – неохотно поделился Джермонд, вглядываясь в Красную Луну. – Последние годы я загадывал одно и то же.

Это было так удивительно, что мой рассудительный ментор, который подвергает всё аналитике, верит в краснолунное желание. В какой-то мере, это само по себе было чудом.

– И что с ней случилось? – мой взгляд не отрывался от лица Джера. – Она сбылась?

– Почти, – ментор тоже посмотрел на меня и улыбнулся. – Но теперь у меня появилась ещё одна.

– Какая? – я замерла, глядя ему в глаза, как перед важным откровением. Сердце пропустило удар, и мир исчез, растворяясь в краснотунном свете. Так странно: мне ничего не угрожало, я не боролась с судьбой и не смеялась в лицо опасности, но дышала часто-часто, как будто пыталась надыхаться этим мгновением впрок.

– Магистр Десент! – послышалось за спиной.

– Вот крихт, – вырвалось у меня.

Я обернулась и проследила за взглядом Джера. Ректор Аддисад придерживала дверь и махала рукой, приглашая магистра Десента внутрь. Вокруг уже никого не было, мы остались одни. Кажется, сейчас я начала понимать Виттора, который прятал госпожу Томсон подальше от академии. Мне тоже хотелось спрятать своего ментора ото всех, лишь бы нас больше никогда не прерывали.

– Прекрати ругаться, – тихо сказал Джер у моего виска. – И вернись в академию, не нарушай правил: на улице всё-таки темно.

– Нужно пожелать покоя для тебя и меня, – буркнула я, покорно шагая к оббитым рябиной дверям. – Хотя бы на ближайший год.

– Подозреваю, что на это чудо не способны даже боги, – ухмыльнулся Джермонд. – Я не вижу впереди спокойствия. Ни для тебя, ни для себя.

Ответить я не успела, потому что в гостиной мы снова оказались в центре внимания. Огромный камин ярко горел, освещая сонных обитателей. Джер почти сразу скрылся за нефритовой аркой столовой, куда его поманила Надалия, и я опять осталась одна. Студенты лениво перешёптывались, ненадолго прервавшись при моём появлении. Захотелось порычать для остротки, подражая горному льву с гигантской фрески, но я сдержалась.

Вилли дремала на одной из лавочек, смешно подрагивая ушами во сне. Я неуверенно оглянулась на дверь – было бы неплохо ещё разок взглянуть на Красную Луну и всё-таки озвучить ей своё желание, хотя бы мысленно. Но входные ворота гостиной отделяли меня от нарушения глупых правил, поэтому я обречённо поплелась к одной из лестниц.

На полпути в свою комнату ко мне пришла гениальная мысль. Облачный мост! Ну конечно, по нему можно гулять даже ночью – Фиди говорила об этом в прошлом году. Должно быть, вид оттуда открывается ещё лучше, чем с площади перед академией. Так я буду ближе к Красной Луне – кто знает, может, это поспособствует исполнению моей просьбы?

К открытому балкону я поднялась быстро, перепрыгивая сразу несколько ступеней. Даже почти не запыхалась – сказывались регулярные тренировки. Крохотные огоньки на высоких перилах подрагивали вдоль моста на всём его протяжении. В таком тумане они были действительно необходимы. Я сделала пару шагов, положила ладони на прохладный

камень ограждения и задрала голову.

Красная Луна, в отличие от огоньков, горела ровно и даже как-то упрямо. Круг был нечётким, но из-за сияющего алого ореола небесная царица ночи казалась больше, чем на самом деле.

Я глубоко вдохнула, унимая сердцебиение, и облизала с губ влажные капельки. Ровно год назад у меня было совершенно одно конкретное желание: убить Кирмоса лин де Блайта. Это была моя главная цель, мой долг, моё обещание и моё будущее. Но было ли это моей самой важной мечтой? Мысли хаотично заметались, как голодные кролики, замерцали тусклыми бликами на чёрной рукояти Карнеума, заскандировали моё имя голосами улыбающихся студентов, взорвались зелёной магией Ревда. О чём я мечтала?

– Не торопи меня, – предупредила я Красную Луну, которая уже коснулась свечением пиков скал.

Всё, что приходило в голову, казалось таким мелочным, недостойным настоящего волшебства. Стройная череда моих прихотей кружилась хороводом вокруг одного-единственного потаённого желания, о котором я боялась и думать. Пламя того огонька, что зажглось в моей жизни с появлением ментора, разгоралось только сильнее от того, что я пыталась задуть его. Я ещё долго могла бы лгать себе, трусливо прячась за прихотями, но от этого ничего не менялось. За последний год я успела в этом убедиться.

Вдруг один из фонарей мелькнул и перепрыгнул с места

на место. Я моргнула, отгоняя туманную иллюзию, и всмотрелась в дальний конец моста. Тусклый огонёк не двигался и даже не мерцал: просто застыл неподвижным светящимся пятном. Вместе с ним, казалось, в багровом тумане застыл мир, словно время остановило свой бег. Даже Красная Луна насмешливо зависла в воздухе, ожидая моего желания.

Я сглотнула неожиданно вязкую слюну и обняла ладонью чёрного паука. И на быстром выдохе, чтобы не успеть передумать, одними губами прошептала своё заветное желание, самую важную мечту. Тут уже отшатнулась и вздрогнула, потому что огонёк перепрыгнул ещё раз. Совершенно точно — мне не показалось. Неожиданный страх ослабил меня, ошестинился острой ледяной струной. Я испуганно схватилась за перила, чтобы не упасть, и различила вдали какое-то движение. За мной следили?

На секунду забеспокоилась, что меня услышали, но это было невозможно. Сперва захотелось позорно сбежать и спрятаться, к тому же после того, как я озвучила вслух своё сокровенное желание, навалилась какая-то обречённая слабость. Как будто я прошептала не мечту, а воззвание, и оно истощило мою магическую память. Если бы это было правдой, я была бы настоящей волшебницей, которая одной фразой способна исполнять собственные желания. Увы, моя главная мечта была несбыточной, невозможной, невероятной, и сейчас я даже пожалела о том, что поддалась романтической глупости.

Огонёк всё так же метался из стороны в сторону, и я попятилась к двери. Но вовремя вспомнила, что не собираюсь становиться жертвой, поэтому твёрдо зашагала по мосту в сторону прыгающего пламени. На середине пути закружилась голова, и я схватилась за ограждение, зашипев от злости на саму себя. Отступать было нельзя.

Глаза напряжённо вгляделись в две человеческие фигуры, что почти не двигались. Отругав себя за впечатлительность и малодушие, я двинулась к ним. Конечно, было бы неприятно обнаружить тут таких же находчивых студентов, как и я, но прятаться от них было ещё неприятнее. К моей радости, это оказались два задумчивых магистра, любующиеся закатом багрового диска. Они передавали друг другу зажжённую причудливую трубку, из которой валил густой дым, различимый даже в тумане.

– Студентка Горст, – магистр Риин от растерянности закашлялся и попытался спрятать длинный мундштук за спину. – В такой час студентам положено спать.

– Юна, – радушно заулыбался Голомяс при виде меня. – Мы было подумали, что к нам идёт Нада... ректор Аддисад.

– Извините, – я отступила на пару шагов, смущённая тем, что потревожила магистров.

По себе я знала, что это крайне неприятно. Тревога и глупый страх сменились свинцовой усталостью, и я, теперь уже осознанно, привалилась к высоким каменным перилам. Чего я испугалась? Юна Горст, что смеётся в лицо опасности, что

видела икша и кровавую магию, струсил, заметив прыгающий огонёк в ночи?

– Мы как раз обсуждали новую книгу, – деловито сообщил библиотекарь. – Пришёл целый ящик крепких переплётков. Ты непременно должна её прочесть, Юна!

– Меня теперь больше интересует историческая литература, – настороженно огляделась я, раздумывая, уместно ли тут оставаться.

– Разумно, – одобрил магистр Риин. – Эти новые романы выходят каждый год. И все про любовь, как будто мир состоит исключительно из чувствительных дев.

Он глубоко затаился, расслабившись. Я порадовалась, что моё присутствие больше не беспокоит ментального мага: Флейн Риин почти развалился на парапете и уставился в одну точку, задумчиво подпирая подбородок.

– А мне нравятся истории про любовь, – Голомьяс смотрел туда, где скрылась Красная Луна. – Должно быть, я уже достаточно стар, чтобы воспринимать их со всей серьёзностью и удовольствием.

Я развернулась в сторону его взгляда. От новогоднего святила остался светящийся край, выглядывающий из-за кромки гор. Кажется, я ещё успевала почтить память Чахи, хотя свечи у меня больше и не было. Я вспомнила кровавую ведьму, великую волшебницу, которая обожала и творила истории про любовь.

– И что это за новая книга? – лениво поинтересовался ма-

гистр ментальной магии, снова затягиваясь.

Табак в трубке разгорелся ярко, потянуло сладковатым дымком жжёного сена. От этого запаха захотелось спать, и я едва сдержала зевок.

– Называется «М и М», – торжественно произнес Голомяс.

– Странное название, – озвучил мои мысли магистр Риин.

– Согласен, – Голомяс поправил остатки волос на затылке. – Но написана отлично. Только послушайте: «Бойтесь своих желаний, ибо они имеют свойство сбываться!» Превосходно. Роскошно!

– Похоже на простую истину, – равнодушно заключил магистр Риин.

– А опыт – это и есть бесконечное подтверждение простых истин, мой друг, – отозвался чудаковатый библиотекарь. – Когда открываешь для себя очередную, хочется кричать: «Что ж вы, люди! Бойтесь своих желаний, я серьёзно!» Но люди только посмеиваются и тактично кивают. Ровно до тех пор, пока не откроют это для себя лично.

– И им останется только присоединиться к общему хору познавших жизнь, – иронично хмыкнул магистр Риин и сам себя прервал зевком.

– Не забывайте, молодой человек, – Голомяс забрал трубку. – Всё-таки я гожусь вам в прапрапрадеды.

Я попыталась примерно сосчитать, сколько «пра» мне стоит добавить, чтобы правильно соотнести возраст кроваво-

го мага и свой. Мозг категорически отказывался выполнять даже такую простую задачу, и я тоже зевнула, не удержавшись. Стрелки над Иверийской короной циферблата показывали ранние утренние часы, и моя сонливость вступала в своё привычное право.

– Нет, в самом деле, – не сдавался магистр Риин, – почему именно «М и М»? А не «Ма и Ма», к примеру?

Взгляд его рассеянно блуждал в сумерках, которые почти потеряли красноватый оттенок.

– Может, лучше «Ме и Ме»? – предложил Голомьяс, выпуская колечки едкого дыма. – Ближе к нашей реальности.

– Концептуально, – с умным видом согласился магистр Риин.

Я обернулась, почувствовав взгляд. На мосту стоял ещё один человек, скрытый в сумеречном тумане. Но я сразу узнала его. Его я узнала бы из сотен и миллионов только по одному силуэту.

Губы сами собой разъехались в улыбке. Этого стоило ожидать: Джера наверняка привела сюда наша связь, но я всё равно порадовалась его появлению. Он пришёл за мной. Захотелось поблагодарить Красную Луну, но она уже полностью исчезла, не оставив даже слабого света. В следующий раз мы увидимся только через год. И тогда я точно вознесу ей хвалу.

Прямо сейчас я могла подойти к своему ментору, прикоснуться к нему, вдохнуть его запах и даже обнять. Может,

моё желание не такое уж и несбыточное? Может, и для меня предназначен обрывок счастья на пути к собственной мечте? Может, когда-нибудь я буду так же необходима ему, как он – мне?

– Я, пожалуй, пойду, – тихо сообщила я увлечённым беседой мужчинам.

Оба магистра повернули ко мне свои лысые головы так, будто успели позабыть о моём присутствии.

– Юна! – почти вскрикнул Голомьяс, подтверждая мои слова, и с таинственным видом изрёк: – Бойся своих желаний, Юна. Бойся, ибо они имеют свойство сбываться.

Я хмыкнула от бульварной глупости из девичьего романа, пожелала магистрам доброй ночи и радостно зашагала в сторону ментора чёрного паука.

Глава 2. Мраморный фасад Квертинда

Динь-динь – бархатные бубенцы занавески, покачиваясь, бились друг о друга. Хотели рассказать мне короткую историю горячей страсти, что некогда вспыхнула здесь, и я улыбнулась. Служебный дилижанс Претория слабо накренился, взбираясь на очередной мост.

За окном заплескалась серебристая Лангсординь и разбилась в своём неистовстве низеньким водопадом.

Ласковая осень в этом году рано позолотила белоснежный наряд столицы, затанцевала тёплым ветром у высоких витрин и на площадях. Свет с неба, едва тёплый, охристый, разлился по мрамору Лангсординь медовой патокой, словно солнце теперь сияло через кусок янтаря. И квертиндцы бродили вдоль улиц и переулков неспешно, наслаждаясь началом нового года и красотой столицы.

– Жизнь Везулии Иверийской была очень короткой и печальной, увы, – Камлен Видящий, что сидел напротив, протянул руку и потрогал тёмную гладь вышивки, растянутой в пальцах. – Она не знала ни доброты своего воинственного отца Галиофа, ни теплоты слишком рано почившей матери, ни любви мужа – властолюбивого иноземца Парта. Но боль-

ше всего молодая королева тяготилась своим даром предсказания.

Мне уже доводилось смотреть глазами Везулии – первой истинной Иверийской королевы Квертинда, дочери Галиофа Завоевателя. Замкнутая, несчастная и болезненная женщина почти не выходила из Иверийского замка, окружённая охраной. Прорицания истощали её, мучили, губили, тянули из неё свет и радость. Она вышивала свои видения, вкладывала в каждую лоснящуюся нить капельку магии Нарцины и щедро орошала слезами горя.

Вот и сейчас я держала в руках её последнюю работу – незаконченную. В угрюмых, серых цветах нитей двое кружились в вальсе. Мужчина в дорогих одеждах уверенно вёл в своих объятиях девушку, глаза которой рассмотреть было невозможно: их закрывала лента. Станный танец, преисполненный какой-то болезненной, жестокой, преступной нежности. Пара красовалась на невесомом, почти прозрачном полотне, отчего казалось, что двое парят в округлой раме.

Везулия жила в своих грёзах и даже в самых тёмных видениях пыталась увидеть толику теплоты. Я понимала её – это были отчаянные попытки полюбить жизнь. Жаль, что это ей так и не удалось.

– Мне всегда больно видеть её, Великий Консул, – я слышала, как прошлое королевы зовёт меня, накрывает своей вышитой печалью пеленой. – И в то же время радостно за

собственную судьбу. Ведь я, как и она, могла бы обезуметь и лишиться себя жизни, если бы мне не повезло узнать вас. Мне так стыдно.

– Не винись, – старик повёл пустыми белками глаз. – Не всем под силу выдержать дар. И ты выдержишь благодаря не только везению, но и своей собственной силе, Ванда.

Горжетка колола мою шею иголками пушистого меха. Такая же нелепая, как и я, – лиса, видевшая собственную смерть, но всё ещё способная рассказывать истории. Моя ладонь пригладила мех, пропуская его сквозь пальцы. Нэнке рядом завозила, закричала в своей дремоте, и я отвернулась к окну.

Лангсфорд проносился мраморными шпилями, высокими белыми зданиями, фигурными перилами мостов и балконов, ажурными витринами в несколько этажей – сжатый, как пружина, и в то же время громадный, бесконечный, от своего двуглавого шпиля с часами до заповедных рощ за окраинами. Город государственных тайн, великих правителей, гордость и сердце Квертинда. Монументальное творение Тибра Иверийского. Город трагической красоты. Его архитектурная торжественность – словно сцена для главных событий, что разворачиваются в королевстве вот уже двести лет, унося жизни и давая новое существование творцам квертиндской истории.

До Претория оставалось ещё несколько проездов, и я откинулась на мягком сидении, утонула в прохладном бархате

обивки, позволяя магии завладеть мною.

Голос, что звал меня с расшитого полотна, стал осязаем, прыгнул на кончики пальцев, поднялся по косточкам. Я охотно подалась ему навстречу, принимая видение, и увидела Лангсфорд другим – только растущим стройками на окраинах, поблёскивающим новым мрамором.

Я стою на балконе Иверийского замка и смотрю, как трепещут флажки между шпильями, как развеваются стяги над башнями. Десять лет назад в столице объявили траур. После смерти Галиофа Иверийского траурные флажки успели поистрепаться и выгореть, но их не снимали до сих пор. Галиоф Иверийский был мне отцом, великим завоевателем, присоединившим к нашему королевству новые северные земли. Но я его почти не помню. И чувствую себя лишней на этих затянувшихся проводах усопшего, чужой в этой жизни, как будто я не принцесса вовсе, а траурный флажок, корона на стяге, которую демонстрируют простолюдинам. Всклипываю от того, как сильно боль врзается в сердце, в кожу. И невыносимо хочется плакать. И уснуть.

– Ваше Высочество! – Я вздрагиваю от голоса фрейлины. – Вам не холодно на балконе?

Оборачиваюсь. За спиной девушка. Пытаюсь вспомнить её имя... и не могу. Платье её прекрасно гармонирует с грузным бордовым бархатом интерьера покоев. Стрельчатые окна увиты массивной золотой лепниной, увенчаны символами власти моей династии. Люстры разбрасывают рассе-

янный свет своими хрустальными каплями, блестит паркет. А мне хочется шагнуть через перила и лететь, лететь над бездной, между небом и землёй, светом и тьмой...

— Король просил вас подойти в Тронный зал, — вкрадчиво приседает в реверансе девушка. — Позвольте помочь вам с туалетом.

Она стоит посреди комнаты, не решаясь подойти ко мне, словно боится спугнуть, как птичку. Такая понятная, такая простая девушка, что находится на своём месте.

— Мне не холодно, — запоздало отвечаю я на вопрос. — Сегодня чудесный день.

Фрейлина дёргается, как от пощёчины, и я не вовремя вспоминаю, что день сегодня вовсе не чудесный. Мой дед Тибр Иверийский объявит о новом преемнике в честь десятилетия смерти Галиофа. Даже покои украсили соответственно случаю — принесли дюжину дурманящих букетов из белокрыльников Девейны и колючего алоэ. Величие, траур и горечь — вот что знаменуют эти цветы. Колючие толстые листья и острые пики цветков смерти торчат из напольных ваз, словно хотят побольнее уколоть обитателей замка. Корсет сильно давит на рёбра, меня попеременно кидает то в жар, то в холод. Так же, как кидает из прошлого в будущее — между настоящей реальностью. Кидает нас обеих: меня и мою проводницу — Иверийскую наследницу Везулию.

— Ваш супруг и сын ожидают у выхода, — оповещает девушка, осторожно приближаясь. — Сегодня должны объ-

авить, кто следующим займёт трон.

Я согласно киваю, озираясь. Чужой муж, чужой ребёнок, чужая жизнь. Обхватываю тело руками и дрожу, удерживая саму себя в этой реальности. Кто я такая? Пошатываюсь, но меня подхватывает фрейлина – такая же прекрасная, как цветы в вазах и убранство королевского дворца. Она тащит меня на кровать, но я отказываюсь и тихонько сажусь у туалетного столика. Зеркало в резной золочёной раме отражает уставшую женщину, почти прозрачную, с бледной кожей и светлыми волосами., и меня ужасает сходство меня самой и Везули. Только мои глаза неяркие, светлые, а у неё вместо глаз – лиловые провалы без дна, а в них – страх и усталость. Зачерпни ладошкой – напьёшься слабости и отчаяния. И жалости. Позорной, убивающей жалости к самой себе.

Мои на удивление широкие пальцы перебирают часики – маленькие, большие, мужские и женские. Они тоже говорят со мной, но не рассказывают истории, а пульсируют магией, мощно, упрямо. Есть и пустые, молчаливые, ещё лишённые всякой силы. Я выбираю одни, на тонкой цепочке, и надеваю на запястье.

Фрейлина причёсывает мои волосы, больно тянет пряди, крепит тяжёлые заколки. Хлопают двери, и покои заполняются служанками. Тело моё натирают благовониями, мнут, щекочут кистями щёки. Словно лепят и рисуют Иверийскую принцессу – истинную наследницу и правительни-

цу Квертинда. Словно хотят закрасить моё непреходящее уныние. Но для меня нет спасения – ни в прошлом, ни в будущем, а хуже всего то, что нет его и в настоящем. Вся жизнь – только мука среди перекрёстков чужих судеб. Я всхлипываю, едва удерживая слёзы в горле. И всё же встаю, ведомая долгом.

Почти не осознаю, как иду гулками коридорами замка, как поднимаюсь по ступеням в сопровождении высокого темноволосого мужчины и серьёзного мальчика с такими же тёмно-фиолетовыми глазами и светлыми волосами, как у меня. Нога моя подворачивается, и боль отрезвляет. Ненадолго, на пару секунд, лишь позволяя мне вспомнить, что это мой муж и сын. Парт и Дормунд Иверийские.

Коридоры приводят нас в тронный зал, где восседает постаревший Тибр. Всё ещё статный, с переливчатой волной светлых волос, с сединой в длинной бороде. И с такими же фиолетовыми чернилами, разлитыми вдоль радужки. Первый истинный Ивериец. Мне хочется замереть перед его величием, но Везулия лишь поникает плечами и отмечает, как устало лежат руки её деда на подлокотниках трона. Торжественный зал полон людьми – советниками, консулами, придворными слугами, фрейлинами, камергерами. Гул затихает, когда мы втроём останавливаемся перед рассеянным взглядом первого правителя Квертинда.

– Ваше Величество, – склоняется в поклоне Парт, и мы с Дормундом следуем его примеру. – Вы просили нас к себе.

– Да, – Тибр выныривает из тяжёлых дум, и взгляд его становится осознанным. – Сначала почтим память Галиофа Иверийского. Для военного мага естественно не вернуться с войны. Он умер, как и жил: стремительно, решительно, на остром лезвии таххарийского клинка. Дикая страна варваров оказалась не по силам моему сыну. Но, даже зная он свою смерть наперёд, всё равно отправился бы в поход на Таххарию-хан.

– Да примет его Девейна в свои сады, – отзывается Дормунд, и Парт шикает на него.

Я догадываюсь, почему. Убийцам, даже самым бравым воинам, дорога в сады Девейны закрыта. И Галиоф сейчас стонет в пекле Толмунда, расплачиваясь за то, за что его славят и почитают здесь, под красными лунами Квертинда. Дормунд краснеет и переминается с ноги на ногу, понимая свою глупость.

– Подойди, – приказывает Тибр, обращаясь к своему пристыженному правнуку.

Светловолосый мальчик приближается, становится на одно колено, целует старческую ладонь, исчерченную чёрными венами кровавой магии и украшенную перстнями. Я чувствую, как рядом напрягается Парт. По толпе придворных проходит гул, но быстро смолкает. Тибр смотрит на испуганного юного правнука долго, словно набираясь решимости. Но потом всё-таки нарушает тишину.

– Дормунд Иверийский, – величественно произносит он. –

Ты – истинный Ивериец, хранитель магии времени, благословлённый Кроном. Я признаю твоё право на престол и объявляю тебя преемником. После коронации ты станешь правителем Квертинда и сменишь меня на троне. Коронацию назначаю на восьмой день Красной Луны шестьдесят четвертого года. Ровно через пять дней.

Слова звучат отрывисто, падают, как камни в гулкую тишину зала, отлетают от лепнины, отражаются в овальных зеркалах. Мальчик нервно оборачивается и испуганно смотрит на своего отца.

– Ваше Величество, – Парт делает шаг вперёд, – Дормунд совсем ребёнок. Ему едва минуло двенадцать...

– У него предостаточно родственников, – резко обрывает Тибр. – Вы с Везулией поможете ему править королевством. К тому же, отрекаясь от престола, я не собираюсь умирать. Трон может занять только прямой наследник по крови, это моё слово. А Везулия... Везулия нездорова. Она станет королевой-матерью.

Собственное имя раскалывает мою голову надвое, как топор палача. Кажется, я не осознаю, что стану королевой-матерью. Даже по отдельности эти слова ничего не значат для меня. Неужели я – королева? Неужели я – мать? Окружение становится мутным, расплывается, но я стою ровно, как и подобает правительнице. Как учили меня всю жизнь, ни жестом, ни вздохом не выказываю своего состояния.

– Вы знаете, я не честолюбив, – задирает подбородок мой муж. – И никогда не стремился к власти. Но Дормунд нуждается в защите... и воспитании. Он ещё слишком юн и порывист. Позвольте мне провести исследования его гена, чтобы постичь природу вашей уникальной магии. Возможно, я найду причину, по которой истинные Иверийцы не могут иметь больше одного ребёнка. Найду и устраню. Возможно, мы с принцессой Везулией подарим Квертинду ещё наследников...

Парт берёт меня за руку, обнимает. Глаза его горят от предвкушения и восторга, и я не понимаю, что так влияет на него – близость моего тела или рассуждения об исследованиях.

– Не позволю, – заявляет Тибр. – Вы больше не в Веллапольском княжестве, Парт, где простительны эксперименты над природой и сущностью. Квертинд не терпит вмешательства в предназначение, и он много раз доказывал это своей историей.

– Но ваша магия должна принадлежать народу Квертинда! – неуместно настаивает Парт.

– Наша магия дана нам создателем для поддержания мира в королевстве, – Тибр тяжело поднимается, опираясь на копьё. – И если создатель решил, что только Иверийский род будет нести это бремя, то так тому и быть. Мы должны чтить волю Крона и благодарить его за милость. А вы пытаетесь обыграть бога, Парт. Это всегда заканчивает-

ся плохо. Кто знает, какое страшное зло вы способны породить своими опытами.

Мой муж отстраняется и углубляется в размышления. Я остаюсь одна, прозрачная и невидимая, словно меня и нет в этом переполненном помещении. Люди смотрят сквозь мой стан, я просто разновидность света, невесомый луч. Один из тех, что пронзает тронный зал своим золотом, по которому катятся из открытых окон гомон толпы у подножия замка и шум людной площади.

Высокие арочные окна до самого пола впускают лишь часть солнечного света, и тени от длинных флажков извиваются на мраморном полу, подобно ядовитым змеям. Я слышу, как кто-то ещё говорит Тибру об Иверийской магии, о Квертинде и его границах. О новом владении в северных горах, туманных и угрюмых, которые решено назвать Галиофскими Утёсами. Придворные юлят и лебезят уже не только перед Тибром, но и перед Дормундом Иверийским, ожидаемо ставшим центром собрания. А я всё смотрю и смотрю на скорбный танец флажков, уже выцветших до серых тряпок, который пытается мне напомнить о смерти.

– Флажки! – вскрикиваю я и неожиданно вздрагиваю от собственного голоса.

Секундная молчаливая заминка в зале сразу же сменяется шепотками и тихими смешками. Но я не сдаюсь. Хотя и понимаю, как жалко выглядит попытка умалишённой прин-

цессы принести пользу королевству и поучаствовать в обсуждениях.

— Пора снимать флажки, — говорю уже чуть тише, обращаясь к Тибру. — Мой отец и ваш сын Галиоф погиб десять лет назад. Нужно отменить траур.

Испуганно озираюсь. Взгляды окружающих колют меня насмешками, высокомерием и изредка — снисходительностью. Особенно ранит последняя. В надежде найти защиту у мужа, я бросаюсь к нему, беру за руку, но он отшатывается, оставляя меня наедине с моей глупостью. Наверняка — глупостью. Хотя я и не понимаю, что такого сказала, отчего заслужила неприятную реакцию.

— Мы снимем их, когда придёт время, — хмурится король. Между бровей его залегла тяжёлая складка, знаменующая сожаление. Сейчас он особенно напоминает мне юного Дормунда. Такой же наклон головы, такая же напряжённая поза и лиловый взгляд, который он старательно отводит. Тибр стыдится своей ненормальной внучки Везулии. Он стыдится меня... Помогите мне, Крон! Помогите выдержать презрение и собственное безумие. Или дай сил прекратить это...

— Простите, Ваше Величество, — между мной и Тибром в реверансе тяжело склоняется моя престарелая кормилица. — Везулии с самого утра нездоровится.

— Милда Торн, — удовлетворённо кивает Тибр в ответ на поклон женичины. — Отведите мою внучку в её покои. И вер-

нитесь для назначения. Хочу отправить вас с супругом в новые земли, давно пора навести там порядок. Прибрежным городам нужна крепкая рука и верные Квертинду люди для укрепления наших позиций. Вы отправитесь в Нутолинис – это крупный порт на границе северной территории. Сейчас там бушует серая хворь, и целительский дар вашей многочисленной семьи будет кстати.

– Разумно ли лечить бывших веллапольцев? – вклинивается один из советников со знаком трёхглавой змеи на одежде. – Может, стоит подождать, пока болезнь сама выкосит часть местного населения? Они могут поднять мятеж, оправившись.

– Мы завоеватели, а не палачи, – строго отвечает Тибр. – И отныне эти люди – квертиндцы. Мы дадим им всё, что имеем сами: порядок, довольство и магию.

– Они обязаны присягнуть на верность королю! – взвизгивает Дормунд. – Верноподданство – первейшая обязанность каждого жителя, нового или старого!

Выходит неубедительно, но никто даже и не думает высмеивать будущего короля Квертинда. В ярком свете тронного зала глаза его под пушистыми светлыми ресницами кажутся пурпурными. И они беспрестанно бегают – от отца к прадеду на троне. Потом останавливаются на мне. Престарелая кормилица, спохватившись, больно дёргает меня за локоть и тащит прочь. Я едва успеваю перебирать ногами в узких туфельках. Каблуки почти не стучат, и двор

быстро теряет ко мне интерес, переключившись на моего сына. Тот кидает последний стыдливый взгляд мне вслед и пытается приосаниться: высоко задирает подбородок, кладёт ладонь на эфес клинка и приподнимает уголки губ, изображая доброжелательное лицо. Всё верно, сынок. Тебя очень хорошо научили. Нас всех этому учат. Всех принцев и принцесс.

— Пришла пора расставаться, Ваше Высочество, — вздыхает поседевшая Милда Торн, утаскивая меня из величественного зала. — Столько лет я вас берегла, а теперь правитель отсылает меня за верную службу. Воистину говорят: королевская благодарность обрекает на большее служение.

Коридоры Иверийского замка проносятся мимо меня расписными картинами магов Нарцины. Некоторые ещё свежие — пахнут краской и маслом. И зовут меня в свои истории...

— Кто теперь будет моей кормилицей, Милда? — обречённо спрашиваю я, покорно перебирая ногами.

Мне горько от расставания со строгой и мудрой женицницей, которая с рождения наставляла меня, но я знаю, что не смогу этому противостоять. Мне остаётся только принять своё новое окружение, которое я давно уже не способна запомнить. И эти голоса, которые слышу только я. От них болит голова и мутится сознание. Они снова и снова зовут меня в чужие истории.

— Вы уже давно не дитя, — скрипит зубами Милда Торн. —

Вам самим впору нянчить. Дормунда, к примеру. Ох, нелегко ему теперь придётся! Квертинду нужна королева, а мальчику нужна мать. Он строптив, избалован и самовлюблён. Но хуже всего то, что он несчастен и оттого податлив своим страстям. Подумайте о сыне, Везулия Иверийская. Вспомните своё истинное предназначение – править королевством, служить Квертинду, беречь его своей магией! А то «Флажки снять»... Ох, сдались вам эти тряпки!

– Ты права, Милда, – привычно соглашаюсь я, большие для вида.

И ещё – чтобы прекратить разговор. Чтобы хотя бы Милда замолчала.

Створка двери скрипит, и кормилица вталкивает меня в мои покои, слишком душные и роскошные.

– Вышивайте пока, – женищина кивает на пальцы у окна.

Немного подумав, берёт ключ со стола, выходит и замыкает меня в золочёной бархатной тюрме. Слёзы катятся по щекам беззвучно, глухо, будто капли никогда не принадлежали моим глазам. Траурные флажки за спиной заговорили голосом моего отца – величайшего Галиофа Завоевателя.

– Отец! – отозвалась я и, подбежав к балкону, потянулась к скорбному ряду. – Отец, ты любишь меня? Должен же быть кто-то, кто любит меня!

И рассмеялась довольным солёным от слёз смехом. Комната знакомо заголосила – пожалуй, только я одна могла понять эти голоса, звучащие из каждого предмета. Я – Ван-

да Ностра, что была сейчас в теле Везулии и не ощущала ни сожаления, ни сочувствия. Только безумное, сводящее скулы ликование.

– Я иду к тебе, отец, – ноги сами собой забежали по комнате, остановились у вышивки. – Только сейчас... Сейчас. Нужно ещё кое-что сделать для Дормунда. Я ведь мать. Да, я его мать!

Ровные гладкие стежки ложатся на удивление споро, поворачиваясь широким белоснежным пальцам. Я раскачиваюсь и напеваю мелодию, которую Квертинду ещё только предстоит услышать. Мелодию из своих видений, что засела у меня в голове. «Как сладок сна конец...» – снова и снова завожу я надоедливые строки, собирающиеся в мантру, заклинание, непрерывный вой. И игла выводит ту самую вышивку – картину танцующей пары.

– Его высочество Дормунд Иверийский, наследник престола Квертинда и его владений, истинный Иверийский хранитель магии, – раздаётся за спиной голос фрейлины.

Я и не заметила, как она вошла. Кажется, пока вышивала, я не замечала вообще ничего. И это было великолепно. Щёки уже высохли, и нежную кожу стянуло от соли.

– Так скоро? – поднимаю голову и встревоженно окидываю взглядом свою работу. – Уже пора?

– Ваш сын желает посетить вас, – медленно уточняет фрейлина.

– Конечно, – я обрезаю нить вышивки тонким лезвием. –

Я готова. Жаль, не успела до конца... Но этого достаточно.

В ответ девушка лишь неуверенно кивает и открывает дверь, выпуская юного наследника в сопровождении свиты из трёх человек. Мой сын – чернильноокий Дормунд, весь в ангельских кудрях, с ещё круглым безбородым лицом – важно проходит вдоль покоев и останавливается у прикроватного столика.

– Благословите меня, матушка, – мальчик не склоняет головы, смотрит серьёзно, исподлобья, но взгляд всё равно детский.

Трое сопровождающих мнутя у порога, не решаясь пройти в покои. Но мне до них нет никакого дела.

– Смотри, Дормунд, – я подбегаю к сыну, показываю вышивку и вкладываю в его руки: – Это твой брат, видишь?

Будущий король открывает рот от удивления, отступает на шаг и становится совсем ребёнком. Пару секунд он верит, рассматривая гладь ткани, но потом его взгляд наполняется понимающим снисхождением. Увы.

– У меня не может быть братьев, матушка, – горько вздыхает Дормунд, как будто это он говорит с ребёнком. – Истинные Иверийцы не могут иметь больше одного наследника. Это особенность магии, что мы несём в себе. Вы несёте, матушка. Вы и я.

– Слушайся его, Дормунд, – наставляю я строго. – Своего единственного брата. Обязательно слушайся! Он поможет тебе. Он будет великим человеком. И очень могуществен-

ным.

– Вы не можете больше иметь детей, – шёпотом сообщает Дормунд великую тайну, которая и без него мне давно известна.

Он смотрит в мои глаза, словно надеясь внушить мне свою правоту. Но потом не выдерживает и отворачивается к наставникам.

– Посмотри, – я пытаюсь привлечь внимание и подношу пальцы к его лицу. – Ему ведомо милосердие, честь и душа. Ты должен сберечь их, и из тьмы за ним никогда не придут. Всё может быть по-другому. Всё должно быть по-другому, Дормунд!

– Хватит! – мальчик с криком кидает вышивку на пол. – Матушка, вы безумны! Вы просто свихнулись! У меня не может быть никаких братьев!

В его крике ещё слышны визгливые нотки, хоть голос уже ломается. Сзади на Дормунда одновременно шикают камердинер и ментор, указывая на неподобающее поведение. Он немедленно выправляется, принимая горделивую позу. Улыбается – не слишком широко, но понятливо и благосклонно.

– Простите, Ваше Высочество, – ровно извиняется сын. – Вы нездоровы. Вам лучше прилечь. Я зайду в другой раз.

– Нет! – я кидаясь к его ногам и подбираю своё руководство. – Поверь мне, Дормунд, я видела его, твоего брата. Видела, как тебя сейчас. С этой девушкой... Не знаю, кто она. Но точно знаю, кто он. Твой брат может стать величай-

шим правителем или мудрым советником. Только позволяй ему, слышишь? Не толкай его во тьму. Слышишь, Дормунд?

— Тибр Иверийский назначил меня королём, — обиженно отмахивается белокурый принц. — Ты сама слышала — только истинный Ивериец может взойти на престол Квертинда! Если ты вообще способна что-то слышать, кроме своих иллюзий.

Мне горько и больно от его слов, но я не знаю, как ещё убедить Дормунда. Как завоевать расположение собственного сына? Я не способна на это. Я ничтожная принцесса. И стану ещё более ничтожной королевой-матерью. Мне хочется сказать ещё что-то, но голоса звенят невыносимо громко... заполняют мою голову гулом. И я вою — балладу про конец сна, тот самый мотив, просто чтобы скрыть отчаяние за песней. Укачиваю саму себя.

— Я позову Милду Торн, — Дормунд морщит нос и с отвращением кривит губы. — Она зайдёт к вам после аудиенции у короля.

— Слушайся его, Дормунд, — успеваю я прошептать вслед уходящей процессии, прежде чем за ними закрывается дверь. — И всё будет по-другому.

Я вновь остаюсь одна в своих покоях — маленькая, ненужная, безумная принцесса. Я способна останавливать время и создавать артефакты, меняющие его ход. Я — истинная Иверийская наследница. Но что толку от величайшей из магий, если я не способна повлиять даже на своего сына?

— Отец! — снова зову я, обращаясь к флажкам. — Ты был сильным. А я — слабая. У меня ничего не получается.

Жалость заполняет меня всю, до кончиков ресниц. Я поднимаюсь и на дрожащих ногах иду к балкону. В жизни нет радости. В жизни нет любви. Это иллюзия, обман для простолудинов, чтобы отвлекать их от политических решений и несостоятельности власти. Именно так учила меня Милда Торн, мудрейшая из женщин.

Королям и королевам не позволено любить и быть любимыми. Но, может... может, в пекле Толмунда я встречу того, кто почти не замечал меня при жизни? Своего отца. В пекло ведь попадают все, кто лишает жизни — других людей или себя.

Я иду к тебе, отец... Поднимаюсь на широкие перила балкона и смотрю вниз без страха и сожаления. Наверное, кто-то другой смог бы оценить красоту Лангсorda — кто-то, кто не видел его с самого рождения. Но шум его каналов я уже не слышу так же, как биение своего сердца в ушах.

У подножия замка раскинулся королевский сад с каскадом водопадов, заполненный людьми от белоснежных стен до самой площади. Отсюда виден новенький Преторий — первое консульство Квертинда. Я видела его в разные времена и знаю, что он простоят ещё долго. Кто-то сильный непременно сохранит его и защитит. Кто-то, но не Везулия Иверийская. И самое главное...

— Кто-то должен снять эти проклятые флажки, — шеп-

чу я и делаю шаг в прекрасную пустоту.

*Я лечу над Квертиндом, сердце бешено колотится, под-
скакивая к горлу. И дышу... всё ещё дышу...*

Я резко вдохнула, пытаюсь унять сердцебиение. Моё лицо намокло от слёз и холодного пота – как всегда бывает после видения. Воздух с шумом или, скорее, со стоном ворвался в мои лёгкие, плечи задрожали. Мех горжетки прилип к щекам. Я развалилась на диванчике и подняла глаза к потолку, обитому алой тканью с россыпью мелких корон.

– Да что же это опять, ваша милость! – запричитала Нэнке, обмахивая меня веером. – Вам бы в постель теперь, отдохнуть.

– Нет, – выдохнула я в ответ. – Сейчас пройдёт. Перестань, Нэнке.

Я некрасиво хлюпнула носом и сразу же приняла из рук обиженной сиделицы вышитый платок. Инициалы напомнили мне, что я не Везулия, а Ванда Ностра. И я непременно должна научиться жить.

«Везулия Иверийская была нездорова и от своей болезни покончила жизнь самоубийством в 64 году от коронации Тибра Иверийского, не выдержав новости о престолонаследии своего сына» – так написано в учебниках Квертинда. Каково было первой истинной Иверийской наследнице на самом деле, теперь знаю только я. И, возможно, Великий Консул Камлен, что молча держал меня за руку, пока я пыталась прийти в себя. Мы с ним храним столько тайн, которые не

имеем права раскрывать и обсуждать даже друг с другом.

Я слабо сглотнула, успокаиваясь.

Дилижанс уже выехал на площадь, оставив позади Иверийский замок и тот самый балкон, с которого упала моя недавняя проводница.

Сейчас тут тоже былолюдно, но вместо траурных флажков висели праздничные, разноцветные, переплетённые с рябиновыми бусами. Большой фонтан переливался семью разными цветами, перекидывал струи воды и играл бликами огромной короны, покрытой пластинами сусального золота. Ему вторил плеск водопадов с каскада у подножия Иверийского замка, который был едва слышен за шумом площади.

Лангсордцы праздновали начало нового года и встречали осень. Люди веселились, пели, смотрели выступления уличных артистов, ели сладости. Некоторые сидели прямо на зелёных островках травы, обрамляющих площадь, наслаждаясь мягкими лучами и потягивая вязкие напитки. Ленивое солнце разлило густую прозрачную медь вдоль лоснящейся мостовой, почти осязаемую, тягучую, как масло райского дерева.

– Остановите, – попросила я хрипло. – Хочу прогуляться.

– Мы почти приехали, Ванда, – Камлен нарочно выделил моё имя, чтобы напомнить мне о том, кто я есть. – В Претории ты сможешь принять лауданум, прилечь и восстановить силы.

– Я не хочу лежать! – взмолилась я. – И не хочу лауданум.

Я хочу попробовать жизнь!

Мимо пронеслась карета, запряжённая резвой тройкой. Этот вид транспорта почти вытеснили дилижансы, общественные и личные, но многие квартиндцы по-прежнему предпочитали силу живых коней энергии пара. До меня доносились звуки струн и раскатистый нестройный хор пассажиров.

– Тут нельзя, Ваше сиятельство, – снова затараторила Нэнке. – Знаете ведь, какая вы ценная персона для Квартинда. А вокруг простолюдины и попрошайки. Воришки, пройдохи и просто твердолобые остолопы. Они пьют вязкий бузовник и закусывают горячими сайками, почти не пережёвывая! Нечего вам с ними прогуливаться. Вот вернёмся домой – я вам сготовлю мармелад из свежих ягод: Лерна-лентяйка уже и бруснику процедила, и смородину, настоящий вкус жизни попробуете!

Я обернулась на Иверийский замок. Два золочёных шпиля тянулись вдоль всей высоты белоснежного здания, как две воздетые к небу длани. Зажатые в небесах часы мерно тикали, отсчитывая мгновения между прошлым и будущим. А за ними белели шпили помельче, выгибались арками высокие окна, пробегались каскадами ступени, соединяя многочисленные балконы...

– Остановите! – громко потребовала я в порыве неизвестно откуда взявшейся решимости.

Или известно. Мне нужно было доказать всем и, в первую

очередь, самой себе, что я не Везулия, которая покоряется воле каждого, кто пробует ею помыкать. Которую сломил Квертинд, как и многих. Принцесса была заперта в клетке чужой воли и королевского замка так же, как я в этом дилижансе. Я задышала ещё чаще, промакивая платочком лоб.

– Да остановите же! – неделикатно прикрикнула я.

Камлен Видящий молча постучал по стенке, и дилижанс пыхнул, заскрипел и остановился. Я потянулась к дверце, но она сама распахнулась, являя нам сосредоточенного стяжателя.

– Что случилось? – он спешно оглядел каждого из нас троих. – Позвать целителя?

– Я хочу прогуляться, – ровно сообщила я, не теряя напора.

Сопровождающий стяжатель с подозрением покосился на Великого Консула, но тот промолчал. С некоторых пор Камлен прилюдно не оспаривал мои решения, даже если был с ними не согласен. За это я была бесконечно благодарна слепому старику, хотя из благоразумия почти никогда не пользовалась его расположением и предпочитала все свои мысли обсуждать заранее. Но сейчас мне была просто необходима эта спонтанность, неожиданная взбалмошность, которая присуща юным леди. Да, именно сейчас, после гнетущего видения принцессы, которая так и не нашла своего места в жизни, мне хотелось быть той, кем я являлась. Нет, не только ценнейшей прорицательницей Квертинда, которую прочили

на место Великого консула, но ещё и молодой девушкой, которая может чувствовать и радоваться простым праздникам.

– Мне необходимо вас сопровождать до Претория, – не то согласился, не то возразил стязатель.

За спиной его отрывисто фыркал чёрный конь, разряженный в помпоны для процессии. Одинокие ездки всё ещё предпочитали породистых лошадей, поскольку те были быстрее и манёвреннее любого механизма. Я уже немного растеряла свою решимость и стушевалась под любопытными взглядами зевак, которые пытались заглянуть в открытую дверцу королевского дилижанса. Мои ледяные пальчики поглаживали нити Везулии.

О мостовую застучали копыта – подъехал ещё один всадник, отгоняя людей. Конечно, мы всегда путешествовали по городу в сопровождении многочисленной охраны.

– Я сам, – раздалось сверху, и всадник спрыгнул. – Здравствуйте, госпожа Ностра. Ваша милость Великий Консул.

Стязатель поклонился Камлену, как того требовал этикет, и старик благосклонно кивнул, хотя не мог видеть приветствия.

– Грэхам! – заулыбался Великий Консул и даже протянул руку.

– Экзарх Арган? – удивилась я. – Вы уже вернулись в столицу?

Верховный стязатель много времени проводил в командировках и всё чаще пропускал советы, лишь изредка появ-

ляясь в Претории. Весь последний год, насколько я знала, он был обеспокоен политической обстановкой в Квертинде. Расследования заговоров и преступлений изматывали экзарха и всю ложу стяжателей, а Орден Крона только креп и набирал силу.

Обычно я избегала кровавого мага, выслушивая его послания через рудвика-секретаря. Не только из-за его магического могущества и высокой должности, но и из-за пристальных, слишком мужских взглядов в мою сторону.

– Ненадолго, – он быстро кивнул стяжателю, и тот отошёл, отгоняя не в меру любопытных горожан. – Мы почти у Претория, но всё же стоит подъехать ближе. На площади сегодня слишкомлюдно, народ отмечает начало нового краснолунного года. Чем вызвана остановка?

От моего эмоционального порыва не осталось и следа, и я стыдливо опустила глаза на вышивку. Холод поднимался по голубеющим венкам, ледяными ручейками растекался по моей коже.

– Мне заглохло от тряски, Ваша милость, – после короткой заминки подалась вперёд Нэнке. – Но уже всё прошло, слава милостивой Девейне! Поедьте уже, а?

Сиделица заметно нервничала от близости служителя Толмунда, поддаваясь религиозным предрассудкам. Я не могла её осуждать. Он пугал меня так же, как и всех. От Грэхам Аргана веяло неизбежностью чужой смерти и его собственной тревогой. И мне казалось, что и то и другое зара-

зительно.

– Ванда хотела прогуляться, – неожиданно громко извести́л Камлен. – Ты не мог бы сопроводить её, Грэхам?

Я подняла на Великого консула уставшие глаза. Он улыбался мне мягко, почти по-отечески. Я знала эту улыбку – она знаменовала все тайны, которые мы хранили, но не могли высказать. Только в этот раз тайна была крошечная и моя личная, которую Камлен беззастенчиво выдал экзарху.

– Это не обязательно, – мне не хотелось доставлять неудобства одному из членов Верховного Совета, да и целой процессии. Но Грэхам Арган неуверенно подал мне руку. Он явно сомневался в том, что я приму её. Должно быть, экзарх стяжателей больше других страдал от недоверия и страха, которым в нашем королевстве наделяли всех кровавых магов в бордовых перчатках. Это было испытанием для нас обоих. И именно поэтому я оперлась на мужскую ладонь.

Моя бледная рука утонула в мягкой замше с символическим отгиском, отчего сердце вдруг заби́лось часто, но радостно. Слабость от потери магической памяти всё ещё до­нимала меня, и я почти рухнула в мужские объятия. Наши взгляды встретились, но лишь на миг. Грэхам Арган отвёл глаза первым, не позволяя себе лишнего.

– Вы уверены, что готовы к прогулке? – спросил экзарх, осматривая площадь.

Внимательный взгляд мужчины с огромными почерневшими радужками собранно оценивал окружение, но обе ру-

ки крепко держали мой локоть.

— Мне хочется этого, — призналась я, опираясь на своего спутника. — Я благодарю вас за эту возможность.

Волнение ускорило меня и придало сил, оно горячило мою кровь и разгоняло слабость. Экзарх отдал распоряжения, организуя охрану кареты и нашей маленькой прогулки.

Нэнке, охая, попыталась спуститься со ступенек дилижанса, но Камлен не позволил ей выйти, и недовольная сиделица вернулась обратно. Двое вооружённых мужчин сразу же двинулись впереди нас, расчищая дорогу и загораживая обзор. Но даже так мне была прекрасно видна почти вся заполненная людьми площадь Тибра, раскинувшаяся перед Преторием.

Простолюдины открывали рты, показывали на нас пальцами, но охотно расступались перед процессией. Толпа застывала, а потом вскипала бурным потоком. Более знатные горожане приседали в неглубоких поклонах, выражая приветствие и почтение.

Браслеты на запястьях звенели в такт моим шагам и музыке, под которую хороводом шли молодые леди. В их косах подпрыгивали яркие монетки и алые ленты, лёгкие платья разлетались полами в танце, щёки горели. Должно быть, как и мои собственные. Я почти побежала вслед за весёлым хороводом, но стязатели легко задержали меня, не позволяя вырваться из оцепления.

Потревоженные воробьи взмыли в воздух, едва не опа-

лив крылья о летящие факелы. Жонглёры собрали вокруг себя широкий круг публики, заслуживая восхищённые выкрики. От непрерывного движения закружилась голова, но как-то особенно – дурманяще и счастливо. Захотелось сменить шнуровку корсета на простые холщовые нити и затеряться в толпе горожан, взмыть над площадью пташкой, чтобы беззаботно предаться празднованию.

Вся мостовая вокруг огромного фонтана кружилась яркой пятнистой красотой, больше похожей на живопись, чем на реальность.

На моих глазах у одного из увлечённых горожан представительный господин срезал тонким стилетом расшитый кисет. Меня это возмутило, но Грэхам Арган лишь усмехнулся и даже не отправил стяжателей предупредить городских. Блюстители уличного порядка предавались увеселениям не меньше, чем не состоящие на охранной службе горожане и, казалось, игнорировали свои обязанности. Ложа стяжателей и вовсе не имела никакого отношения к мелким кражам и уличным беззакониям.

– Во время празднеств власти снисходительно смотрят на человеческие грешки, – объяснил экзарх. – В земных радостях люди забываются и становятся лёгкой добычей.

Я видела, как он украдкой кидал на меня взгляды. Шаг мой был лёгким, почти невесомым, но отдавался в утомлённом разуме гулом. Лёгкий взмах кудрей рассыпал аромат мяты, но пара прядей прилипли ко лбу и не желали вовлекаться

в кокетливую игру. От усталости я задышала чаще.

– Может, всё-таки вернёмся в Преторий? – учтиво предложил экзарх.

– Расскажите мне о них, – я кивнула на восторженную публику, столпившуюся возле уличного театра.

Верховный стязатель не стал настаивать и уличать меня в пренебрежении его заботой, только подался за мной ближе к импровизированным подмосткам. Над собравшимися возвышались двое актёров на высоких ходулях. Их речи было трудно расслышать отсюда, но толпа иногда сотрясалась смехом и даже присвистывала.

– О простых квертиндцах? – удивлённо уточнил Грэхам Арган и тут же продолжил: – Удивительно жизнелюбивый и стойкий народ. Почти бессмертный и постоянный в своих незатейливых желаниях. Толпа всегда хочет хлеба, зрелищ и любви.

– О, само собой, – мы подошли почти вплотную к комичному представлению. – У народа всегда есть время для глупостей. Смертны лишь короли.

– Чёрный Консул! – раздалось сверху. – Прочь с моей дороги к престолу!

Один из актёров на ходулях, совсем ещё юнец с приклеенной бородкой, угрожал бутафорским оружием своему оппоненту. Очевидно, он изображал консула-наместника Галиофских Утёсов. Орлеан Рутзский с началом этого года отправился в испытание изгнанием, и его кресло в Верховном

Совете пустовало так же, как и кресло консула лин де Блайта. Об этом говорил весь город, и это был ещё один повод для торжества.

– Вы возжелали мою единственную любовь, Консул Рутзский! – забасил выкрашенный сажей актёр. – Мой возлюбленный Квертинд! За это я выпью вашу кровь!

Актёр откинул голову и наигранно зловеще рассмеялся.

Юнец зарычал и кинулся в атаку с таким душевным рвением, что кудри его растрепались и он чуть не потерял ленту со своих волос. Представление прервалось на миг, пока незадачливый лицедей поправлял причёску. Народ улюлюкал и потешался над неправдоподобным промедлением. Я ласково улыбнулась экзарху, лицемерно убеждая его в своём превосходном самочувствии.

– По правилам дуэлей вы не можете применять магию! – наконец вернулся в игру юный Консул Рутзский. – Умрите достойно!

Он снова кинулся в бой, едва не задев ходулями толпу. Своим лёгким мечом он орудовал неожиданно умело, как будто брал уроки сражений. Консул лин де Блайт отбивался одной рукой, а в другой держал яблоко, которое грыз, не забывая при этом корчить гримасы с каждой новой атакой своего политического конкурента. В какой-то момент юный лицедей слишком увлёкся боем – должно быть, чуть больше, чем актёрской игрой, и мне показалось, что дуэль может перерасти во вполне реальную. Тот из актёров, что изобра-

жал Консула лин де Блайта, посерьёзнул и покрылся потом. Вдоль измазанных сажей рук пошли светлые дорожки от стекающих капель.

— Победитель очевиден, — прокомментировал Грэхам, до этого молча наблюдавший за представлением. — В своём яростном неистовстве господин с лентой упускает главное: внимание к деталям и контроль над ситуацией. Такими темпами он быстро окажется не у дел.

Экзарх Арган говорил не об актёрах, а об их реальных прототипах. В отличие от него, я ни в чём не могла быть уверена — слишком близко была знакома с историей Квертинда. Что же касается представления... молодой театрал был проворнее и активнее. Но, словно в подтверждение слов стязателя, клинок уже не слишком чёрного Консула достал бок юнца, и тот ошарашенно отступил, не веря в своё поражение. Актёр быстро нашёлся и принялся изображать ранение, громко взывая к богам и протяжно требуя к себе целителей.

— Как вы могли знать? — воскликнула я. — Мне итог казался совершенно непредсказуемым!

Окружившие актеров люди одарили меня новой волной внимания. Я прижала ладонь к груди и кивнула простолюдинам, отчего получила не меньшие аплодисменты и возгласы, чем актёры. Стязатели вокруг напряглись, готовые к защите. Увы, с моей приметливостью в Квертинде невозможно было спрятать свою личность или хотя бы вызвать сомнения. Я не выслужила ещё такой славы, но слухи и пересуды о бледной

прорицательнице были раздуты до гигантских масштабов.

— У меня был хороший учитель, — Грэхам подозвал девушку с большой корзиной пёстрых цветов, и охранники неохотно пропустили её к нам. — Который, надеюсь, вскоре станет хорошим правителем.

Конечно, я знала, кто был наставником Грэхам Аргана. Человек, чьё имя произносили почти с таким же благоговением, как и имена величайших королей Иверийской династии, и который был в изгнании вот уже целый год. Мы все ждали его возвращения или хотя бы весточки о его благополучии. Для меня это было особенно важно, поскольку консул-наместник полуострова Змеи являлся надеждой на успешное разрешение конфликтов, наседавших на Квертинд со всех сторон. Внешние и внутренние угрозы тревожили меня не меньше, чем Грэхам Аргана, поскольку я не имела представления о ведении войны. Да и где мне было научиться, девочке, едва научившейся контролировать саму себя?

— Надеюсь, он научил вас правилам победы? — попыталась пошутить я.

Получал ли экзарх Арган распоряжения от своего покровителя? Этого я спросить не могла.

Цветочница предложила алый плотный бутон с хрустальными подрагивающими капельками свежей росы, но стяжатель сам безошибочно выбрал орхидею, что выделялась бледным мазком среди буйной яркости корзины.

— Чтобы победить, нужно быть достойным победы. Пра-

вило первое, — он насмешливо протянул мне нежную ветку с гроздью белоснежных соцветий. — И второе, — Грэхам Арган помедлил, на этот раз откровенно рассматривая меня, — нужно быть хищником, а не добычей.

Разве мы всё ещё говорили о политике, как преданные подданные королевства?

— Будьте осторожны, экзарх Арган, — я приняла подарок, ощущая, как трепещет и замирает в томлении моё беспокойное сердце. — В лабиринте историй Квертинда за каждым поворотом таится неизвестность. А это самый опасный враг даже для хищников. Ваш наставник только намеревается стать правителем, а мой уже правит им последние пятнадцать лет.

— Значит, у вас тоже есть свои правила, — голос у Грэхамы был хрипловатый, как скрежет застарелого механизма шка-тулки.

— И они меня полностью устраивают, хоть установила их не я сама, — вместе с ароматом орхидеи я глубоко втянула воздух праздничной площади, вязкий от запахов карамели, сдобы и некоего благостного народного единства. — Знаете, мне здесь очень нравится. Я очарована праздничными гуляниями. Впервые вижу их так близко, что, пожалуй, даже сама участвую.

— Этот город приносит удачу, — Грэхам покосился на недовольного стяжателя, что прокладывал нам путь сквозь поток людей. — Лангсورد — мечта романтических леди и честолюбцев. Мраморный фасад Квертинда. Город неутешной скорби

и грандиозного торжества.

Мужчины в чёрных масках кидали хмурые взгляды на своего экзарха. Вооружённые мечами и десятками кинжалов, снабжённые боевыми артефактами и впитавшие чужую смерть кровавые маги тяготились прогулкой. Они привыкли к другому окружению, и бездействие угнетало служителей ложи. Но моё слово было для них не менее важно, чем слово Грэхама Аргана. И сейчас я требовала подчинения, пусть даже собственной прихоти. После видений голоса почти не дожимали меня, и я наслаждалась окружением, звуками жизни и веселья. Но всё же мне захотелось напомнить присутствующим, кем я являюсь в первую очередь.

– Экзарх Арган, я прекрасно понимаю, что Квертинд – это не только прогулки, нарядные горожане и белый мрамор столицы. Я молюсь за здоровье Великого Консула и за успешное окончание изгнания вашего наставника, но пути Квертинда неисповедимы. Йоллу сообщает в отчётах, что Орден Крона со своей утопической идеологией привлекает всё больше сторонников. Ваша ложа сдерживает их вероломство, но вскоре чаша весов может качнуться в их сторону, – у белокаменной аркады я кивнула удивлённой чете Молливер в окружении не менее удивлённых слуг, и продолжила: – Но и это ещё не всё. Веллапольское княжество требует незамедлительного политического брака и вряд ли станет ждать несколько лет. Мне страшно представить, что случится, если консул лин де Блайт не сможет успешно завершить послед-

нее испытание.

– Вы ведь не имели чести быть представленной ему? – уточнил Грэхам Арган. – Поверьте, если бы вы знали консула лин де Блайта, ваша уверенность в нём была бы сильнее. Прошло уже больше половины срока его изгнания, и вскоре он вернётся новым королём. Нет повода для беспокойства, но я убеждён, что ему были бы приятны ваши молитвы.

В синем небе, проколотом шпилями башен, замелькали птички. Где-то вдали колокола возрадовались торжественным звоном: собор Семерых начал служение. Над толпой разнеслось величественное «Во имя Квертинда!»

– Во имя Квертинда! – негромко выкрикнула я, поддерживая народное восславление, и более тихо обратилась к своему спутнику: – Мне бы хотелось, чтобы властители судеб дрались между собой, а мне оставалось только молиться за благополучное разрешение, – от быстрого шага вновь закружилась голова, и я помедлила, поправляя платье. – Но я должна быть готова однажды возглавить Верховный Совет, а с ним и целое королевство.

– Вы ищете союзников, – понятиливо кивнул стязатель. – Та ещё эпоха досталась нам с вами, госпожа Ностра. Должен сказать, что вы можете рассчитывать на мою помощь, поскольку я бесконечно предан ложе и королевству. Это на самом деле так. Но ещё я уважаю Великого Консула Камлена и верю, что не только ваш дар повлиял на его решение называть вас преемницей. Теперь и я симпатизирую вам. Могу

я попросить вас называть меня по имени, Ванда? Ванда?!

Недавняя потеря магической памяти ослабила моё тело, и ноги подкосились. Грэхам помог мне удержаться. Преторий был совсем близко, но мне не хотелось возвращаться в его душные высокие кабинеты, где меня уже ждал Йоллу с отчётом. Компания экзарха была куда более приятной.

– Всё в порядке, – я поймала шаткое равновесие. – Это от жёсткого корсета. Я вполне сносно себя чувствую.

Экзарх Арган с сомнением посмотрел на моё платье под тёплой накидкой, но я нарочно отвернулась. Моё внимание привлекла группа людей, за спинами которых слышалась музыка.

– Ваша милость, – не выдержал один из стязателей, – нам нужно торопиться. Жорхе Вилейн прибыл по вашему вызову из Астраи́та и ожидает в Претории.

– Ванда...

– Госпожа Ностра, – быстро поправила я Грэхама, чтобы не терять авторитета в глазах его подчинённых. – Что ж, не хочу вас задерживать. Но мне здесь так понравилось! Надеюсь, вы достаточно доверяете своим людям, чтобы позволить мне ещё немного насладиться праздником?

Не дожидаясь ответа, я оставила задумчивого Грэхама принимать решение, а сама двинулась на звук чарующей мелодии. Чудесная рапсодия заорожила меня, поманила своими переливами. Из-за опустошения магического предела россыпь ледяных кристаллов колола грудь, просачивалась

холодными каплями на висках, но осанка моя была идеальной, а поступь – твёрдой. Я запрещала себе страдать. Если вся жизнь – это мука и преодоление, то когда же быть счастливой?

Экзарх Арган за мной не последовал, и к холодным осколкам усталости добавилось ядовитое разочарование. Не стоило ожидать, что Верховный стяжатель предпочтёт мою компанию неотложным делам логи. И это правильно. С моей стороны было неуместно и наивно надеяться на его дальнейшее сопровождение, хоть я и желала этого всем сердцем.

Неожиданно мир вздрогнул, и я пошатнулась, уже жалея о том, что отказалась возвращаться в Преторий. Снова вернула себе достойный вид и почти слилась с людьми, увлечёнными магией создания баллады.

Что это за музыка?... Удивительно знакомая и близкая. В центре толпы мелькнул жёлтый кафтан и пёстрая лютня, которая была источником мелодии. На миг я даже забыла о дурном самочувствии, заслушавшись. Тем более что к мелодии добавилось пение:

*– Сияла ты звездой, слепила ярким светом,
Душа была чиста, и так лазурен взор.
Ты следовала сердцу и читала все запреты,
Но вынесла в итоге кровавый приговор.*

*Под каплями дождя тяжёлый выбор сделан,
И в чёрный пепел бури выжжена душа.*

*Пусть горькою ценой, но ты теперь прозрела –
Труднее всех тому, кто вынужден решать.*

*Пусть страшно сделать шаг во тьме новорождённой,
Обратного пути уже не отыскать.*

*Коварное наследство гнетёт, как мост сожжённый,
Который подожгла предательница-мать.*

*Желаешь управлять судьбой своею лично,
Но ходишь по чужому лезвию ножа –
Того, кто может вмиг приказом единичным
Укоротить тот срок, что будешь ты дышать.*

Воздух дрожал вместе со струнами от каждой ноты, секунды покорно складывались в узор мелодии, ведомые магией Нарцины неизвестного менестреля.

– О лин де шер, прелестное создание! – бард увидел меня в толпе, и музыка прервалась. – Вы словно голубка среди вороньей стаи! Ваша чувственность и нежность делают меня совершенно влюблённым!

Поэт направился прямо ко мне, пробираясь сквозь расступающуюся толпу. Моя охрана преградила ему путь, но я сама протянула руку, чтобы этот талантливый почитатель Нарцины мог приложиться к ней губами. Мотив вернул меня в видение, и я вспомнила Везулию, которая напевала его. Должно быть, она смотрела сквозь вечность на этого же бар-

да. Возможно, даже видела меня прямо сейчас, как я видела её...

– Бард, – я проследила, как невысокая фигура в пёстром, шитом разноцветной вязью камзоле склоняется над моей ладонью, – твоя баллада кажется мне знакомой. О чём она?

– О Квертинде, конечно, моя госпожа! – с жаром воскликнул маг склонности Нарцины. – И о любви. О том, как она, подобно цветку, произрастает под тяжёлым гнётом войны, лишений и безумств. Но прямо сейчас я растерял всё своё вдохновение, совершенно околдованный вашим сиятельством. Мне хочется творить только о вас и для вас, о белоснежная муза величия и чистоты!

– Полагаете, я достойна музыкальной строфы? – голос мой сел, упал до шёпота от болезненной слабости и переживаний. Очень некстати, потому что сочинитель расценил это, как кокетливое заигрывание, и осыпал мою ладонь поцелуями.

– Вы достойны не просто строфы, а отдельной поэмы, – интимно и горячо прошептал менестрель, обжигая мою кожу дыханием. – Позвольте угостить вас...

Окончание фразы утонуло в изменённой реальности, погрязло в наступающей дурноте. Взор затуманился, и площадь поплыла перед глазами, превратилась в абстрактные куски размытой мозаики. Рука уличного музыканта оставалась опорой, связью с миром живых, которую мне не хотелось терять.

– Ты стоишь перед будущим Великим Консулом, бард, – один из стязателей легко оттолкнул его, лишая меня поддержки.

– Ээээ... Пожалуй, мне всё же стоит закончить уже начатую балладу, – спешно поклонился бард, едва не уронив свой берет, и попятился, переводя боязливый взгляд мне за спину. – Исключительно по этой причине спешу откланяться... Прошу простить, лин де шер... Ваше сиятельство будущий Великий Консул.

– О ком... – слова давались мне с трудом, буйство красок слилось в единую картину. – О ком эти строки?

Бард не ответил, развернулся и затерялся в толпе, нервно оглядываясь. Я попыталась его окликнуть, потому что сквозь нарастающую дурноту всё же пробивалось ощущение, что напуганный поэт уносил с собой важные, недостающие ответы. Я начала оседать от слабости и вскрикнула, потому что ноги мои взмыли в воздух. В один миг я оказалась на руках у Грэхама Аргана под дружное аханье толпы.

– Надеюсь, теперь вы не станете возражать, если я отнесу вас в Преторий? – уточнил он.

Я только слабо кивнула, прижимаясь к твёрдой груди и прячась за веткой орхидеи. Теперь я плыла сквозь площадь, словно лебедь через беспокойное море. Не только тело моё обрело опору, но и дух: в тёплых объятиях экзарха я балансировала на тонкой грани беспокойства и желания, и эта сладкая истома была самой живой эмоцией из всех, что мне до-

водилось испытывать. И я снова улыбалась.

Один из сопровождающих стяжателей открыл перед нами дверь. Я крепко, до боли в костяшках вцепилась в алые лацканы плаща и из-под опущенных ресниц рассматривала экзарха. Грэхам Арган высокий, сильный и крепкий. Божественный скульптор, что поработал над его внешностью, использовал только грубые инструменты, оттого черты лица получились резкие, заострённые. Во власти этого выносливого мужчины изменять человеческие тела, превращать живые создания в восковые манекены. Его природа – уничтожать и ломать, но сейчас он спасал меня. Я прикрыла глаза, чтобы усилить ощущения объятия.

Если бы во мне была хоть капля гордости или самодовольства, я бы непременно возмутилась неподобающим поведением Верховного стяжателя. Но мне слишком хотелось насладиться жизнью, самой волнующей и пикантной её частью.

– Ты такая хрупкая, – едва слышно прошептал у моего виска Грэхам Арган, бережно опуская меня в потёртое кожаное кресло. – Госпожа Ностра.

– Мне уже лучше, – я поблагодарила его сдержанной улыбкой. – Благодарю вас за заботу, экзарх Арган. Квертинд не забудет ваших заслуг.

– Квертинд... – он ухмыльнулся. – Впервые мои обязанности были такими приятными. Сегодня я вас украл у Квер-

тинда.

– Вы флиртуете со мной, экзарх? – я попыталась выпрямиться в кресле.

И только сейчас заметила, что Грэхам принёс меня в свой кабинет – кабинет экзарха. Передо мной стоял массивный стол, обитый зелёным сукном и заваленный донесениями на служебных пергаментях. По одной из стен тянулись шкафы с книгами о военном искусстве, блестели тупыми остриями наградные клинки и шпаги. За спиной расположился целый букет штандартов и стягов – бордовых Иверийских и прочих, в цвет знамён знатных родов Квертинда. У высокой двустворчатой двери, положив руку на эфес клинка, стоял стязатель из моей недавней охраны. Он нарочно старался не смотреть в мою сторону, но я знала, что смущаю кровавого мага. Сам же хозяин кабинета отошёл к дальней стене, на которой висела картина с изображением страшного суда Толмунда.

– Ну, что вы, ваше сиятельство, – он рывком раздвинул плотные шторы, открыл окно, и в комнату ворвался солнечный луч, высвечивая пылинки. – Я просто выполняю свои прямые обязанности. Изначально ложа стязателей была создана не для расследования заговоров, а для охраны величайших королей прошлого. Иверийская династия мертва, но благополучие первых лиц Квертинда – приоритетная задача экзарха. Так что ничего личного, госпожа Ностра.

Грэхам подал мне стакан воды и впился жёстким, требовательным взглядом.

– Конечно, – подтвердила я. – Ничего личного.

Эти бессмысленные слова сушили горло, как пригоршни пепла, и только глаза кровавого мага, в каждом из которых давно состоялось крохотное затмение, говорили правду. В них был интерес и сокровенное желание. В них как будто зависло грозовое облако посреди лета, и я почувствовала запах свежей травы перед дождём... но этого, конечно же, не могло быть. Потому что каждый из нас жил в ледяном замке, где травы не было.

– Рондин, – обратился Грэхам к подчинённому, не отрываясь от меня. – Позови ко мне Жорхе Вилейна. Я приму его прямо сейчас.

– Мне проводить госпожу Ностру в кабинет к Великому Консулу? – спросил Рондин, переминаясь с ноги на ногу.

– Нет, госпожа Ностра будет присутствовать, – Грэхам даже не взглянул в сторону стяжателя. – И ещё, Рондин. Тебе нужно принять назначение в Астрайт вместо Жорхе Вилейна. Завтра отправляешься на полуостров Змеи, в штаб по борьбе с Орденом Крона. Военный лагерь расположился под Каткитом, там необходимо руководство преданного стяжателя.

Грэхам Арган отвернулся, и восторг отскочил буйным вихрем от стен и закружил перед глазами пыльным ураганом. Я глотнула ещё воды, прогоняя наваждение.

Экзарх уверенно выбрал заверенный печатью свёрток и

вручил стязателю. Тот принял приказ с коротким кивком, но помедлил, кидая на меня недоверчивые взгляды.

– Иди, Рондин, – указал на дверь Грэхам. – Пока это всё.

Стязатель постоял ещё немного, словно надеясь, что экзарх переменит своё решение, но потом поднял сплошной чёрный воротник и спрятал за ним лицо.

– Достойной дороги Толмунда, экзарх Арган, – попрощался Рондин, открывая дверь.

– Достойной, стязатель, – отозвался Грэхам.

Я скинула душную накидку и осталась в платье из тонких тканей. Гром браслетов сделался резким, сломал почти осязаемую напряжённую тишину. Игра зарождающейся страсти влекла меня, хотелось отпить ещё – нет, не воды, а этого томительного волнения. Тем более сейчас, когда мы остались наедине. Но Грэхам подобрался, поправил перчатки, одёрнул алые лацканы.

– Жорхе Вилейн должен был стать экзархом вместо меня, – бесцветно сообщил мужчина, вглядываясь в узкую щель между приоткрытыми ставнями. – Но он отказался от этой должности. Не существует более преданного и деятельного человека в ложе. Он всегда был и остаётся примером для всех нас.

– Зачем вы оставили меня здесь? – немного обиженно, но быстро включилась я в разговоры о делах. – Я же вижу, как сильно досаждаю служителям ложи. Мне не нужно прибегать к своему дару, чтобы предсказать недовольство Жорхе

Вилейна.

— У него будет более весомый повод для недовольства, — пояснил Грэхам. — А вам я хочу доказать свою преданность. Вверить секреты королевства, которыми вы могли бы погубить Квертинд... и меня лично. Хотите вы быть властительницей судеб или нет, должность Великого Консула потребует от вас изматывающей вовлечённости, невзирая на вашу мягкость и болезненность. Позвольте мне сопровождать вас на этом, как вы выразились, неисповедимом пути Квертинда, как я сопровождал вас сегодня на прогулке. Госпожа Ностра...

Медленно и напряжённо, как барс перед прыжком, Грэхам стянул свои перчатки и небрежно кинул их на стол, прямо поверх свёртков и служебных бумаг. А потом протянул мне руку с пугающими мутациями, дроблённую частыми молниями. Смертоносное магическое оружие главного палача Квертинда — ладонь, впитывавшая эфир прерванных жизней.

Я видела, что экзарх Арган сомневается. В том ли, что мне стоит открывать тайны, или в том, захочу ли я их узнать. Или... просто боится моей брезгливости.

— Грэхам, — я нарочно медлила, наслаждаясь его замешательством, — и кто же из нас теперь ищет союзников? Решили удивить меня губительным секретом? В таком случае вы имеете весьма смутное представление о прорицателях. Порой тайны даже ценнее крови. И если бы от чужих тайн моё

тело мутировало так же, как ваше – от чужой крови, то на мне уже давно не осталось бы бледных просветов. Вы ведь не думаете, что будете отдавать приказы за моей спиной, а я буду лишь топтать ножкой в такт?

– Я не пытаюсь вас удивить, Ванда, – оправдался Грэхам. – И не пытаюсь использовать. Только хочу доказать свою преданность и завоевать доверие. Возможно, у меня не очень хорошо получается, но вы ещё и препятствуете!

Он почти выплюнул последние слова, отдёргнул руку и нервно заметался по кабинету, рассерженный моим непониманием. Но у Квертинда был бы плохой экзарх, если бы он имел привычку быстро сдаваться. Грэхам в один миг оказался рядом и рывком развернул кресло.

– Послушайте, – мужчина опёрся ладонями о подлокотники, угрожающе нависнув надо мной. – Госпожа Ностра... Ванда. Я, как и все в Верховном Совете, понимаю ваше положение. Если завтра вы останетесь без покровителя, Квертинд уничтожит вас. А я предлагаю свою помощь, потому что... Толмунд! Да, потому что вы мне небезразличны!

Ресницы Грэхам дрогнули, и он всё же не выдержал – опустил взгляд на мои губы. Протянул ладонь, чтобы погладить меня по лицу, и замер в нерешительности.

– Всё-таки личное, – прошептала я и подалась вперёд, прильнув щекой к его пальцам.

От тёплого прикосновения мужской ладони я задрожала, как осенний лист на ветру. Грэхам облегчённо выдохнул,

прижался лбом к моему и заглянул в глаза.

– Я хочу беречь тебя, Ванда, – прошептал он мне в губы. – От всех бед или хотя бы от отчаяния, если беды всё же не минуют.

Я накрыла его ладонь своей, соглашаясь с желанием Грэхама и подчиняясь собственному. Чувственность звенела во мне алой струной арфы – низко, утробно, протяжно. Мне хотелось продолжения. Хотелось его ласк, поцелуев и обещаний. Но стук в дверь прервал наше томительное единение и я смущённо отстранилась.

Грэхам горько зажмурился, как от острой боли. Потом взял мою ладонь и коротко прижался губами к пальцам.

– Не принимайте мой короткий порыв нежности к вам за полное доверие, – я насмешливо подала ему перчатки. – Лучше займитесь грязными секретами Квертинда, что скрываются за его мраморным фасадом. Дела не терпят отлагательств, экзарх Арган.

Мужчина усмехнулся и коротко крикнул «Войдите», пряча почерневшие ладони за блеском иверийских корон на бордовой замше.

Дверь слабо скрипнула, являя усталого стяжателя в походной пыли и с густой порослью на щеках. Волосы его ещё хранили золото весеннего луча, но борода уже покрылась серебром человеческой зимы. Седина спускалась по пушистым бакенбардам и выбеливала бороду.

Жорхе Вилейн поприветствовал экзарха, почтительно по-

клонился мне — не низко и не высоко, тем самым не выражая ни почтения, ни презрения. Поверх его классической формы лежал талес Ревда, который я сочла лишним. Обычно стяжатели не носили магических талесей, пользуясь только глиняными колбами для свежесобранной жертвенной крови. Традиционный магический накопитель всегда служил для магов знаком отличия, эксклюзивным и почётным украшением, часто выполненным по индивидуальному заказу. Поэтому его демонстрация стяжателем была неуместна, учитывая необходимость конфиденциальности по роду его службы.

— Вы вызывали меня, экзарх, — констатировал Жорхе Вилейн, со сдержанным почтением глядя на Грэхам.

— Жорхе, я вынужден отозвать тебя с полуострова Змеи, — без вступительных речей начал Грэхам. — Прямо сейчас и надолго.

— Мы едва наладили контроль над удалёнными провинциями полуострова и установили комендантский час, — сухо отчитался статный мужчина. — Стяжатели из моей группы почти не спят, сотрудничая с военными офицерами и возглавляя вылазки на лагеря повстанцев. На полуострове Змеи установилось хрупкое спокойствие. Мы предотвратили восстание в Пеулсе, это к западу от Астраи. Заговорщики из Ордена Крона отправлены в Зандагат, но сейчас, в отсутствие наместника, даже тюрьма не сдержит нарастающее напряжение. Боюсь, смена руководства может отрицательно

сказаться на успехах.

– Я видел последние отчёты и внимательно их изучил, – Грэхам Арган обвёл перчаткой заваленный бумагами стол. – Поверьте, мне самому не нравится оставлять полуостров без вашего надзора. Но вы лучший из стяжателей в Квертинде, и дело не только в вашем высоком порядке магии Толмунда. Такой аналитический ум, осторожность и внимательность вряд ли способен проявить кто-то ещё. Но главное – мы не сомневаемся в вашей однозначной преданности Квертинду. С учётом последних событий, это становится чуть ли не самым важным.

– Да, я слышал о предательстве господина Брина, – стяжатель Вилейн прочистил горло. – Служил под моим началом в прошлом году. Совсем ещё юнец, но способный и беспринципный. Он был одним из лучших выпускников в Пенте Толмунда. Тогда я и помыслить не мог, что он способен на такое. Предать Квертинд, напасть на беззащитную девушку...

– Именно поэтому я вас и вызвал, – прервал его рассуждения Грэхам.

– Готов понести наказание за недосмотр, – склонился Жорхе Вилейн.

– Стяжатель Вилейн, – экзарх подошёл к нему, – Квертинд не собирает вас наказывать. По крайней мере, не преследует такой цели. Однако новое задание действительно может оскорбить вашу ценность.

– Если это воля Квертинда, ничто не сможет меня оскор-

бить, — отозвался Жорхе.

— Это лишнее доказательство вашей верности, — удовлетворённо кивнул экзарх. — Если бы ложа состояла из таких, как вы, Ордена Крона уже не существовало бы.

— Так в чём моя задача, экзарх? — между густых поседевших бровей мужчины образовалась глубокая складка.

Грэхам Арган потёр переносицу, как будто оттягивая время. Потом тяжело вздохнул и заговорил тихо, словно кто-то мог подслушать его прямо в Претории.

— Сегодня ночью вы отправляетесь на Галиофские Утёсы, — Грэхам кинул на меня осторожный взгляд и отошёл к окну, задвинул шторы. — В Кроуниц.

— Насколько мне известно, столица северных земель пока не попала под огонь восстаний, — от участвовавшего дыхания седые усы Жорхе Вилейна зашевелились. — Там нет сражений.

На сосредоточенном лице кровавого мага читалось возмущённое недоумение, которое только возросло со следующим заявлением главы его ложи.

— Вы не будете сражаться, стязатель, — Грэхам не повернулся, словно ему было стыдно смотреть в глаза своего подчинённого.

— Нет? — уже откровенно удивился Жорхе. — Зачем же меня туда направляют?

— Вы будете следить за одной подданной, — пояснил экзарх. — Тайно. Ни она, ни кто-либо из её окружения не дол-

жен заподозрить слежки. А окружение у неё очень внимательное, уж поверьте. Поэтому назначены именно вы.

– Мне нужно её убить? – ровно поинтересовался стязатель.

– Только после особого указания, – Грэхам с рассеянным интересом осматривал праздничную площадь, находясь мыслями где-то далеко. – До тех пор вам необходимо всюду следовать за ней. Её имя Юна Горст, она студентка второго курса Кроуницкой Королевской академии факультета склонности Ревда. Отныне вам нужно стать её тенью. Имейте всегда достаточно сил для милости Толмунда. Думаю, не стоит напоминать, что это требует регулярных ритуалов.

Юна Горст... Я вспомнила эту студентку – одна прядь у неё была такой же белой, как мои волосы. Когда мы виделись в последний раз, она была импульсивным и несмышлёным ребёнком, без малейшего намёка на сознательность. Смеялась в лицо опасности. Я пыталась вспомнить видения, которые были с ней связаны, но они затерялись в памяти среди сотен других жизней. Что-то такое, связанное с ментором и, кажется, с Орденом Крона. Неужели она была настолько важна, чтобы стать грязным секретом Квертинда? Могла ли простодушная девчонка представлять такую угрозу, ради которой из средоточия военных действий отзывали лучшего стязателя? Возможно...

Всё возможно. Великий Консул часто повторял, что важность сохранности пророчеств в тайне связана также с невер-

ными толкованиями. Мы видели лишь обрывки судеб и могли заполнять пробелы в меру фантазии и по субъективной справедливости. Но порой прорицатели упускали важнейшие детали за грандиозными историческими событиями и оказывались неправы. Отдельные маленькие люди были способны влиять на пути королевства не меньше, чем их правители.

– Позвольте спросить, чем же эта леди опасна для Квертинда? – Жорхе надул щёки, и жёсткие серебристые бакенбарды распушились.

Я вся обратилась в слух, потому что тоже была заинтересована в ответе. Как будто Юна Горст была моим личным упущением, которое я не смогла вовремя предотвратить... Хотя в те времена моё сознание ещё не было способно фокусироваться на реальности, но я могла что-то заметить. Какую-то деталь, подсказку, лежащую на самом видном месте.

– Не позволю, – развернулся Грэхам и смягчился при виде багрового стяжателя. – Не сердитесь, Жорхе, это приказ. Ответа на ваш вопрос я и сам не знаю. Мы с вами должны исполнять приказы, а не обсуждать их.

– Приказ Великого Консула? – Жорхе Вилейн покосился на меня с неприязнью, как будто заподозрил в причастности к этому унижительному для его чести заданию.

Но я была ни при чём и сейчас удивлялась не меньше, чем сам стяжатель Вилейн.

– Нет, – Грэхам посмотрел ему прямо в глаза. – Это пря-

мой приказ Кирмоса лин де Блайта.

Глава 3. Как пережить шторм

Удивительно, но раньше я никогда не замечала, насколько у Сирены мелодичный голос. Она пела тепло, почти ласково, напоминая мне в очередное утро о том, что я всё ещё дышу. Конечно, пела та, прошлая Сирена, которая называла меня подругой и согласилась записать песню для моего пробуждения.

Живая же, нынешняя Сирена не проронила ни слова, явившись вчера на порог комнаты триста двадцать два в окружении коробок и чемоданов. Вежливое приветствие от леди Эстель досталось лишь Фидерике, ослеплённой счастьем из-за девичьей влюблённости. Весь прошлый вечер подруги неугомонно щебетали, наперебой хвастаясь пережитыми за лето путешествиями и своими избранниками.

Я подчёркнуто игнорировала их болтовню, отвернувшись к нефритовым мордам львов-канделябров, но всё равно оказалась невольной слушательницей. Судя по рассказам, серебристая лилия уже успела побывать в горячих объятиях Лонима сразу по приезду в академию, а Фидерика и вовсе провела целый летний месяц в компании «невероятно умного и галантного» Куиджи. «Невег`оятного», – бубнила я себе под нос, иронично ухмыляясь собственной шутке. Казалось, заметно похорошевшая с виду Фиди помутилась рассудком:

она без конца жаловалась на робость своего возлюбленного, вздыхала о поцелуях и прочих интимностях, на которые Куйджи никак не мог решиться. Я злилась из-за того, что головы подруг занимает какая-то чепуха, но мою досаду ощущала только насмерть задушенная подушка. По крайней мере, она точно не дышала.

Затянувшееся нарочитое молчание на фоне впечатлённых речей соседок, звенящих до самой ночи, оказалось настоящей пыткой. Поэтому утром я порадовалась, обнаружив, что девушки уже покинули комнату и оставили меня просыпаться в одиночестве.

Просыпаться, само собой, не хотелось. Но сегодня должна была состояться церемония определения для первокурсников, на которую не стоило опаздывать. Промелькнула предательская мысль о том, что мне лучше пропустить сбор всей академии в Церемониальном зале, пусть даже рискуя схлопотать внушение от Джера. Несколько сонных минут я прикидывала, должна ли хорошая мейлори непременно быть прилежной студенткой. С обречённым зевком остановилась на том, что всё-таки должна, и, припоминая свои прошлогодние сборы, когда я второпях вылетела из комнаты и еле успела позавтракать, поднялась с кровати.

Умылась я быстро, и у меня ещё оставалось время до завтрака, поэтому я лениво бродила по комнате в одном белье, зевая и разминаясь. Босая ступня нащупала брюки, что торчали из-под кровати. Кажется, туда я их уронила вчера пе-

ред сном. Не утруждая себя наклоном, я ногой подняла часть своей формы и втиснулась в узкую замшу. Над левым коленом темнело пятно от брызг кроуницкой слякоти. На мой не слишком придирчивый взгляд, почти незаметное. К тому же всю церемонию определения придётся сидеть в зелёном секторе и хлопать потерянными мальцам, притворяясь, будто мне есть дело до их изначальных склонностей. Сорочка и салатный жилет выглядели чистыми, сырой картошкой от меня на этот раз точно не пахло, поэтому я сочла свой внешний вид приемлемым и принялась шнуровать сапоги.

Как меня примут студенты? Будут игнорировать моё существование, как Сирена? Не хотелось бы, но в моём положении это было бы отличным условием. Только вот я сильно сомневалась, что мне не припомнят обидного прозвища. И избавиться от «сорокиной дочери» будет намного сложнее, чем от «истеричной пустышки».

Пальцы пробежались вдоль шнурков, затягивая их потуже и заталкивая концы под голенище. Меня это не должно беспокоить. Пусть называют, как хотят, в их же интересах не вступать со мной в открытый конфликт.

В столовую я заходила, мысленно обещая себе не давать волю кровожадности. Между угрозами и претворением их в жизнь должна быть чёткая грань. Не стоит поддаваться агрессии и заигрывать в борьбу, чтобы не превратиться в настоящего врага народа. Каас на бедре согласно молчал. Как и все студенты, моментально затихшие при моём по-

явлении. Шумные столики выдавали встревоженных первокурсников, что с непосредственным любопытством пялились на меня.

Фиди стыдливо уткнулась в тарелку, оба Оуренских с преувеличенным интересом выслушивали смешливый лепет черноволосой красотки Ракель, внезапно ставшей центром их внимания. Только Лоним едва заметно кивнул мне, чем заслужил лёгкий пинок от Сирены. Обиженно сморщенный носик новоявленного мага Вейна обещал моему другу самый что ни на есть уничтожительный шторм.

Я неспешно прошла вдоль ряда круглых столиков и устроилась в стороне, на свободном месте, среди троих студентов с тиялями Ревда. Лёгкая надежда на то, что сокурсники будут более благосклонны к мейлори их магистра, угасла почти мгновенно, когда рыжий Бэзил брезгливо отодвинул тарелку, встал и вышел. Двое других магов склонности земли последовали его примеру.

Пришлось приложить усилия, чтобы следующий вздох не выглядел разочарованным. Я сидела в одиночестве у стены, но волосы на спине встали дыбом от десятков чужих взглядов. Медовая гречневая каша, щедро сдобренная творогом и яблоками, не лезла в горло. Ела я быстро: набирала побольше еды в ложку и глотала, почти не разжёвывая. Айвовый сок выпила залпом.

Спешно справившись с завтраком, я покинула столовую под такое же надменное молчание.

Что ж, всё прошло не так уж и плохо.

За взволнованной суетой в огромной гостиной Кроуницкой академии меня почти не заметили. Если не считать громогласного цоканья и закатывания глаз отдельных личностей. Я вполне успешно представила, что они предназначались не мне.

Длинные лестницы вдоль стен призывали вернуться в комнату, но я решила не прятаться. Таинственный господин Демиург писал, что я сама смогу выбирать роль. Понять бы ещё, как это сделать. Да и какая из ролей мне сейчас нужна, я тоже не знала... Но зато благодаря ментору я точно знала, что роль запуганной жертвы мне не подходит.

По недавнему опыту я прошла к дальней лавке и примостилась на одной из широких зелёных подушек, придав себе непринуждённый вид. На доску объявлений над камином нарочно решила не смотреть, лишь убедилась, что портретов трёх королевских убийц там больше не было. Полюбившаяся уже фреска с крылатым львом теперь была у меня за спиной, но зато открывался чудесный вид на всё пространство гостиной. Зрелище оказалось скучным: сонные студенты ютились в гобеленных нишах мелкими группами, ряды каменных лавок почти пустовали, даже свиров замечено не было. Зато на противоположном конце каменного зала показалась Вилли.

Рудвик важно чеканила шаг мохнатыми лапами, вытягивалась в струнку за острым кончиком мятой шляпы и торжественно пыхтела. Перед собой она бережно несла самое дра-

гоценное богатство – стопку пергаментов для первокурсников. Последние же растерянно озирались у высокого каминна и не проявляли должного уважения к важной церемонии маленького магистра. Даже посмеивались.

– Смотрите, – крикнул щуплый блондин в новёхонькой форме, указывая на Вилли, – ушастому магу швабры взаправду доверили документы!

Новоявленные студенты, приехавшие преимущественно из знатных и аристократических семей, захохотали. А я нахмурилась. В прошлом году ни один из нас не позволял себе подобных замечаний. Даже Сирена отпускала свои шуточки вполголоса.

Захотелось немедленно заступиться за сжавшуюся в комок Вилли, но я сама себя одёрнула. Простой анализ ситуации подсказал, что конфликт с первокурсниками почти наверняка будет иметь неприятные последствия. Лишнее внимание мне сейчас было ни к чему, поэтому я лишь подалась вперёд, сцепив руки в замок. Поискала глазами магистра Айро, который мог бы утихомирить наглецов, но так и не нашла. Зато его роль прекрасно выполнила Биатрисс Калькут. Она гаркнула так, что даже крылатый лев поджал бы хвост. От громкого окрика магистра факультета исцеления первокурсники округлили глаза и втянули головы в плечи. Я немного расслабилась и хмыкнула. Да, детки. Вам ещё предстоит к этому привыкнуть.

Магистр Калькут поджала подбородок и строго огляде-

ла притихшую группу. Убедившись в дисциплине, женщина вернулась к беседе с Дамной лин де Торн. Приободрённая рудвик уже менее торжественно взобралась на приступок у доски объявлений и принялась прикреплять пергаменты с фамилиями преподавателей и расписанием.

Я почти развалилась на лавочке, вытянув руки вдоль каменной спинки, закинула одну ногу на колено и даже почти насладились уединением, когда из столовой вышла Сирена.

Соломенные локоны серебристая лилия сегодня подняла наверх, чтобы подчеркнуть блеск своего знака соединения и изящных подрагивающих серёжек в цвет вихря в её сверкающем топазами тиае. Даже обычная форма Кроуницкой академии выглядела на леди Эстель особенно утончённо – из-под идеально ровных складок зелёной клетчатой юбки виднелись стройные ножки в мягких чулках и блестящих туфлях, тесёмки сорочки были завязаны в аккуратные бантики, золотистый ряд пуговиц жилета перекликался с вышитым сбоку крылатым львом.

Палец нырнул в пустую петельку на моём собственном жилете. Верхнюю пуговицу я потеряла, когда карабкалась по грубой стене одного из жилых домов Кроуница на Лазаревой улице. В бедном квартале многие дома выдолблены прямо в скалах. Помню, что сильно ободрала тогда ладони и колени. Моя кожа зажила со временем, являя обычные способности к регенерации. В отличие от пуговицы.

– ...такая благочестивая женщина, очень высоких мо-

ральных принципов! – донесся до меня обрывок фразы Калькут, адресованный Дамне лин де Торн и её мейлори.

Только сейчас я заметила вздёрнутый носик и сжатые губы леди Эстель. Должно быть, первокурсники, да и остальные студенты сочли бы такую мимику за аристократическую надменность дочери нуотолинисского купца. Но я видела страх. Слишком хорошо я знала бывшую подругу, чтобы понять по её прямой осанке и задранному подбородку, что Сирена переживает и напугана. Я тихонько перебралась на соседнюю лавочку, поближе к интересующей меня беседе.

– Вам не о чем переживать, госпожа лин де Торн, – успокаивала Биатрисс Калькут. – Новый магистр факультета Вейна – настоящая находка для академии. Религиозна, скромна и совестлива. Она будет отличным примером для студентов своей склонности. Я имела честь пообщаться с ней и оценить глубокую добродетель. Поистине, наш Гремор Айро получил достойную смену!

Сирена заметила меня, и я зевнула в ответ на её взгляд, лениво поигрывая своим заполненным песком тиалем. Так-так-так. Кажется, у Сирены будет другой учитель. В прошлом году она хотела избежать нравоучений Калькут, но, судя по рассказам целительницы, новый магистр факультета Вейна здорово напоминает строгую и чопорную фанатичку. Я представила дёргающийся подбородок над синим тиалем Вейна и приподняла уголок губ. Студентка Эстель сморщила носик и брезгливо отвернулась.

Конечно, подруга приняла мой жест за злорадство, но на самом деле я сочувствовала ей. Категоричность магистра Калькут всегда вносила свои коррективы в занятия по религии, отчего одним богам доставалось больше внимания и почтения, а другим – только короткие сухие указания. По-моему, такой подход вредил учёбе. И если Сирене предстоит провести ближайшие годы с кем-то подобным, то ей явно не повезло.

Хотя, если рассудить, вечно спящий Гремор Айро вряд ли мог действительно чему-то научить магов своей склонности. Может, новая преподавательница окажется более заинтересованной в успехах студентов? Ведь занятия на факультете Вейна могут быть интересными. В прошлом году подопечные магистра Айро занимались, в основном, картографией и получением воды из воздуха, не выходя из аудиторий. Но маги склонности Вейна любили свободу и простор. Они могли спускаться к морю, учиться управлять волной или даже ходить под парусами недалеко от Кроуница.

Пока я размышляла, ментор и мейлори серебристой лилии слаженно простучали каблучками мимо меня, направляясь к выходу. Естественно, ни одна из них не удостоила меня ни словом, ни взглядом. Зато другие обитатели академии вовсю пялились, чуть ли не тыкая пальцами.

– Отвалите уже, – пробубнила я себе под нос, закрываясь широкой подушкой.

Надеюсь, хоть кто-то из окружающей публики умел читать

по губам. Вышитая на чехле подушки львиная пасть висела перед моим носом до тех пор, пока шум и гомон гостиной не начали утихать.

«Скорее бы увидеть Джера», – подумала я, поднимаясь и разминая затёкшие ноги. Оказывается, не привлекать внимания – задача ещё более трудная, чем находиться в самом его центре.

В Церемониальном зале собрались уже почти все, кроме магистров и первокурсников. Даже здесь любимые дети Квертинда замолкли при моём появлении. Раньше, когда они кричали «Юна!», их было не заткнуть, а теперь вестником моего появления было презрительное молчание. Кажется, я уже начала привыкать. Вспомнился Шенгу лин де Сторн с его словами о том, что толпа отвернётся от меня точно так же, как и вознесла.

Задерживаться у входа я не стала, быстро обогнула самый точный детерминант и подошла к своему факультету.

Зелёный сектор был одним из самых многолюдных. В первом ряду на низкой лавке сидел Артур и несколько старшекурсников. При моём приближении Оуренский положил ладонь на свободное место, давая понять, что не хочет меня там видеть. Я фыркнула. Подумаешь! Да я и не собиралась устраиваться на видном месте.

Поднялась к следующему ряду, но наткнулась на грозные

взгляды будущих магов Ревда. Да чтоб вас всех икша сожрали!

Ещё выше сидел Родрик Трейсли, рядом с которым я сама никогда бы не села. Пришлось ускорить шаг, пролетая мимо всех рядов к самому потолку – туда, где одиноко сидел амурный хлюпик Нед Комдор.

Я зло плюхнулась на последнюю лавку, подальше от Неда, кидая на него недовольные взгляды. Он тоже смотрел недобро, явно не радуясь моей компании. Но промолчал. Вместо слов, хлюпик отвернулся к сплошной полосе окон, вскинул голову и приложил к губам солдатскую фляжку.

– Сорокина дочь, – шикнул снизу Бэзил Окумент, не оборачиваясь. – Дочь убийцы!

Рыжий затылок любителя кличек призывно поманил каблук моего сапога. Я сжала кулаки и зубы, посчитала четыре вдоха. Должно быть, Бэзил получал извращённое удовольствие от издевательств, потому что он не заткнулся, а продолжил повторять мерзкое обзывательство. Как и следовало ожидать, до этого молчавший студенческий коллектив быстро подхватил прозвище, и оно полетело в меня нестройным хором.

– Заткнитесь! – прикрикнула я, обиженно складывая руки на груди.

Нельзя было поддаваться на провокацию, поэтому я лишь насупила брови. Просто сидела, тихо и молча глотая каждое из адресованных мне слов, как кислые ягоды с придорожно-

го куста – вместе с пылью и грязью. В какой-то момент меня даже слегка замутило.

Среди разноцветных рядов я заметила держащихся за руки Фиди и Куиджи. Оба смотрели с испуганным сочувствием. Я раздражённо отвернулась к синему сектору.

Сирена сидела в компании двух девушек с тиялями Вейна и что-то увлечённо им рассказывала, хихикая. От нахлынувшей зависти захотелось пристрелить обеих. Поддержка Сирены сейчас мне была нужна, как никогда. Мне, а не этим двум ничтожным русалкам. Но серебристая лилия как будто не слышала, как в меня со всех сторон летели оскорбления.

В соседнем, оранжевом секторе Лоним молча потирал затылок, уставившись перед собой. Виттор рассматривал собственные ногти.

Тоже мне, друзья.

К крикам добавился гомон, мерзкий хохот и даже звучные отрывки. Студенты затопали ногами и забили кулаками по лавкам.

Нед рядом закашлялся, снова прикладываясь к своему пойлу.

– Заткнитесь немедленно! – не выдержав, я вскочила, готовая сразиться со всеми сразу.

В меня прилетел мятый комок пергамента, и я раздражённо пнула его сапогом обратно в толпу.

Не знаю, смогла бы я сдержаться, но, на моё счастье, в Церемониальный зал вошла ректор Аддисад в сопровождении

двух стязателей и работницы консульства. Той самой женщины, что была здесь в прошлом году. Я даже удивилась тому, что вспомнила её фамилию – Бранди. Секретарь Бранди.

Я осторожно опустилась обратно. Лёгкое отвращение кольнуло мелкими иглами затылок. Бордовая мантия и консульские весы напоминали мне о неприятных событиях и несправедливости всей системы власти в Квертинде. Я исподлобья оглядела возбуждённых студентов, которые переговаривались шёпотом и негромко отстукивали ритм недавнего скандирования.

Надалия Аддисад встала за трибуну и попросила тишины. Толпа, на удивление, быстро покорила. Стало так тихо, что слышался только треск пламени десятков свечей в старинной нефритовой люстре и мелкая возня секретаря Бранди за столом. Я вздрогнула и чуть не вскочила снова, заметив рядом Неда. Отшатнулась, но он протянул мне свою фляжку в мятом холщовом чехле.

– Сорокиной дочери от амурного хлюпика, – невесело прошептал Нед.

Я хмыкнула, взяла фляжку и отвернулась к окнам.

Свет немного ослепил меня, но отсюда я даже увидела тонкие башни святилищ и туманные пики гор. Вспомнилось беззаботное лето, прогулки по Кроуницу и тренировки с Джером. Мысли о менторе успокоили меня и даже как-то обрадовали. Захотелось немедленно увидеть его, прикоснуться, услышать его голос, почувствовать запах. В нём было

моё спасение – от агрессивной тьмы, что разлилась в душе после убийства Кааса, от колючего презрения студентов, от собственных гнетущих мыслей. От всего того кошмара, которым теперь стала моя жизнь. Посомневавшись минуту, я всё же решила пригубить напиток.

Пойло оказалось очень жестким, спиртовым, с терпким горьким ароматом, отдающим чем-то лекарственным.

– Что это за гадость? – захрипела я, возвращая Неду фляжку.

– Полыний шторм, – Нед тоже глотнул, даже не скривившись.

Глаза его уже подёрнула пелена дурмана, и пахло от Неда, почти как от фляжки. К счастью, на нас никто не обращал внимания.

– Будешь ещё? – он протянул мне своё угощение.

Опьянеть мне не хотелось, но я решила распробовать со второго глотка национальный напиток Кроуница, поэтому неохотно забрала вонючий сосуд. К тому же не мешало немного расслабить мысли. По примеру Неда я снова отвернулась и зажмурилась от льющегося сквозь окна света.

– Магистры, – прозвучало где-то внизу, – прошу вас встать перед вашими факультетами.

Ну, наконец-то. Я обрадовалась, услышав шорох мантий и стук сапог, но решила сперва приложиться к фляжке. Быстро закинув голову, я развернулась, и крепкий глоток застрял в горле вместе со сдавленным воплем. Я с силой протолкнула

пойло в желудок, но громко закашлялась от шока, чем привлекла внимание всех, в том числе своего ментора.

Джер кинул на меня строгий взгляд, ведя под руку нового магистра факультета Вейна.

Невесомое синее платье струилось вдоль роскошной фигуры женщины, удачно облекая соблазнительные изгибы. Имя нового магистра жгло мою глотку не хуже полыньего шторма. В нём сосредоточились все добродетели мира и благочестие самой Девейны.

Элигия Велилльер.

Трибуны оживились одобрителным мужским гомоном, а я опять вскочила со своего места и едва не закричала от гнева и недоумения. Да как она смеет трогать руками Джера?! Как он смеет подавать ей локоть?!

На языке обозначился горький вкус предательства. Нет, этого просто не могло быть. Это какая ошибка, жестокая насмешка... При нашей последней встрече я сказала Элигии, что ей не представится шанса пообщаться с Джером. И теперь её блестящие коготки так и порхали по плечам моего ментора, которого в прошлом году она хотела убить.

Магистры заняли свои места, а я выхватила фляжку прямо у пьющего Неда и зелёная пена полилась по его подбородку. Амурный хлюпик рыкнул на меня, но отбирать полынный шторм не стал. Я отвернулась и сделала три огромных жадных глотка, не чувствуя вкуса. В голове приятно помутнело.

Эта женщина просто какое-то наваждение! Почему все-

гда, когда мои дела идут плохо, появляется она, как символ и обещание ещё больших осложнений? Ехидная, коварная, мерзкая дрянь! Иначе назвать её язык не поворачивался. Он вообще стал как-то плохо ворочаться.

В распахнутых воротах показались два знакомых штандарта, и в подрагивающую, торжественную тишину Церемониального зала вошли первокурсники. Слаженный «Ах!» разнёсся над сводами, когда будущие маги увидели самый точный в мире детерминант Шарля, сверкающий прозрачными стенками под ветвистой люстрой. Я заёрзала от раздражения.

Ректор начала приветственную речь, я же смотрела только на затылок Джера. Мне хотелось потребовать от него объяснений, выяснить, как вышло так, что эта дамочка из Ордена Крона оказалась магистром моей академии. И почему он позволил ей себя трогать?

Надалия Аддисад рассказывала о пустых сосудах, о любимых детях Квертинда, о новых временах и сменяющихся эпохах. О важности традиций и верности самим себе. Все те слова, которые так впечатлили меня в прошлом году, сейчас казались ненужной болтовней, пустыми обещаниями. Могла ли наивная овечка Юна Горст, что стояла в прошлом году у этих же ворот, знать, кем она станет через год? Да она бы посмеялась в лицо не только опасности, но и любому, кто посмел бы сказать, что она совершит убийство и предательство. Или любому, кто рискнул бы заявить, что Юна Горст

способна на ревность. Горячую, мучительную, острую ревность. О да, я ревновала!

– Нед, – прорычала я, – у тебя осталось ещё что-то во фляжке?

– Забористая хрень, – рыгнул в ответ Нед, протягивая мне сосуд с остатками зелёной пены.

Первокурсники уже начали по одному подходить к детерминанту, и воздух то и дело окрашивался в цвета склонностей. Ровно год назад я плясала вокруг нефритовых львов и ненавидела того, кто называл меня истеричной пустышкой. Сейчас я сидела за его спиной и каждой клеточкой своей души мечтала единолично владеть его вниманием. От злости и возмущения я резко перевернула фляжку, вылила остатки полыньего шторма в горло, даже не отворачиваясь, и попыталась сосредоточиться на церемонии, вытирая рот рукавом.

Высокая девочка с острым подбородком вздрогнула у детерминанта, когда тот явил ей зелёную молнию. Первокурсница испуганно посмотрела на Джера, прижимая к груди фамильный пергамент. Не истинный, судя по отсутствию свечения.

«Даже не смей думать о нём!» – хотелось мне крикнуть во всеуслышание, но я только тихо икнула. В прошлом году Джермонд Десент точно не пользовался таким интересом у женщин. Или я просто не обращала внимания?

Хмель разогнал кровь, забился в висках боевым маршем. Сталь Кааса захрипела, возглавляя этот бравый ритм моего

собственного сердца. Он не просто стучал в груди, а ревел сигнальным барабаном, требуя решительных действий.

Сквозь алую молнию детерминанта, которая прильнула к ладони очередного парня, я увидела скучающую Элигию. Возможно, при других обстоятельствах меня заинтересовал бы неудачливый студент, одарённый бесполезной в современном Квертинде изначальной склонностью. Но сейчас меня больше интересовало другое.

Я ничего не смыслила в играх страсти и женских уловках. В этом Элигия Велилльер меня превосходила, как и в дамской прелести. Сейчас она почти незаметно пробегала глазами именно по моему факультету, задерживаясь на магистре.

Моё благоразумие висело на тоненьком волоске, рискующем разорваться, если я и дальше буду наблюдать за бывшей мейлори моей предательницы-матери. Поэтому я перевела взгляд на группу уже определившихся первокурсников, стоящих за спиной Надалии Аддисад. Как назло, самой заметной среди них была та тощая и длинная девчонка, что явила сильную склонность Ревда. И она тоже с испугом и благоговением пялилась на Джера! Моего Джера!

Знаете, что, дамочки? Меня зовут Юна Горст, и я не собираюсь молча терпеть и смотреть, как вы все пожираете глазами моего ментора!

Как можно осторожнее, чтобы не привлекать внимания, я спустилась вдоль зелёного ряда лавочек и неуклюже плюхнулась рядом с Артуром. Тот с отвращением отшатнулся. Но

зато теперь Джер был прямо передо мной.

Я боязливо дотронулась до кольца ментора и погладила его палец, спускаясь к кончику. Джер слегка повернул голову, но даже не взглянул на меня. Зато Элигия заметила мой жест и пришла в замешательство. А я улыбнулась ей в ответ как можно наглее.

– Юна, перестань, – процедил Джер.

Откуда он узнал, что это я? Он ведь даже меня не видел. Хотя, не Артур же. И не этот... как его там... не важно. Имена старшекурсников путались в голове, а может, я никогда их и не знала. Собственная решимость и неожиданная уверенность ободрили меня.

– Джер, – позвала я. – А если сейчас появится ещё одна первокурсница без склонности, ты обзовёшь её пустышкой?

– Помолчи, – тихо попросил Джер.

– Может, сделаешь её своей второй мейлори? – пошутила я. – У тебя на шее ещё много места.

Я хихикнула. По-моему, вышло очень смешно. Кажется, даже ректор Аддисад оценила, заинтересованно высматривая меня за фигурой ментора. Я икнула и приветливо ей помахала. У меня прекрасный ректор! Боги, да как я ещё совсем недавно могла жаловаться на жизнь?!

– Юна, – раздражённо бросил Джер, – успокойся.

– Я спокойна, – мгновенно отозвалась я. – Когда ты рядом, мне спокойнее.

Вдруг я ощутила такую нежность, такую острую необхо-

димось обнять Джера, что совершенно невозможно было сдерживаться. К тому же голова кружилась, и мне очень хотелось приложить её к какой-нибудь опоре. Я крепко обхватила локоть ментора и прижалась щекой. Джер стряхнул меня, как надоедливую колючку репейника, и отошёл. Элигия растянула губы в улыбке, глаза на слабенькую склонность исцеления какого-то первокурсника в детерминанте. Я не сомневалась, что эта улыбка предназначалась мне.

От пренебрежения друзей и даже Джера стало обидно и захотелось расплакаться. Пovýть белугой, растирая слёзы по щекам. Тем более что глаза уже затянуло какой-то мутной пеленой. Но Юна Горст никогда не плачет, поэтому я лишь хлопнула носом.

Интересно, Джер ревновал меня когда-нибудь? Хотя у него не было повода. Не к амурному же хлюпику меня ревновать, в самом деле! Я его даже в танце уложила на обе лопатки!

– Артур, – я подвинулась ближе к Оуренскому, который почти свисал с другой стороны лавки. – Помнишь, как ты учил меня стрелять из лука? И как мы кромсали мишени в бестиатриуме? Было круто, ведь правда? Может, стоит повторить?

– Мы на церемонии определения, – прорычал в ответ Артур. – Юна, что ты творишь?

– Ну и ладно, – обиделась я. – Твой брат мне всегда нравился больше. В нём есть авантюризм и азарт!

Я попыталась вернуть остроту своему зрению и сфокусировать его на соседней трибуне. Весьма преуспела в этом, потому что двое огненных магов – Виттор и Лоним – смотрели на меня неотрывно. От обожания, не иначе. А перед ними...

– Магистр Фаренсис! – выкрикнула я слишком громко, отчего даже консул Бранди перестала чиркать пером по фамильному пергаменту.

Кажется, на меня теперь смотрели все. Или почти все. Я глянула на Сирену. Та притихла, выпучив на меня круглые глаза. Лоним поймал мой взгляд и отрицательно покачал головой, отговаривая от затеи, которой у меня ещё даже не было. Кэймон лин де Фаренсис приложил палец к губам, призывая к тишине.

– Тшшшш, – я скопировала его жест, охотно соглашаясь с необходимостью спокойствия. Даже зажала рот обеими руками, доказывая свою преданность дисциплине и правилам академии. И тихо-тихо, как крадущаяся тёмной ночью мышка, посеменила в сторону магов огня. Зацепилась пяткой о собственный сапог и едва устояла на ногах. Сглотнула икоту, перекинула косы через плечи и как можно соблазнительнее улыбнулась магистру Фаренсису.

Выгнула спину, медленно моргнула. Я была уверена, что выгляжу чертовски привлекательно. Оставалось убедиться, что Джер теперь тоже так считает. Но неожиданно пол рванул мне навстречу, словно я споткнулась на ровном месте, ноги сами собой зашлёпали по плитам, и только у ворот я

поняла, что меня волокут к выходу.

Полуденное солнце врезалось в глаза, и я зажмурилась.

– Пожалуйста, скажи, что ты не Джер, – слепо попросила я не то у своего пленителя, не то у каждого из богов Квертинда.

Открывать глаза не хотелось, но в моём опьянённом сознании мгновенно возник Каас. Стязатель улыбался, откидывая ладонью рыжие пряди, рассказывал про полоумную Ванду Ностра и приглашал в «Фуррион». Я мученически застонала.

– Посмотри на меня, – потребовал Каас голосом моего ментора. – Немедленно, Юна!

Я неохотно открыла один глаз. Боги точно отвернулись от меня, потому что это однозначно был Джермонд Десент. Кажется, немного злой Джермонд Десент. Разъярённый. Не так, чтобы сильно... капельку. Капельку размером с океан. Но небольшой океан!

Джер грозно поднял ладони, хотел что-то сказать, но осёкся. Отвернулся, закрыл лицо на несколько секунд, ровно вдыхая. Неужели считал секунды?

– Просто скажи, что на тебя нашло в этот раз? – с тяжёлым выдохом, но как-то слишком спокойно развернулся ментор.

– У меня было трудное утро, которое слишком сильно повлияло на меня, – проямлила я себе под нос, оправдываясь, но тут же вспомнила об Элигии: – Зато твоё утро удалось на славу! Пока я изнывала от презрения и одиночества, тебе не

давали скучать, да? А мне так нужен был менто-о-ор!

На последнем слоге я сорвалась на визг и почесала нос. Тряхнула головой, прогоняя слёзы. Да что со мной? Я ведь не плакса!

– Я не узнаю тебя, – ментор подошёл ближе, схватил за плечи и заговорил быстро: – Ты никогда не была капризной. Неужели ты не подготовилась к тому, что они будут испытывать тебя? Что они...

Он снова осёкся, нахмурил брови и принялся.

– Юна, чем ты умудрилась так накидаться? – Джер взял меня за подбородок, внимательно заглядывая в глаза.

– Ничем, – пискнула я, стараясь выдержать его взгляд и не упасть.

– Ты врёшь мне? – спросил Джер, приподнимая мою голову выше.

Зачем он это спросил? Было и без моего ответа понятно, что вру. Я пошатывалась и прилагала огромные усилия, чтобы не упустить из виду глаза Джера. А они настойчиво хотели слиться в один. Или, наоборот, раздвоиться в четыре. И я всё-таки не выдержала – отвела взгляд, стряхивая его пальцы с лица, и медленно обхватила себя руками.

– Мне так надоели эти испытания, бесконечные испытания! – взмолилась я. – Неужели я не заслужила награды, хоть самого крохотного поощрения?!

– Боги не посылают нам испытаний, с которыми мы не могли бы справиться, – ментор странно прищурился, осмат-

ривая меня.

Я отошла на пару мелких шагов и с громким смехом развела руки в стороны, купаясь в льющемся с неба тусклом кроуницком солнце.

– Боги! – крикнула я небесам. – Вы слышите, боги? Идите в задницу со своими испытаниями! Я желаю вам утопиться в собственной благодати! Поджариться в раскалённом подземном пекле!

– Хватит! – рывкнул Джер, почти прыжком оказываясь рядом.

Но я на этот раз оказалась проворнее и легко увернулась от его хватки, отпрыгнув в сторону.

– Видишь, Джер? – хихикнула я. – Богам наплевать. Ты забыл, что Юны Горст для них не существует? Ты забыл, кто я? Пус-тыш-ка!

Для убедительности я игриво помахала тиаем. Даже попыталась сделать изящный реверанс. Очень зря, поскольку реверансы – это точно не моё. Ловкость изменила мне, и я плюхнулась на бок. Но задрала голову и посмотрела с вызовом.

– Наоралась? – Джермонд сложил руки на груди, загораживая мне солнце.

– Боишься, что на этот раз боги меня услышат? – я шурилась, стараясь разглядеть его эмоции.

– Боюсь, что тебя услышит Надалия Аддисад, – кажется, он уже почти не злился.

И это было плохо. Голова кружилась, перед глазами всё плыло, но я начала осознавать, что снова натворила глупостей. Закрыла лицо руками, как недавно это делал Джер. Не от гнева богов, конечно, а от какой-то стыдливой обречённости.

– Я не нянька для истеричных пустышек, помнишь? – ментор всё же поднял меня, бережно, совсем как нянька, и отряхнул. – И не Дамна лин де Торн, у которой нет обязанностей, кроме менторства. Я стараюсь быть хорошим ментором. Но это даётся особенно трудно, когда посреди церемонии определения моя мейлори пристаёт к боевому магистру. Причём, даже не ко мне.

На последних словах он криво усмехнулся. Вместо ответа я привалилась щекой к его груди, надеясь, что он примет это за извинения. Ну, и потому, что мечтала об этом весь день.

– Что же мне с тобой делать, Юна? – тихо спросил Джер возле моей макушки.

Легко, едва ощутимо он погладил меня по спине и дотронулся губами до виска.

– Простить? – наивно предложила я, сжимая в ладонях его сорочку.

Я опозорила его сейчас перед всеми, я без конца досаждала ему, не одаривая ничем, кроме новых хлопот. И самое главное – даже тогда, на плато, я позволила ему умереть. Корила и ругала себя за это каждый день, снова и снова решаясь рассказать всё именно сегодня, но каждый раз трусила.

Потому что надеялась, что однажды он посмотрит на меня не только, как на свою мейлори.

Так, как смотрел только один раз – тогда, под дождём, когда давал свою клятву.

– Я должна тебе кое в чём признаться, Джер, – я нехотя оторвалась от тёплой мужской груди.

– Это может подождать? – он оглянулся на ворота, в которых возникли посланники Надалии – Вилли и озадаченный свир из мужского корпуса. – Я должен вернуться в Церемониальный зал.

– Конечно! – быстро согласилась я, обрадованная отсрочкой.

– А ты сейчас пойдёшь напрямик в свою комнату, да? – скорее утвердил, чем спросил Джер. – Не сбежишь из академии, не устроишь драку, не попадёшь в каземат и не напьёшься ещё сильнее, а просто зайдёшь в замок, поднимешься по лестнице и закроешься у себя.

– А может...

– Нет, – перебил Джер. – Что бы ты ни предложила – нет. Ты идёшь к себе.

Вообще-то я хотела предложить извиниться перед ректором Аддисад, но это тоже можно было отложить.

– Тогда пойду, – буркнула я носкам сапог.

Постояла ещё немного, исподлобья любуясь чёрным пауком на мужской шее, потёрла своего собственного, неловко развернулась и побрела прочь.

В комнате было душно. Поначалу я пыталась лежать, но помещение закручивалось вихрем, порхая вокруг меня пыльной стрекозой. Я поплескала в лицо ледяной водой, подёргала себя за косы, даже похлопала по щекам. Но трезвее не стала. Прохладное оконное стекло, к которому я привалилась носом, давало некоторое облегчение, но всё же не избавляло от хмельных ощущений.

На улице прыснул мелкий дождик, и плиты площади у входа в академию потемнели от влаги. Студенты почти не задерживались у ворот, светло-зелёными точками пробегая мимо статуи семи богов.

«Я пошутила про пекло», – виновато оправдалась я перед изваяниями в зелёной патине и вздрогнула от звука открывающейся двери. Попыталась обернуться – и едва не грохнулась на пол.

– Юна! – подбежавшая Фиди помогла мне устоять на ногах. – Что на тебя сегодня нашло?

– Пыльный шторм, – честно призналась я. – Оказался воюющей дрянью. Никогда не пробуйте!

– Само собой, у нас же ещё остались зачатки разума, – отчеканила леди Эстель.

Она тихо прикрыла за собой дверь и сходу принялась доставать украшения из шкафа и тумбочки.

– В гостиной все обсуждают тебя, – сообщила Фиди, об-

махивая меня ладонями. – Ракель и вовсе решила устроить конкурс на самое подходящее звание для Юны Горст. Даже обещает куртажик победителю.

– Не сомневаюсь, что внушительный, – от этой новости я заметно погрустнела. – Надеюсь, мы сможем дать ей достойный отпор.

С лёгкой надеждой я глянула на Сирену, но моя персона серебристую лилию не интересовала. Она делала вид, что меня не существует: прикладывала к волосам разноцветные ленты и оценивала своё отражение в зеркале. Фидерика же вертелась вокруг меня и причитала о безвыходном положении. Я лениво отмахивалась от предложений помощи, пытаясь остановить вращение комнаты и сосредоточиться на непривычно пустой столешнице. На её нефритовой поверхности ещё не было книг, свёртков, чернильниц и клейкого пергамента. Спустя пару минут я наконец оставила попытки вернуть устойчивость телу и зоркость взгляду и бахнулась на кровать прямо в сапогах.

– Фиди! – возмущённо позвала Сирена. – Ты поможешь мне собраться или так и будешь утирать сопли нашей зелёной фее?

Студентка Эстель неловко дёрнула ожерелье, и оно разорвалось. Несколько жемчужин отскочили от каменного пола, запрыгали по плитам и... превратились в кедровые орешки. Они моментально перенесли меня в наш грот на плато, в то мистическое утро, когда я умирала от холода и собственного

ничтожества. Пришлось моргнуть пару раз, чтобы увидеть, что под кровать закатываются всё же перламутровые бусины, а не орехи.

– О Вейн! Фидерика! – уже почти кричала серебристая лилия. – Отлепись уже от этой... этой...

– Ну, давай, – со спокойным вызовом перебила я. – Давай, продолжай. Может, выиграешь куртажик студентки Зулейтон?

– От этой пьяной нарушительницы правил, – спасовала моя бывшая подруга.

– Ректор Аддисад запретила тебе приходить на праздник всех стихий, – Фиди виновато улыбнулась, как будто этот запрет принадлежал ей. – В наказание за произошедшее. И ещё она вызвала к себе твоего ментора...

– Джера?! – вскрикнула я.

И от возмущения резко встала с кровати. Окружение взорвалось цветными осколками, будто я разбила головой глыбу льда и они засверкали в воздухе, как магия Ревда – яркой зелёной пылью. Волшебные искры собрались в мелких пауков, зашевелили лапками и разбежались вслед за бусинами-орехами Сирены.

– Можно подумать, у тебя несколько менторов! – леди Эстель презрительно сморщила носик, на котором тоже уютно устроился зелёный паук.

Мой оживший знак соединения помахал двумя лапками и исчез, растворился в воздухе.

– Нужно извиниться, – я зажмурилась и потрясла головой, отгоняя видения. – И кое-что ему рассказать. Он уже у Надалии?

– Вроде бы, – испуганно подтвердила Фиди.

Часы показывали начало четвертого. Я привычно сверила их с настенными: увы, стрелки над Иверийской короной спешить не начали, а это означало, что мои ошибки они больше не исправят. Теперь всё зависело только от меня... а я так бездарно тратила время! Надо найти Джера, попросить прощения за своё поведение и заодно рассказать всю правду о том дне, когда я видела его смерть. Ну, и, по возможности, смягчить гнев Надалии Аддисад. План на ближайший учебный год у меня был довольно однозначный и скучный, под стать прилежной студентке: я намеревалась проводить больше времени в библиотеке, изучая всё, что найду о Кирмосе лин де Блайте. Наверняка обитель Голомьяса хранила в себе достаточно информации о нём, к тому же литература ежегодно пополнялась. Я решительно поднялась, поймала шаткое равновесие, одёрнула жилет.

– Ты что, намеренно добиваешься исключения из академии? – преградила мне выход Сирена.

– Неужели переживаешь за сорокину дочь? – я насмешливо задрала подбородок.

Леди Эстель открыла рот, набрала побольше воздуха и... закрыла. Сжала губы в тонкую нить, трянула пружинками кудрей. Вспомнила, что не собирается со мной разговари-

вать. Я же спокойно обошла её и открыла дверь.

– Фиди! – обиженно и оттого визгливо прикрикнула сзади Сирена. – Ты что, отпустишь её одну?

Бедная Фидерика, которая оказалась мотыльком между двух огней, подскочила и потрусила следом за мной.

– Стоять! – я развернулась и выставила ладонь.

Фиди остановилась резко, как будто своим жестом я выстроила перед ней магическую прозрачную стену.

– Торжественно клянусь под номером нашей двери, что не намереваюсь творить глупостей, – я очень не вовремя икнула, но не пошла на попятную. – Просто хочу извиниться перед своим ментором и ректором. И пообещать больше не пить. Теперь вы меня отпустите?

Студентка Уорт переводила полный мольбы взгляд с меня на Сирену. Последняя возмущённо пыхтела, но молчала.

– Вот и славно, – кивнула я, закрывая за собой дверь.

Та самая ниша, которая служила мне скрытым наблюдательным постом, казалось, усохла за год. Я придирчиво оценивала углубление между двух колонн, прикидывая, стоит ли прятаться. Плохо обтёсанное нутро узкого убежища, вопреки неуютному виду, манило меня весьма настойчиво. Хоть Юна Горст и смеялась в лицо опасности, разгневанное лицо ректора Кроуницкой королевской академии пугало её до колик.

Пока я поднималась до главного кабинета академии, решимость моя немного улетучилась и влетать с покаянием в кабинет Надалии Аддисад я передумала. Пару раз мне доводилось наблюдать ректора в гневе, когда та отчитывала нарушителей правил: подставляться осознанно под эту бурю было равносильно самоубийству. С другой стороны, рассказавшихся студентов должна была ждать лёгкая, как течение равнинной реки, назидательная речь и спокойное, как морской бриз, внушение. Когда я уже почти решилась свернуть в узкий коридор, ведущий к логову моего мудрого, сдержанного и очень педагогичного ректора, двери распахнулись.

– Возмутительно! – вскричала ректор Аддисад так, что эхо отлетело от стен и ударило прямо в мою разболевшуюся голову. – Да как она посмела позволить себе такую наглость?! Я бы поставила вопрос об исключении, если бы не ваша протекция!

Я глубоко вдохнула и в панике посеменила к своей нише. Попыталась втиснуться с разбегу, но вошла только нижняя часть, да и то наполовину. Верхняя же половина меня категорически отказывалась скрываться, упираясь в прямом смысле грудью. Я с ненавистью уставилась на своё предательское тело, решив завязывать с пирожками Эльки Павс. К счастью, шагов не было слышно, и это был хороший для меня знак.

– Благодарю вас ещё раз, госпожа Аддисад, – послышался голос Джера. – Это отчасти и моя вина: у меня совсем нет опыта воспитания юных леди.

– Леди! – фыркнула ректор. – Усмирите её хотя бы до урофня уфажительной студьентки! Делайте, что хотите! Поясните, запретите, запугайте, в конце концов!

Запугивать меня не требовалось, поскольку я и так почти позеленела от ужаса. В сознании ритмично взрывались болью идеи, но лидировала одна: бежать! Я бы так и поступила, но мой зад застрял в узкой нише, и я лишь извивалась, как змея, пытаясь скинуть собственную каменную кожу. Молча, конечно же, чтобы не привлекать внимания. Беседующие из-за угла не показывались – остановились у дверей. Свидетелями моего позора оставались только факельные чаши с львиными головами, щербатый сланец да старая плесень в глубине пленившей меня ниши.

– Думаю, Юна и сама уже всё осознала, – вступился за меня ментор и незамедлительно добавил: – Но я непременно назначу ей наказание.

Я попыталась дотянуться до какой-нибудь мало-мальски подходящей опоры, но гладкие каменные стены прикрывались только пыльными гобеленами, а ближе всего растянулся бордовый штандарт. От злости на нелепость своего положения я рыкнула на вышитую Иверийскую корону. Вдобавок ко всему, во рту появилась отвратительная сухость, язык почти прилип к нёбу.

– Бедная дефочка, – смягчилась в ответ Надалия Аддисад. – Столько на неё сфалилось всего за один год! Отсутствие склонности, нападение стязателья, ещё и эта плохая

родословная... как это будет прафильнее для людей?

– Наследственность, – подсказал Джер.

– Да, – согласилась ректор Аддисад. – Но я понимаю: вы мужчина, вам трудно. Может, магистр Велиллер поможет женским советом?

В ушах протяжно зазвенело, но я активно замотала головой в знак отрицания. Хоть меня никто и не видел, но это был единственный доступный мне в данный момент протест. Только не Элигия!

– Надеюсь, мне не придётся беспокоить магистра факультета Вейна по этому поводу, – от этих слов Джера я облегчённо выдохнула.

– Что ж, если считаете, что справитесь самостоятельно, – с явным сомнением протянула Надалия, – то я желаю вам успехов. Как вы понимаете, я, как ректор студентки Горст, очень в них заинтересована.

– Благодарю, – коротко ответил ментор.

На моё счастье, Надалия Аддисад не стала дольше задерживаться в дверях, а вернулась в кабинет, пожелав магистру Десенту, помимо успехов, ещё и лёгкого начала учебного года. Появившийся на выходе Джер выглядел озадаченным и немного растерянным. Но сразу же переменился, заметив меня.

– Джер, – я сильнее оттолкнулась ладонями от стены, задёргалась и закричала. – Надалия не сильно тебя доставала в кабинете? Ругалась?

– Ректор Аддисад, – поправил Джер. – Мы утверждали расписание для старших курсов факультета Ревда.

Ментор подошёл ближе, даже и не думая мне помогать. Просто с каким-то издевательским любопытством наблюдал за моими попытками высвободиться. По-моему, он даже обрадовался постигшей меня неудаче, потому что злорадно усмехнулся. Ох, ну да, последствия очередного глупого решения Юны Горст сейчас выглядели до нелепости смешными. Вот только мне не хотелось смеяться.

– Расписание? – я наконец выбралась и влетела прямо в ближайшее полукруглое окно, отчего стекло задрожало. – Разве мы не будем всё время проводить в бестиатриуме и шахтах?

Отряхнув ладони, я поправила чудом уцелевшие брюки. Далеко-далеко внизу, за мутноватым окном, раскинулась обнесённая стеной и заросшая хвоей территория академии. Погода хмурилась, стучала мелким дождиком. Жутко захотелось слизать капли влаги, но, увы, они были с другой стороны стекла.

– Магистр факультета сам определяет порядок занятий для студентов, и это не всегда единый предмет, – ментор вручил мне листок со списком предметов, развернулся и пошёл в сторону ступеней.

Я помялась немного, раздосадованная его безразличием. Лучше бы он злился, кричал, ругался или правда запугивал! Впрочем, возможно, сейчас он этим и займётся. Ведь я при-

шла поведать правду о том, что однажды моё предательство обернулось для него смертью.

– Джер, – я бросилась следом. – Джер, подожди! Хватит убегать от меня!

– Предпочитаешь, чтобы я за тобой гнался? – он вдруг остановился, и я налетела на него.

От неожиданности и под взглядом ментора дар речи на миг пропал. И ещё я вдруг вспомнила, что не очень хорошо себя чувствую. Мир вокруг растекался и пульсировал расплывчатыми волнами, но Джера я видела чётко. Смущённо опустила взгляд на листок пергамента с расписанием и... не поверила своим глазам!

– Не-е-ет, – простонала я. – Только не это! Слишком много для одного дня! Ты же обещал, что на твоём факультете я не буду заниматься у Банфик! То есть, магистра Банфик!

– Я говорил, что у меня на тебя другие планы, – напомнил Джер. – Они сильно изменились с тех пор.

– Ты не заставишь меня туда ходить! – запротестовала я. – Я понимаю, что виновата перед тобой, но это жестоко! Как ты мог? Ты же мой единственный друг во всей этой академии!

– Я тебе не друг, Юна, – он приблизился и крепко схватил меня за плечо. – Не смей так называть меня никогда, даже в мыслях. Я твой ментор. И твой магистр. Ты поняла меня?

Это не было похоже на объятие. Скорее, на подчинение и приказ. И только в этот момент до меня дошло, что Джер зол.

По-настоящему, всерьёз, прямо-таки нечеловечески зол. По спине прокатился неестественный страх, обдав холодом. Я не должна была его бояться, он точно не причинит мне вреда! Но, вопреки разумным доводам, я задрожала. Не иначе, из-за полыньего шторма.

— Мне больно, — я повела плечом, но он только сильнее сжал его. — Да поняла я!

Ментор почувствовал связь, обязан был почувствовать и отпустить! Но он лишь довольно усмехнулся своему успеху и зажал в кулаке обе мои косы. Оттянул назад голову, прижал крепко к себе, заглянул сверху в глаза. От такой тесной близости, от волнения и страха воздух вокруг взорвался десятками искр. Прохладную кожу обдало жаром, словно с gobelенов слезли драконы и все разом пыхнули огнём. Лицо Джера было так близко, что я могла бы почувствовать лёгкий ветерок от его ресниц, рассмотреть яркий ободок радужки вокруг зрачка. Он смотрел неотрывно, выжидающе. И я сделала единственное, чего от меня требовала ситуация: выпрямила левую руку и попыталась нанести удар основанием правой ладони в мужской подбородок. У меня почти получилось его откинуть, но, видимо, из-за хмеля в крови, а может, из-за переживаний, в руках не было твёрдости и Джер легко увернулся. Я лишь прошлась ладонью по колючей щеке. И моментально оказалась на полу: мягко и бесшумно. Листок пергамента с расписанием взмыл в воздух, едва не подпалив бока о свечную люстру, очертил медленный круг под потол-

ком и плавно опустилсЯ прямо на мою голову.

– Алкоголь ухудшает реакцию и координацию, – раздалось сверху. – Так что это была плохая попытка.

Каменные плиты охладили пыл, и я чуть не разревелась от очередного поражения. Своему телу я всегда доверяла больше, чем своему разуму, но и оно сегодня подводило меня уже второй раз. Со злостью я сдёрнула дурацкий список занятий, быстро смяла и кинула вслед уходящему ментору.

– Да и ещё, – бумажный комок слабо стукнул по мужской спине, и Джер развернулся. – На празднике всех стихий появляться тебе запрещено. Не только ректором Аддисад, но и мной. Завтра выходной, так что отоспись хорошенько. Через три дня у тебя отработка за нарушение правил академии. С первым курсом. В бестиатриуме нужно быть к половине восьмого, чтобы подготовить оружие. Советую не опаздывать.

Он скрылся в лестничном пролёте, а я так и осталась сидеть на полу, злая и потерянная.

Желание рассказать о той самой ночи пропало напрочь.

Глава 4. Весь мир – театр

Утро выдалось отвратным. Песнь Сирены я успешно проспала и проснулась ближе к полудню. Даже не проснулась, а в одного мгновение вывалилась из отключки. И сразу же ощутила себя полудохлой рыбой на дне сухого садка – вялой, едва дышащей и обречённой на страдания. От любого, даже слабого света или звука в голове надувался воздушный шар и содержимому черепа становилось болезненно тесно.

Будто специально, соседки хохотали особенно громко, своим звонким и острым смехом протыкая мои уши. Они обсуждали праздник. Подробности я предпочла пропустить, тем более что ни взрывом цветных искр, ни разбитым бокалом никто не отличился. «На этот раз Юна Горст предпочла использовать пыльный шторм по прямому назначению», – хохотнула Сирена, вспоминая чью-то вчерашнюю шутку. Я закрыла ладонью глаза.

С моим пробуждением обе девушки настороженно замолчали, чем сделали ещё хуже. Промычав что-то невнятное в их адрес, я быстро юркнула в комнату гигиены.

Прохладный душ способствовал некоторому улучшению состояния, но я по-прежнему чувствовала себя, как дрожащее желе на тарелке. Капли колотили по макушке, я набирала полный рот воды и выплёвывала на самый большой бу-

лыжник стены. Ступни быстро замёрзли, и я зябко поджала пальцы на ногах, порадовавшись, что здесь есть деревянный поддон. Вылезать не хотелось. Под упругими струями мысли ворочались плохо, но всё же начинали вылезать из сознания, как дождевые черви после ливня. Меня потряхивало и немного тошнило. Но главное – мне было жутко стыдно. Перед всей академией, перед Джером, перед ректором Аддисад, перед соседками. Сейчас я была просто не в состоянии выслушивать осуждающие замечания леди Эстель и сочувствия Фиди. Кажется, даже короткий укоризненный взгляд угрожал стать той последней каплей, что прорвала бы плотину, сдерживающую мою агрессию.

В комнате я решила не задерживаться: наспех собравшись под перешёптывания, хлопнула дверью и прислонилась к ней спиной. Тяжело выдохнула. Куда бы податься?

Замок академии был заполнен людьми и рудвиками, в коридоре сновали туда-сюда свирь, шумели первокурсницы в новёхоньких жилетах, потрескивал огонь в факельных чашах. От игры света казалось, что суровые бронзовые львы встряхивают гривами над пламенными языками.

Румяная блондинка с тиалем целителя разорвала кулёк, и по каменной лавке запрыгали разноцветные конфеты, отскочили от щербатой стены. Её подруги завизжали и бросились собирать сладкое богатство. Запахло фруктовыми леденцами.

Какая-то слишком ретивая студентка с факультета искус-

ства трудилась над выцветшим барельефом, изображающим птицу с женской головой. Художница обращалась к Нарцине, и между тонких пальцев то и дело вспыхивали жёлтые магические искры, прыгающие на измазанную в краске кисть.

Сразу три свира в форменных мантиях собрались в одном уступе-ракушке и с улыбками склонились над жёлтой листовкой.

Оживлённый уют противно томил мою душу, сдавливал горло духотой. Стало обидно от того, что я не принимаю участие в студенческих посиделках, не хохочу вместе с подругами и не гуляю по городу с Каасом.

Накинув капюшон, я быстро миновала лестницы, пересекла гостиную и выбежала на улицу. С осязаемым удовольствием глотнула холодный ветер с мелкими каплями и побрела по каменным тропинкам. Здесь мне стало намного лучше.

Ровный дождик прибывал лежалую хвою, туман притаился у узловатых корней деревьев, выжидая своего часа. Кроуницкая осень пахла смолой и пряными подгнившими листьями. Мох поблёскивал от влаги, размокшая земля норвила выползти с обочины и измазать серые плиты дорожки. Хмурая пасмурная погода загнала всех обитателей в замок, и вокруг не было ни души. Я поплотнее запахнула шерстяную накидку, наслаждаясь прохладным и спасительным одиночеством и решая, чем занять сегодняшний день.

Первой мыслью было отправиться к Джеру. Но я ещё ни

разу не приходила к нему просто так, без повода и идеи, просто чтобы побыть рядом. К тому же я понятия не имела, что ему сказать после вчерашнего. Вдруг он ещё злится? Ему нужно было время, чтобы успокоиться... Нам обоим оно было нужно.

Не знаю, к счастью или к сожалению, но времени у меня как раз именно сейчас было в избытке. Поэтому возникла следующая идея: посетить бестиатриум и от души порезвиться с оружием. Но арену, скорее всего, убирали после праздника и манекенов с мишенями там точно ещё не было.

Прогулка немного прояснила мою похмельную голову, и решение пришло довольно скоро: библиотека! Вряд ли кому-то из студентов придёт мысль посещать книжную башню в законный выходной, так что меня там никто не потревожит.

Корпеть над учебниками мне тоже не хотелось, но я знала, что это приблизит меня к моей цели. Почти наверняка я найду много сведений о Кирмосе лин де Блайте в книгах и документах. И ещё... неплохо бы ознакомиться с принципами действия кровавой магии. Исключительно в защитных целях.

Я приободрилась и зашагала увереннее. Ну, конечно! Пока позволяет время, необходимо собрать достоверную информацию, изучить своего врага и его суть. Так учил меня ментор. Время как раз позволяло мне сделать маленький шагок на опасном пути.

Такого врага, как Чёрный Консул, вряд ли можно одолеть одной лишь грубой силой, теперь я это понимала. А значит, мне пригодятся ещё и знания, хотя бы те, что таятся в книжной мудрости.

Голомьяс осмотрел очередной труп бродяги.

– Удар был сильный, касательный, – он растянул грязную кожу на лбу мертвеца. – Бедняга потерял много крови, но ещё тёплый. Хочешь потрогать?

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась я. – И что вы будете делать с оставшейся кровью?

В морге библиотекаря, как всегда, было чисто. Серый камень основания скрывала яркая побелка, как будто призванная подчеркнуть контраст с алой седьмой стихией. Сам же кровавый маг в выстиранном халате, с седым пушком волос выглядел бодрым и удивительно оживлённым. Это было так странно – добрый, смешливый и весёлый старик, такой светлый и душевный, каким-то чудом сохранил свою быющую фонтаном живость посреди сменяющихся трупов. Даже его свежая роза под стеклянной колбой, казалось, насмехалась над царившей вокруг смертью.

– Наберу немного для тиалей и ритуальной чаши в святилище, – он достал коробку с глиняными пузырьками. – Трупная кровь не сворачивается, в отличие от свежей, поэтому её широко применяют для создания артефактов Толмунда.

Отвратительная на вкус, но с годами я уже привык и даже нахожу в ней некоторую приятность.

Библиотекарь с металлическим звоном подкатил ближе тележку с инструментами и протёр кожу несчастного чем-то жутко вонючим. Я скривилась, сдерживая тошноту. Давно уже привыкла к местному запаху, но пары прозрачной жидкости напомнили мне хмельные, поэтому пустой желудок взбунтовался.

– Вы будете пить эту кровь? – спросила я больше для поддержания разговора.

– И обращаться к Толмунду, – подтвердил Голомьяс. – Удивлён, Юна, что тебя это всё ещё пугает. Ты вся позеленела. Может, выйдешь на воздух?

Старческие руки с почерневшими венами ловко разрезали толстую артерию на шее и принялись вкручивать пыточного вида трубки. С помощью нехитрых механизмов кровавый маг развернул стол так, что мертвец оказался головой вниз и кровь самотёком полилась в заготовленные сосуды.

– Это не от вида, – я присела напротив тёмно-красных струек и ткнула пальцем в ввалившуюся бледную щёку. – Перебрала вчера немного с полынным штормом. – И сразу перевела тему: – Из-за потребления чужой крови вы не стареете?

– Увы, кровавая магия гораздо многограннее, чем любая другая, и сложнее по своему составу, – старик тщательно тёр ладони над жестяным умывальником. – Омоложению

способствуют только ритуалы, основанные на плазне живой жизни. Жертвы – животного, птицы, человека... любого создания, имеющего кровь. Кровь мёртвых же помогает мне лишь в создании персонагвиров.

– Как они работают? – я подошла к готовой книге с дышащей маской на обложке. – Вы что, пишете в них кровью всех существующих в мире людей?

– Э, нет, – Голомяс подбежал и осторожно взял из моих рук внушительный фолиант. – Этот ещё не готов. Попробуй вон тот, у окна. Готовый заказ для купца с Тифоньего бульвара, сегодня обещали прислать рудвика за ним.

Окна на самом деле здесь не было, под сводом стены угадывались только забитые кирпичами очертания. Но зато был персонагвир – некрупная книга, обитая бордовым бархатом и скреплённая золочёными навесными замочками. Маска на обложке дышала мерно, спокойно. Застёжка легко поддавалась, и передо мной развернулись абсолютно пустые страницы из дешёвого пергамента.

– Персонагвир только подтверждает то, что ты сама о себе знаешь, – пояснил Голомяс, позвякивая за моей спиной какими-то инструментами. – Несколько философская вещь, если глубоко задумываться над самоопределением и экспериментировать с прозваниями.

Я осторожно положила ладонь на гладкую пустую поверхность.

– Юна Горст, – представилась я кровавому артефакту, и

через секунду мне в лицо хлынул свет. Страницы переливались, вспыхивали крошечными огоньками, сверкали, как магия Мэндэля в День Иверийской династии.

– Сорокина дочь, – снова назвалась я, и свет потух.

Я улыбнулась краем губ. Что ж, кажется, сорокиной дочерью я сама себя не считала. Уже неплохо.

– Студентка Кроуницкой Королевской академии, – снова назвалась я, и персонагвир засветился.

Забавно, это был своего рода определитель лжи.

– Мне восемнадцать лет, – снова выдала я факт о себе.

Огоньки продолжали вспыхивать на жёлтом пергаменте, как звёзды на рассветном небе.

– Я вчера напилась, как портовый пьянчужка, – хмыкнула над страницами.

Те погасли, отказывались признавать правду.

– Я убила Кааса, – наклонившись, шепнула я тихо поверх ладони.

Персонагвир не загорался и вообще не реагировал. Странно. Это точно была истина!

– Я влюбилась в своего ментора, – снова шепнула я, увлекшись.

Подтверждения не последовало. Но, надо признать, что в этом я до сих пор сомневалась.

– Он подтверждает только личность, – прозвучало у меня над ухом, и я подпрыгнула. Резко отняла ладонь и захлопнула книгу. Голомьяс мягко улыбался, наблюдая за моей реак-

цией. Он что, всё слышал? И про Кааса и про ментора?..

– А где вы научились кровавой магии? – я прошлась вдоль длинного стола, стараясь выглядеть естественно. – В Пенте Толмунда?

– В Пенте Толмунда обучают только стяжателей, – почерневшие глаза следили за мной слишком внимательно. – Юна, кровавая магия строго запрещена в королевстве. Я много отдал Квертинду за разрешающую грамоту, но даже у меня есть огромный ряд ограничений на ритуалы Толмунда. Не стоит тебе с этим связываться.

– Мне? – непринуждённо рассмеялась я. – О нет, что вы. Я просто хочу понять её принципы, а не использовать. Для защиты, понимаете?

Под руку попались длинные щипцы-ножницы, я схватила их и быстро пощелкала. Даже порычала, имитируя пасть дракона. Посмеялась над собственной шуткой, но Голомяс не поддержал меня. Он смотрел серьёзно.

– Защититься от кровавой магии может только кровавый маг, и никак иначе, – старик прищурился. – Да и то, кровавый маг схожего или более высокого порядка. Толмунд бережёт своих почитателей.

– То есть кровавая магия на вас не действует? – я застыла со щипцами в руках, боясь спугнуть откровенность старика.

– Если я пожелаю, то смогу воздвигнуть защиту от вмешательства заклинаний Толмунда, – пояснил Голомяс. – Она подобна террескату, только не видна обычным людям.

Несложное заклинание, блокирующие любые попытки изменить моё тело кровавой магией. Пробыться сквозь него могут только маги порядка выше моего, то есть четвёртого и пятого. Таких в Квертинде почти не осталось.

– Значит, маги пятого порядка стихии Толмунда могут быть неуязвимы к кровавым заклинаниям? – я подалась вперёд.

– Если захотят этого, – кивнул библиотекарь, приближаясь.

– Что это за заклинание? – оживилась я. – Как звучит его произношение на языке Древних волхвов? Нужно ли воззвание?

– Оно звучит как «Кое-то суёт свой нос в преступные дела», – почти прошептал Голомяс. – Кажется, у тебя уже были проблемы с законом. Именно из-за кровавой магии. В тот раз тебе повезло, учитывая целый вулкан смягчающих обстоятельств. Но вряд ли Квертинд окажется лояльнее в следующий раз. От кого ты собралась защищаться, Юна?

– От врагов, – я пожала плечами и оставила инструмент. – Их, знаете, у меня теперь целый курс. Даже несколько курсов, пожалуй.

– Никто из них не причинит тебе вреда, – Голомяс махнул рукой и принялся наблюдать за процессом сбора крови. – Это крохотные трудности на длинном пути.

Темная жидкость уже не лилась, а слабо капала из прозрачных трубок. Я надулась. Мои трудности не казались кро-

хотными. Может, для древнего кровавого мага подобные проблемы и казались мелочью, но для меня это было по-настоящему важно. Всеобщая неприязнь, с которой мне приходилось сталкиваться изо дня в день, здорово изматывала и обижала, хоть я и старалась не показывать виду. В отличие от других, Голомьяс по-прежнему относился ко мне с теплотой и вниманием, отчего я причислила его к своим немногочисленным друзьям.

– Как вы можете знать, что за путь мне предстоит? – с чувством спросила я. – Вдруг всё самое важное происходит именно сейчас и моё лучшее время только уходит, разбегается, как взгляды студентов, когда они смотрят на меня?

– Я верю прекрасной Чахи, – старик подошёл к розе и бережно снял колбу. – Она умела разглядеть огромный мир в зернышке песка, а в одном мгновении – целую эпоху. Чахи что-то говорила тебе? Лично тебе? Может, просила о чём-то?

Теперь Голомьяс подобрался и застыл, боясь спугнуть меня, боясь, что я не отвечу. Было заметно, что он волнуется.

– Если честно, не помню, – искренне ответила я. – Что-то про великие истории, про сказки...

Воспоминания о Рдяной Чахильде я старалась запихнуть подальше и позабыть, как страшный сон. И преуспела в этом. Единственное, что я помнила очень хорошо из той ночи, это булькающего Гренку и летящий чёрный пепел.

– О кровавой магии меня больше не спрашивай, – разоча-

рованно кинул через плечо Голомяс. – Если тебе и суждено познакомиться с ней когда-нибудь, я не хочу иметь к этому никакого отношения.

– Хорошо, – навязываться не имело смысла. – Вообще-то я пришла за книгами.

– О! – оживился библиотекарь. – Хочешь почитать новейшую историю о любви? «М и М»?

– Мне нужны сведения о Кирмосе лин де Блайте, – выпалила я.

Голомяс неожиданно вздрогнул при упоминании имени будущего короля, будто я произнесла вслух то, что нельзя было называть.

– И что ты хотела бы о нём узнать? – подозрительно прищурился кровавый маг.

– Да всё. Историю семьи, биографию, идеологию, характер, внешность, – перечислила я. – Может, у вас есть его портреты?

– Наверное, если я спрошу, зачем он тебе сдался, ты отведишь какую-нибудь чушь? – вздохнул старик.

– Даже если я скажу вам правду, вы сочтёте её невероятной, – я села на уже знакомую мне табуретку и крутанулась.

– Знаешь, Юна, я и без предсказаний Чахи подозреваю, что ты уже по уши вляпалась в какую-то подозрительную историю. Или вот-вот вляпаешься. Я беспокоюсь за тебя. Не хочу, чтобы ты закончила, как он, – Голомяс выразительно ткнул пальцем в уже остывший труп.

Крутиться на табуретке было плохой идеей, потому что от вращения меня чуть не вывернуло наизнанку. Но я всё же сдержала неприятный позыв и ответила:

– Вряд ли это угрожает мне в библиотеке. Бедняга ведь расшибся не о гранит науки?

Голомьяс рассмеялся, и я поддержала его ухмылкой.

– На восьмом ярусе – отдел новейшей истории Квертинда. Там же есть «Геральдика семей», некоторые летописи Верховного Совета Претория, – старик потёр затылок и огляделся. – Думаю, там ты найдёшь сведения об интересующей тебя личности. Я должен закончить здесь, потом поднимусь. Если, конечно, тебе ещё нужна будет моя помощь.

– Я справлюсь! – я вскочила и побежала к железной двери.

На восьмом ярусе я провела не меньше трёх часов. Плотные ряды книжных корешков полукругом охватывали небольшую комнату с единственным столом, тугие свёртки мирно покоились на изогнутых полках. Судя по слою пыли, сюда давно никто не заглядывал. Немалая часть рукописных залежей перекочевала на стол, и теперь вокруг меня возвышались горы из страниц и переплёттов.

Фамилия «Блайт» встречалась почти в каждой книге по истории, но ни одно из найденных имён мне ни о чём не говорило. Кроме одного, конечно.

Главным достижением Кирмоса Блайта значилась победа

в затяжной гражданской войне, что разразилась шестнадцать лет назад – сразу после гибели Иверийской династии. Но и помимо этого он часто мелькал в хрониках и отчётах Верховного Совета, которые большей частью были неполными. Рассекреченными оказались только мелкие обсуждения организации праздников и визитов иностранных послов. Судя по обрывочным сведениям, к экзарху, а затем к консулу-наместнику Кирмосу лин де Блайту прислушивались даже больше, чем к Великому Консулу Камлену Видящему. Но здесь никаких подробностей не было, как и прямых упоминаний его речей или убеждений. Изредка попадались отсылки к Ордену Крона, исключительно в уничижительных формах. Господин Демиург ни разу не мелькал.

Больше всего информации я почерпнула из «Геральдики семей». Интересующая меня фамилия была одной из самых многочисленных и занимала несколько страниц. Под жутковатым гербом – тремя сплетёнными чёрными змеями – тянулись не только имена членов рода, но и их краткие биографии. Судя по написанному, Чёрный Консул родился в полной и счастливой аристократической семье.

Отцом его был Монред лин де Блайт, генерал армии Квертинда, человек строгой дисциплины. Имел выдающиеся достижения в магии Ревда и Омена и до самой старости был способен одним мечом уложить небольшой отряд. Тут даже находился его чернильный портрет: крупный мужчина с тяжёлым взглядом из-под широких бровей опирался на огром-

ный клинок. К моему удивлению, магией Толмунда отец кровавого Чёрного Консула не обладал, предпочитая традиционные способы битвы. В частых уже тогда стычках с Орденом Крона он самолично вёл солдат в бой, несмотря на почтенный возраст. Что его и сгубило: Монред лин де Блайт скончался от ранений спустя три месяца после окончания войны 194 года, передав звание «лин де» своему сыну. Конечно, вместе со статусом Консула-хранителя полуострова Змеи, вторым по величине родовым замком в королевстве и безупречной репутацией верноподданного Квертинда. Настолько безупречной, что одна из тренировочных арен в Военной школе Астрайта зовётся именем Монреда Блайта.

Моя фантазия, изрядно утомлённая чтением, сразу нарисовала картинки различных арен, оснащённых лучшим оружием и полигонами для тренировки магий. Вот бы там побывать!

Я устало вздохнула и потёрла глаза. Переставила свечу повыше – на стопку книг, чтобы получше осветить небольшое помещение, и продолжила изучение.

С матерью моему заклятому врагу повезло чуть меньше, чем с отцом, но всё же гораздо больше, чем мне. Матильда Блайт окончила Мелироанскую Академию Благородных дев, в чём я и без книги не сомневалась, и посвятила себя благотворительности. Она часто давала приёмы и балы, подобно Мелире Иверийской, выступала меценаткой при музеях и галереях, посвящая себя искусству. Но почила слишком ра-

но и внезапно, от неизвестной болезни, ровно в то время, когда Кирмос Блайт отбыл на обучение. В этом мы с ним были чем-то похожи: оба потеряли родителя перед поступлением. Правда, сочувствия к нему от этого сходства не прибавилось ни на каплю.

Из плохо сколоченного ящика я достала едва читаемую листовку «Чистая Правда Квертинда». Облачко пыли взметнулось над столом, и я чихнула, разворачивая хрупкий пергамент. Здесь упоминалась Матильда Блайт, смерть которой связывали с неудачной беременностью при загадочных обстоятельствах. Но, судя по соседней заметке, в которой отмечалось буквальное превращение знаменитой актрисы в змееголовую мегеру, доверять этой газетёнке не стоило. Пришлось разочарованно отправить её в стопку непригодной литературы.

Сам же Кирмос лин де Блайт окончил не только Военную школу Астраи́та, но и Пенту Толмунда в возрасте, слишком юном для подобных заведений. Именно так и было написано. Непревзойдённый боец, гениальный маг и выдающийся стяжатель, он построил головокружительную карьеру в Претории, быстро завоевав всеобщее расположение и авторитет. Но главное – любовь и уважение самого Мирасполя Иверийского, последнего короля и кровавого мага. С такой поддержкой юному Чёрному Консулу было нетрудно добиться высот в карьере и магии. Даже если способы были не совсем законные.

Во времена восстания, подобно своему отцу, Кирмос Блайт бился бок о бок с солдатами, а на привалах проводил время в военных шатрах. В должности экзарха не только изучал, но и активно практиковал кровавую магию, устраивая публичные казни приспешников Ордена Крона, за что и получил своё тёмное прозвище. О количестве жертв информации не было, но я не сомневалась, что счёт шёл на тысячи. И наверняка не все из них были плохими людьми. Вспомнились обитатели Кедровок, Нина и Осмельян. Разве стал бы Чёрный Консул разбираться в судьбе каждого задержанного? Интересно, а детей и женщин он тоже резал?

«Кирмос лин де Блайт должен умереть», – коряво вывела я на пустом пергаменте, который подготовила для заметок. Больше на нём ничего не было, да и это я написала, скорее, от скуки, чтобы хоть как-то разнообразить своё занятие. Подняла листок, поднесла к свече и задумчиво подожгла край. Такие надписи не стоило оставлять где бы то ни было.

Пергамент быстро вспыхнул, осветив помещение. И ментально я поймала золотистый блик из приоткрытой двери, ведущей на винтовую лестницу. На секунду мне показалось, что там стоит Каас. Что-то кольнуло сердце, пришлось по жилам и обожгло холодом. Волоски встали дыбом от ощущения чужого взгляда. Высокий силуэт словно вышел из тени, отделился от тьмы. Я вскочила и мгновенно вытащила кинжал.

Огонь обжёг мои пальцы, и я бросила пергамент в неф-

ритовую шкатулку. Осторожно закрыла. Крышка слишком громко звякнула о стенки, и стало темнее.

– Каас? – неуверенно позвала я, крепче сжимая бордовую рукоять.

Сердце билось набатом, мысли пролетали, почти не задерживаясь. Я посчитала свои вдохи – сбивчиво, из-за подступившей внезапной паники. Всмотрелась в узкую дверную щель: в проёме было пусто и глухо. Если там кто-то и был, то он притаился и ждал... Но чего? Я была одна, уязвима, в узком округлом, к тому же полутёмном помещении. Идеальное место для убийства... или казни.

– Вот троллье дерьмо! – выкрикнула я, осаживая саму себя.

В последнее время я стала слишком впечатлительной. Наверное, мне почудилось, учитывая вчерашний полынный шторм и общую гнетущую атмосферу. Если я и видела там кого-то реального, то наверняка это был студент, случайно забредший в библиотеку. Или неслучайно. Но Голомяс был прав: никто из них не причинит мне вреда. По крайней мере, непоправимого.

Я обошла стол и направилась к двери, однако выставив Кааса перед собой и подобравшись для прыжка или нападения. Даже если этот кто-то из обитателей академии, пусть знает, что Юна Горст не позволит сделать из себя жертву. Слух уловил далёкие шаги, и я застыла. Только на секунду, чтобы после ринуться и толкнуть массивное деревянное по-

лотно.

В проходе никого не было. Дверь за спиной заскрипела, покачиваясь на петлях. Я неуверенно огляделась. Винтовая лестница, ведущая вниз и наверх, слабо освещалась редкими факелами. Ближайший не горел. Я осторожно подошла и обследовала его. Ещё тёплый. Пахнет смолой и жжёной паклей.

Шаги тем временем приближались, по стене растянулась длинная тень. Я мягко отступила во мрак от потухшего источника.

– Юна? – почти сразу раздался снизу знакомый голос. – Ты ещё здесь?

Ругательство вырвалось само собой, благо Голомяс его не услышал.

– Здесь, – голос сорвался на высокие ноты.

Вместе с Голомясом ко мне приближался дополнительный источник света, который тот, по-видимому, нёс в руках. Я прочистила горло, вглядываясь наверх – туда, где царил плотная тьма.

– Встречаешь меня в коридоре? – удивился Голомяс.

– Мне показалось, что... – я запнулась, сомневаясь в том, надо ли продолжать, но всё же продолжила: – Что здесь был кто-то ещё.

– Неужели крысы? – спохватился библиотекарь. – Я ещё три года назад извёл последнюю. Они мою башню давно уже стороной обходят: чуют нутром, что их здесь не ждёт ничего хорошего.

– Скорее, зелёные пауки, – пробубнила я, расслабляясь.

– Почему зелёные? – заинтересовался любознательный старик.

– Сама не знаю, – я улыбнулась, усаживаясь обратно за заваленный книгами стол.

Голомьяс примостил второй подсвечник на каменную тумбу у входа, со скрипом отодвинул стул, уселся и принялся перекладывать книги.

– Ну, и как тебе компания Кирмоса лин де Блайта? – он растянул один из пергаментов, отодвигая его подальше от глаз.

Тусклое освещение придавало кровавому магу зловещий вид, а чёрные вены казались струйками крови, что стекают по старческим ладоням. Определённо, полыний шторм не шёл на пользу ни реакции и координации, ни эмоциональной стабильности. Минуту назад мне померещилось, что Кирмос лин де Блайт был здесь и наблюдал за мной. Усмехнувшись своему похмельному бреду, я взяла одну из газет 202 года, в которой нашлась самая художественная характеристика Чёрного Консула, и зачитала:

– «Минувший бал по случаю праздника Династии открывал Кирмос лин де Блайт со своей прекрасной спутницей Флорой Мейнс. От этой пары невозможно было оторвать взгляд: нежнейшая леди и величайший из воинов мира! Про таких говорят «красив, как Толмунд»: самый могущественный маг королевства притягивает взгляды и умы, где бы он

ни появился. Все женщины королевства готовы пасть к его ногам, но всё, чем он живёт, это Квертинд. Преданный Иверийской династии империалист, он поддерживает священные монархические идеи и готов бороться за единство Квертинда. У него нет больше привязанностей, разве что война. Кирмос лин де Блайт готов сорваться в бой в любой миг, потому что сражение – главнейшая из всех его стихий. Если бы он мог, он бы воскрес ради войны».

Я выразительно закатила глаза и сделала кислую мину. Тоже мне, и воин, и танцор, и политик, и завидный жених!

– Эти газетёнки обычно всегда преувеличивают, – Голомяс отобрал у меня листовку и покрутил её так и эдак.

– Даже если не брать их в расчёт, Черный Консул – просто воплощение идеала! Неудивительно, что он так ратует за сохранность традиций и устоев Квертинда: ему выпал билетик в лучшую жизнь. Аристократ с чистейшей кровью из древнего рода, взращённый знаменитым отцом-воином, впитавший войну и дух Квертинда, любимец короля, развивший в себе до пятого порядка почти все склонности магии. Я почему-то даже не сомневаюсь, что единственная магия, которой у него нет, – магия Нарцины. Кирмос лин де Блайт был рождён для того, чтобы стать королем! – я взмахнула руками, и пара свитков спланировала на пол.

– Никто не рождается для этого, Юна, – вздохнул библиотекарь. – Ему это далось лишениями и болью. Он дорого заплатил за свои достижения... и продолжает платить. Ко-

гда-нибудь ты поймёшь это.

Интересно, что это были за лишения? Еда из походного котелка вместо деликатесов из фамильного фарфора? Или всё-таки муки совести после бесчисленных убийств во славу Толмунда? Или в свою собственную славу?

От злости сжались зубы. После прочитанных хвалебных отзывов и описаний неприязнь к Чёрному Консулу стала ещё острее. Мне вспомнились мои собственные лишения, которые довелось пережить в прошлом году. Все те люди, что пали случайными жертвами в игре, которую вёл коварный враг. Он привык жить за счёт других, не думая об их благополучии и обесценивая жизни. Он привык побеждать и быть лучшим. Он был сильнее любого квертиндца и думал, что это даёт ему право распоряжаться судьбами не только людей, но и целого королевства. Он сам себе дал право судить и милловать. И не существовало никого, кто мог бы его остановить. Страшно было то, что, по мере изучения своего врага, я теряла уверенность в том, что у меня есть хоть какие-то шансы.

– Вот здесь очень занятно, – ехидно хохотнул старик и протянул мне записку.

Уголок пергамента осыпался под моими пальцами, но текст остался невредим.

В самом начале тянулась сноска о том, что записка записана со слов плотника Кроля, уважаемого на полуострове Змеи человека. Дальше размещался забавный донос: «Мне было приказано оборудовать комнаты пыток в подвалах мно-

гошпильного Варромара в Астрайте. Изнутри этот замок не так мрачен, как снаружи, даже в подвалах сухо и чисто. По пути мне завязывали глаза, так что самого Чёрного Консула в стенах его владений я не видал. В прадедах у меня, поговаривают, ходил стязатель, так что дедукцией я с рождения не обделён. Понял вот что: все орудия пыток размеры имеют маленькие, приспособленные для женщин или, стало быть, детей. Жутковато делалось и от кровати, накрытой алым бархатом. Непотребные картинки в голову лезли, пока я работу ладил, хотя жестокости во мне отродясь не замечалось. Я сразу и понял, что магия в этом месте нечистая, блудливая. Ну, я своё дело честно сделал, так что совесть моя чиста. А уж как потребствовал Его Милость мою работу, я интересоваться не стал. Да только тот, кто дедукцией не обделён, сам догадается».

– Что вы делаете? – вскрикнула я, когда библиотекарь забрал у меня ломкий лист и поднёс к пламени.

– Уничтожаю запрещённую теперь литературу, – спокойно ответил Голомьяс.

– Так ведь это даже не литература! – запротестовала я. – Сомнительный очерк какого-то... Зайца!

Неосознанно я покосилась на дверь, которая по-прежнему была приоткрыта. Яркое пламя вспыхнуло на несколько секунд, осветив комнату. Но за дверью в этот раз точно никого не было. Я выдохнула.

– Кроля, – поправил Голомьяс, скидывая пепел в шкатулку.

ку. – Кстати, по поводу зайцев. Хочу предложить тебе сделку.

Старик достал лоснящийся свёрток и протянул мне. Внутри оказалась небольшая головка сыра, свежего и ароматного. Мой желудок немедленно исполнил урчащую балладу о голоде, а рот наполнился слюной.

Голомяс усмехнулся:

– Сидишь тут с самого утра, обед пропустила, – заметил он. – Если бы ты была Мотаной Лавбук, я бы и носом не повёл. Но для Юны Горст это очень странное рвение. Да ещё и к изучению... конкретного человека.

– Спасибо, – я потрясла ломтем сыра и сразу же откусила большой кусок. – Должна же я, как верноподданная Квертинда, интересоваться его новейшей историей! Вы только больше ничего не уничтожайте. Я приду ещё. Лучше скажите, какую сделку хотите мне предложить. За эту вкуснятину я готова даже убить для вас кого-нибудь! Желательно, не очень крупного.

Я жевала с превеликим удовольствием, откусывая кусок за куском. Сыр был молодым, мягким и несолёным. Приятно пах свежими сливками и поскрипывал на зубах.

– Убивать как раз никого не нужно! – обрадовался Голомяс. – Мне нужны живые жертвы. Обещаю щедрые куртажики за доставку зайцев, белок, крыс... любой теплокровной живности! Сам я уже стар для их ловли...

– А кабаны? – уточнила я.

Я помнила звенящие мешочки, которые Голомяс вручал добытчикам, и предложение мне сразу понравилось. Хотя это и пахивало живодёрством, но, как говорил недавний Кроль, «свою работу я честно сделала, а как Голомяс будет потребствовать дичь – не моё дело».

– Кабаны ещё лучше, – старик заёрзал на стуле. – Они крупнее. Но их на территории академии почти не водится, так что с ними непросто.

– Догофолились, – получилось не слишком разборчиво из-за набитого рта, но старик удовлетворенно кивнул.

Конечно, это было очередным нарушением дурацких правил, но теперь я сама старалась их устанавливать. С переменным успехом. Если моим подельником будет сам Голомяс, вряд ли возникнут трудности. В конце концов, не станет же Надалия наказывать Голомяса? Или станет?

В голове возникла вчерашняя картинка, и я поёжилась. Даже аппетит пропал, пришлось отложить кусок сыра. Да и читать в пыльном полутёмном ярусе библиотеки после сытного перекуса совсем расхотелось. Но в этой академии совершенно точно было ещё одно место, где мне будут рады в выходной.

Я задумчиво облизала пальцы, пытаюсь прикинуть, злится ли ещё на меня Джер. По самым простым эмоциональным подсчётам у меня выходило, что нет, не злится. Он вообще не был склонен к обидам и злопамятству. Но проверить это можно только одним способом.

— Я, пожалуй, пойду, — я встала и вытерла пальцы о брюки. — Спасибо вам ещё раз за угощение и внимание.

— Это мелочи, — отмахнулся Голомьяс. — Надеюсь, мы ещё сможем быть друг другу полезны.

— Конечно, сможем! — торопливо согласилась я, уверенно толкая дверь. — До свидания, Голомьяс!

На лестнице я всё же задержалась и ещё раз внимательно огляделась. Никаких следов Кирмоса лин де Блайта я ожидаемо не обнаружила, зато убедилась в собственной глупости и пообещала себе в следующий раз справиться с трусостью.

Солнце уже клонилось к пикам гор, когда я ступила на дикую хвойную аллею. Туман выполз из низинных укрытий, размыл очертания угловатого замка Кроуницкой Королевской академии. Высокие башни прятались в сбитых тучах, облачный мост отсюда и вовсе не был заметен, даже узкие глазки-окошки едва угадывались в густой кроуницкой пелене.

Между лысых ёлок то и дело что-то хрустело и ломалось, но рассмотреть, что именно, не представлялось возможным. Всё же охотиться в Кроунице будет в разы сложнее. К тому же мне ещё предстояло придумать, как изловить живого зверя и доставить его в библиотеку. Размышления сами собой метнулись к веллапольским приручителям. Интересно, тамошние маги могут заставить добычу идти в нужном на-

правления?

Я покрепче запахнула полы накидки, подула на внезапно озябшие ладони. Пара пальцев оказались чёрными от сажи и выглядели, как у начинающего кровавого мага. Интересно, по каким приметам я узнаю Кирмоса лин де Блайта? Носит ли он артефакты, скрывающие мутации от магии Толмунда? Внезапно пришёл ещё один вопрос: мог ли Джер лично знать моего врага? Видел ли его когда-нибудь, может, даже разговаривал? Странно, но я никогда не спрашивала об этом своего ментора.

Из тумана выплыли низенькие полукруглые крыши домиков, и я ускорила шаг. Мне предстояла охота на самого опасного зверя, а я даже не знала, как он выглядит. Стоило начать поиски с добычи хотя бы словесного портрета Чёрного Консула.

Размышления придали радостного азарта, и в дверь я стучала уже уверенно, даже нетерпеливо. Я так часто за прошлый год и долгое лето бывала в доме Джера, что, даже войди я без стука, он бы не удивился.

– Джер, это я! – крикнула я, потому что внутри происходила какая-то возня.

В груди затрепетало от предвкушения встречи. Раз я не могу провести этот день со своими друзьями, проведу его с ментором! Это даже лучше. Уверена, сегодня мы оба посмеёмся над моей вчерашней выходкой. Само собой, я намеревалась пообещать, что такого больше не повторится, и сдер-

жать обещание.

Дверь всё не открывалась, и я вспомнила, как ровно год назад перевалилась через этот порог. И как дико, до дрожи в коленках боялась Джера. Тогда он ещё, наверное, не чувствовал моего страха по едва образовавшейся связи.

От воспоминаний я захихикала себе под нос и хотела было толкнуть злосчастную дверь, но она открылась сама.

В первый миг мне показалось, что на пороге стоит не мой ментор. Я даже неуверенно оглянулась, убеждаясь, что пришла к нужному дому. Потопталась на месте с открытым от удивления ртом. А когда шок схлынул, насупила брови, рассматривая Джермонда Десента.

Выглядел он нарядным. Я бы даже сказала, роскошным и торжественным. Строгий длинный камзол с фигурным шитым краем и золочеными пуговицами ни в какое сравнение не шёл с привычной мне дубленой курткой ментора. Сапоги из мягкой чёрной кожи были начищены до блеска и явно не предназначались для прогулок по горным склонам. Но самое отталкивающее – из-под ворота ярко-белой пеной торчали самые настоящие кружева, перехваченные простой брошью.

– Джер? – изумлённо уточнила я, потому что увиденное казалось мне обманом зрения.

Вид у него был настолько непривычным, что до боли знакомое мужское лицо казалось неуместным, чужим среди этого аристократического щегольского наряда. Я даже протянула руку и потрогала одну пуговицу. Мне необходимо было

убедиться, что передо мной не иллюзия.

– Юна? – голосом моего ментора отозвалось диковинное порождение магии Мэндэля.

Я открыла было рот, чтобы спросить, куда это он так вырядился, но на этом неприятные неожиданности не закончились. За спиной Джера возникло красивое женское лицо в обрамлении блестящих каштановых прядей. Вернувшийся ненадолго дар речи пропал снова. Потому что это была Элигия и она нахально смотрела на меня прямо... прямо из дома моего Джера!

– Юна! – певичка растянула довольную улыбку. – Пришла поздравить своего ментора с днём рождения?

– С чем? – глупо уточнила я, выигрывая время для осознания.

– С днём рождения, – ехидно повторила она, поглаживая Джермонда по плечам.

Он перехватил её руку и молча вернулся в дом. Я последовала за ним, осматриваясь, как будто не была здесь сотни раз до этого. Такая знакомая и близкая обстановка вдруг стала напряжённо чужой.

– Поздравляю, – прошипела я, кидая злой взгляд на Элигию.

Что она здесь делает? Почему он позволил ей переступить порог своего дома? Куда он так вырядился? И почему, Толмунд их подери, мне так долго не открывали?

– Спасибо, – равнодушно проговорил Джер.

– Мы собираемся в театр, – ответила на мои мысли Элигия, поправляя причёску. – Обожаю театр! Место, где даже уродство приобретает грацию, а отвратительное может стать прекрасным. Магистр Десент любезно согласился сводить меня на спектакль. Впервые я окажусь по другую сторону сцены – в качестве зрительницы! Это так волнительно.

Она наклонилась к Джеру и промурлыкала что-то ему на ухо, обводя длинным пальчиком мужскую щёку. Я была уверена, что ментор оттолкнёт Элигию, но он довольно ухмыльнулся.

Каас завопил, требуя немедленно расправиться с этой нахалкой. С её уродливой, омерзительно идеальной красотой.

Я сверлила глазами своего ментора, как будто имела право на объяснения. Моя мечта разлетелась на осколки, как ледяная фигура, впиваясь изнутри острыми иглами ярости и бешенства. Всё моё самообладание уходило на то, чтобы не заорать от краха надежд и неожиданного предательства.

Хотя, почему же предательства? С чего я решила, что могу хоть как-то заинтересовать Джера? Или вообще кого-то? Я мейлори, просто мейлори, которую он обязан оберегать. Глупая маленькая Юна, от которой одни проблемы. Ментор ничего не обещал мне и никогда не позволял лишнего. Никогда. Никогда. НИКОГДА!

– Если хочешь, можешь остаться, – Джер развернулся, а я, наоборот, резко отвела глаза, рассматривая полукруглые стены. Хлюпнула носом от обиды, сжала кулаки и прикусила

губу. — У меня много книг по истории, — он подошёл к столу и вытащил какую-то коробку. — И даже появилась еда.

— Неужели? — истерично усмехнулась я и ещё сильнее закусила губу.

— Стараюсь быть хорошим ментором, — напомнил Джер, подставляя Элигии локоть.

Та оперлась на него самоуверенно, со слишком довольным видом.

Моя рука до боли сжала бордовую рукоять Кааса. Хорошим ментором... Боги, какая же я наивная! И это дурацкое желание под Красной Луной... всё ложь. Романтичные сказки для маленьких детей. Правильно делал отец, что прятал меня от этого столько лет.

— Так мы пойдём? — насмешливо спросила нарядная леди Велилльер, как будто от моего ответа что-то зависело.

— Катитесь, — выплюнула я, стараясь не указывать направление, куда они оба должны катиться.

Джер посмотрел на меня недовольно, слишком надолго задержав взгляд. Не знаю, что это означало и о чём ментор думал: я была не в состоянии даже попытаться понять его эмоции. Все мои мысли вертелись вокруг краснолунного желания, которое никогда не сбудется. Никогда. Я отвернулась, сияясь протолкнуть в горло предательский ком.

Нарядная парочка ещё несколько мгновений постояла за моей спиной, а потом зашагала к выходу.

Дверь за ними закрылась, и я почти упала на колени, об-

хватив голову. И застонала. Надо было загадывать убийство Кирмоса лин де Блайта! Это единственное, что теперь должно меня интересовать. А Джер... его можно просто использовать в своих целях. И быть благодарной хорошему ментору за доброе отношение.

Следующий стон вырвался со всхлипом. Да что ж такое!.. Пять вдохов по три секунды. Боги, впервые меня это только сильнее раздражало! Я с глухим рыком встала и заметалась по комнате, как загнанный подраненный зверь. Успокоиться. Нужно успокоиться. У меня есть цель, и только она важна. А всё остальное – пустое.

На столе в маленькой коробочке, оставленной Джером, лежали странные кругляши неприятного цвета. Я закинула один в рот и вгрызлась зубами, словно он был моим врагом.

Рот заполнился сладостью и терпким ароматом. Это было так вкусно! Я бы даже нарекла его тающим удовольствием, если бы не была настолько зла.

Чем они будут заниматься в театре? Элигия станет трогать моего ментора? Гладить его ладонями? Чертить дорожки тонкими пальцами на его лице и шее?

Картинки сменялись в моей голове, одна хуже другой. Я взяла ещё один сладкий кругляш, намереваясь заесть разгулявшуюся фантазию. Но она лишь сильнее разбушевалась. Подозрительность звенела во мне натянутой тетивой, врезалась в разум, и я никак не могла отпустить её. Нужно забыть о несбыточной мечте и приступить к чтению. Пожалуй, это

лучшее, что я сейчас могла сделать для самой себя. Я открыла случайную книгу, но буквы перед глазами расплывались, отказываясь складываться в слова. Вместо этого они складывались в картины двух тел – мужского и женского, соединённых жарким объятием и сладострастным поцелуем под алой занавесью.

– Да в пекло! – выругалась я, откидывая книгу.

Схватила ещё одну конфету и без колебаний выбежала из домика ментора.

– Будь свободен, устанавливай правила, – пробубнила я себе под нос.

Куча хлама закрипела и зазвенела осколками, когда я придавила её сапогами. Благо, этого скорбного звука поверженной рухляди в тупиковом дворике никто не услышал.

– Будь свободен, устанавливай правила, – завозила я ладонью под козырьком театра в поисках ключа.

Эту мантру я повторяла всю дорогу от самой академии. Она въелась в мой язык, как вкус шоколада, и гулким лозунгом снова и снова отлетала от нёба. Фантазии так и не оставили меня, разжигая яростный огонь в крови. Я то билась в безмолвной истерике на спине капрана, то замирала, врасстая в седло, как сгорбленная старуха. То, что я в очередной раз нарушила правила, выехав за стены академии без сопровождения, волновало меня меньше всего. Дурацкие правила

пытались закрыть меня за каменной плитой, как в Зандага-те. Но ничего, теперь Юну Горст не так просто остановить. Кроуниц отныне – мой город, который я узнала лучше многих местных.

– Будь свободен, уста... Есть! – ладонь нащупала холодный металлический цилиндр. – Наконец-то!

Я спрыгнула, подняв облачко пыли, и тихо чихнула.

В прошлый раз я была здесь с Каасом и впереди меня ждала одна из самых чудесных ночей в моей жизни. Теперь же... меня ждал спектакль.

Ключ легко вошёл в скважину одинокой двери, и я замерла. Что это со мной? Я сама себе была отвратительна. Я бегала за Джером, как верная шавка, которая ждёт, чтобы хозяин кинул ей обглоданную кость. А он не воспринимал меня всерьёз. Был добр, только и всего.

Отчего бы ему сразу не сказать мне, что его любовь – не для меня? Что я не тревожу его мыслей и моя неумелая нежность только обуза для него? Догадывался ли он вообще об этой самой нежности?

Рельеф паучьих лап под пальцами сейчас казался особенно холодным. Может, повернуть обратно, пока не поздно? Может, мне не стоит видеть того представления, что подготовила для меня судьба?

В дворик вбежала тощая собака, обдав меня запахом нечистот. Выплюнула грязную кость, и та с гулким лязгом ударилась о серую брусчатку. Собака повела носом, повер-

нула голову, демонстрируя только один здоровый глаз. Второй заплыл какой-то гадостью. Оценив меня, как незваную гостью в собственном доме, псина оскалилась и глухо зарычала. Даже лязгнула разок слюнявой челюстью, чтобы угроза казалась серьёзнее.

– Да не ори, – успокоила я свою новую компанию. – У меня и без тебя паршивый день.

Зверюгу я не боялась, хотя она рычала вполне убедительно. Псина думала, что в своём праве: облупившиеся стены и ржавые сточные трубы были её укрытием.

– А ты достаточно умная, чтобы понимать, что со мной тебе не справиться? – спросила я у грозной собеседницы.

Та ответила утробным звуком – не то лаем, не то воем. Сам по себе он был ещё больше смешон, чем предыдущие попытки напугать меня, но оказался эффективным, потому что на зов из тёмной арки явились другие собаки. Такие же облезлые, с вытянутыми мордами, больше похожие на подросших волчат.

Сражаться со стаей не входило в мои планы, поэтому я резво провернула ключ и скрылась за хлипкой дверью. Заперла её, кинула ключ в карман. Как раз вовремя, потому что на улице послышался истошный лай.

– Даже у бродячей псины есть верные друзья, – фыркнула я, поднимаясь по лестнице.

Я же всегда и везде была чужой. Целый мир против одной меня!

Здесь, в пыльном и затхлом помещении, среди поломанных декораций я почувствовала себя загнанной в тупик. Меня словно довели до крайности, толкнули в угол. Впервые в жизни я стала лишней даже для того, в ком всегда находила утешение. Моя последняя связь с миром оборвалась, разлетелась вдрезг, больно заколола осколками грудь, и дышать стало тяжелее. Но я всё ещё дышала. А значит, должна была двигаться дальше.

Дверь за кулисы сцены была приоткрыта, но я побоялась приблизиться: могли заметить. Любопытство подталкивало меня заглянуть хоть одним глазком, но я бесшумно юркнула мимо – на лестницу, туда, где находилась тайная ложа.

И не прогадала: под крышей театра было пусто, только лебёдки и тросы шумели, ездили туда-сюда грузы, приводя в движение занавес и декорации. Я осторожно ступала по крепким доскам, внимательно выбирая место для шага. В широких щелях мелькали актеры в костюмах, бегали рудвики с пёстрыми нарядами в лапах, что-то падало, звенело, шуршало. Суетливое буйство красок, блёсток и перьев совсем не наводило на мысли об Ордене Крона. Мне и в голову не могло прийти, что под театральными масками могли скрываться те, кому было что скрывать.

Сквозь резную ширму в тайной ложе лился свет от пламени сотен свечей. Я припала глазом к искусному узору и задержала дыхание от восторга: театр ожил! Хрустальные люстры и десятки канделябров освещали взволнован-

ную толпу, что рассаживалась на свои места. Золочёные витые колонны отражали жёлтые блики, алые занавеси почти не скрывали зрителей на балконе, а лишь кидали лёгкую тень на лица. Зал пестрел нарядами, драгоценными украшениями и даже масками. Я изучала людей сквозь ширму. Здесь собралась аристократия и знать. Мужчины выглядели расслабленными и довольными, а дамы своим сиянием могли бы затмить звёзды на небосводе. От сложных причёсок, кружев, блеска тканей и бликов камней у меня зарябило в глазах, и я на какое-то время оторвалась от созерцания, зажмурившись. Для меня это был иной мир, даже более таинственный, чем магия. Я бы могла вписаться в него, разве что прося милостыню у входа.

В следующий раз я прижалась ещё ближе к ширме, всматриваясь в толпу.

Джермонда я заметила сразу.

Взгляд безошибочно выхватил из толпы фигуру в тёмном камзоле. Он стоял в окружении трёх женщин, спиной ко мне, в проходе между рядами бархатных кресел. Какая-то ужасно жёлтая блондинка в бежевом платье вытянула руку в атласной перчатке, и мой ментор вежливо приложился к ней губами. Гадость!

Элигия стояла рядом, положив ладонь на мужское плечо. То самое плечо, на которое так часто опиралась я. Даже среди местных леди певичка была безупречно красива: в длинном платье с глубоким вырезом на спине, с точёным силу-

этом и изящными плавными жестами. Взмах руки, поворот головы, алые губы – всё подчёркивало её яркую сексуальность. Ах, как жаль, что у меня не было с собой лука!

Кажется, леди Велилльер была отвратительна не только мне: та самая златовласка улыбнулась Элигии, но даже отсюда я разглядела в ней оскал ненависти. Я и не сомневалась, что перед спектаклем в фойе и ложах театра происходил настоящий бал лицемерия, и даже порадовалась, что мне никогда не придётся в этом участвовать.

– Сраный стервятник, – выругалась я. – Да вы хуже Ракель Зулейтон с её свитой!

В уши врезался противный звон, и зрители стали расходиться по местам. Мне с местом повезло больше других, потому что от сверкающего и заискивающего кошмара меня отделяла узорная ширма, позволяющая рассмотреть всё в подробностях. Жаль, сцену отсюда не было видно. Сейчас там явно происходило какое-то действие, потому что зрители зааплодировали.

Спектакль начался, а по моей спине пробежал странный холодок, совершенно не вовремя напоминая ощущение чужого взгляда. Я попыталась унять излишнюю нервозность, которая одолевала меня в последнее время, и посмотрела на Джера – он с отрешённым интересом наблюдал за актёрами, не подозревая о моей слежке. Изредка он косился на Элигию и, кажется, даже любовался ею.

Пальцы рук в прорезях ширмы похолодели, а воздух во-

круг как будто напитался туманом и сделался вязким.

– Безумие! – вскрикнул актёр так, что даже я услышала. – Вот что с тобой, Мелли! Ты безумна, раз способна на такое... даже ради любви!

Мелли что-то ответила, но отсюда было не разобрать.

Актёр был прав. Безумие. Вот что со мной.

Зачем я прибежала в театр? Чтобы продлить свои мучения? Чтобы поближе посмотреть на зарождающуюся страсть между моим ментором и той, которую я ненавидела? Я оторвалась от ширмы и попятилась.

Безумие...

Юна Горст бывала самонадеянной, наивной, излишне отважной, глупой, но безумной? Безумной ещё ни разу.

Нужно уходить. Бежать отсюда, обратно в академию... в библиотеку или бестиатриум. Куда-нибудь.

Ещё шаг назад, и... я уперлась спиной в кого-то, кого точно не должно было там быть.

Животный ужас перерезал нутро, скрутил жилы и вырвался испуганным вскриком. Мужская ладонь легла на мои губы и зажала рот, легко, даже нежно, но этим прикосновением из меня как будто высосали все жизненные силы. Руки и ноги налились свинцом, тело покрылось крупными мурашками. Это было так... таинственно и жутко.

– Любите наблюдать из тени, Юна Горст? – раздался тяжёлый шёпот над самым ухом.

Я шумно задышала и заморгала часто-часто. По венам

вместо крови потёк расплавленный воск. Вся напускная бравада и решительность слетели с меня в один миг, и я совершенно ясно ощутила себя добычей этого человека. Даже не добычей, нет – безвольной тряпичной куклой в руках увлечённого игрой владельца.

Незнакомец надавил, опуская мою голову себе на грудь. Другой рукой он обхватил мою талию, чтобы я не рухнула на подкосившихся ногах. Перед глазами оказался мужской подбородок – гладко выбритый, с едва заметной ямочкой.

Я не понимала, почему моё тело не слушается меня. Следовало бы вытащить Кааса, попытаться защититься, сбежать или хотя бы закричать, но я лишь полулежала на тёплом мужском теле и ловила тихое дыхание, обжигающее мой висок.

– Кто вы? – собственный голос показался мне чужим, будто он прозвучал вне меня.

– Я владелец этой ложи, – мужчина осторожно убрал прядь волос с моего лба. – И этого театра.

Такой успокаивающий жест, но я задрожала сильнее. Почему-то на языке сразу завертелся ответ: Кирмос лин де Блайт, Чёрный Консул! Нечеловек, порождение тьмы. Распускает леденящие душу липкие руки, щупальца, когти, зубы. Пугает, чтобы я покрывалась холодным потом, ослабляет кровавой магией. Окутывает разум тёплым, сладковатым запахом пряного хмеля и крови. Он пришёл за мной, он сам меня убьёт... Только почему я до сих пор жива?

– Несчастливая Мелли! – раздалось со сцены. – Ты его невольница отныне, он управляет тобой, как кукольник! Ты погубила себя и своего сына!

Напоминание о том, что за ширмой находятся люди, отрезвило меня. Я задёргалась что было силы, ударила наотмашь пяткой, заколотила локтями. Старалась придать действиям уверенности и последовательности, но слишком торопилась, барахталась и промазывала.

К счастью, даже такая слабая попытка высвободиться сработала: я отлетела обратно к ширме, развернулась и, вытащив Кааса, выставила кинжал перед собой.

Нет, это был не Кирмос лин де Блайт.

Совершенно точно – не он.

Кое-кто другой, кто не уступал Чёрному Консулу ни в силе, ни в могуществе, ни во власти.

– Господин Демиург, – однозначно узнала я того, кого видела раньше лишь мельком.

Мужчина скинул капюшон глухого серого плаща и застыл, позволяя себя рассмотреть. Гладкие волосы создателя Ордена Крона были тщательно зачёсаны назад, но больше ничто не выдавало в этом ещё молодом и крепком человеке истинного аристократа или древнего кровавого мага. Наоборот, вид у него был вполне неброский. В своей простой накидке он казался мне гораздо привлекательнее всех тех, кто сидел в бархатных креслах.

Самыми яркими оказались глаза. Острые, обрамленные

темными ровными бровями, они представляли собой диковинное и приметное зрелище: ярко-зелёный контрастировал с фиолетовым, придавая мужчине пугающий и, одновременно, завораживающий вид.

Господин Демиург улыбнулся, почти не растягивая губ, и слегка склонил голову набок.

– Вы ослабили меня кровавой магией? – я опустила кинжал, но убирать в ножны пока не спешила. Лезвие подрагивало в моих руках в такт сердцебиению, и я прижала ладонь к бедру, чтобы скрыть волнение. Потом глянула в зрительный зал. Джер больше не смотрел ни на сцену, ни на Элигию, а вытянулся в своём кресле и блуждал сосредоточенным взглядом по толпе. Потом поднял глаза к ширме, прищурился.

Связь! О Ревд, я испугалась, и ментор наверняка это почувствовал!

– Я мог бы, – Демиург помедлил, делая шаг ближе, и я резко повернулась к нему. – Но в этом не было необходимости. Ты оказалась удивительно податливой.

В зале заиграл оркестр, и музыка торжественным эхом отразилась от сводов. Величественная, напевная, возвышенная мелодия летела над залом, врывалась в наше укрытие. Голоса актёров слились в стройный хор, восславляющий власть любви.

– Не подходите, – я снова вытянула руку с остриём.

Стоило бы отойти к резной перегородке, но я боялась, что

Джер заметит меня из зала. Выход мне загромождал Господин Демиург, так что я оказалась зажата в этой крохотной ложе, как клинок в щипцах кузнеца в ожидании удара, который расплющит разгоряченную сталь. И эта музыка... Она разгоняла кровь ещё сильнее, впивалась в уши высокими нотами, пробегала мурашками по коже. Или это было не от музыки?

– Право, меня это даже немного оскорбляет, – мужчина повернул голову и сверкнул глазами. – Мне нравится управлять ритмами сердец, Юна. Но не с помощью кровавой магии, а посредством впечатлений. Воистину, я чувствую себя создателем и драматургом самой жизни. Это такое удовольствие, с которым не сравнится простое обладание телом. Неужели я похож на обычного садиста?

– Вы похожи на призрака, – заторможенно ответила я, убирая кинжал, – который неслышно и незримо бродит по людному зданию.

Это было правдой. Бессмертный человек, стоящий сейчас прямо напротив меня, в каком-то смысле и был призраком. Призраком Квертинда из легенд, возвышающих его почти до божественной сути. Вся новейшая история и Квертинд без Иверийцев, в котором мы все жили теперь, который знала я, были порождением этого человека. Господин Демиург изменил судьбу королевства так же, как изменил когда-то мою: легко, незаметно, парой фраз, неощутимым вмешательством в нужный момент.

Перед глазами поплыли воспоминания прошлого: как отец в нашем доме кланяется этому странному господину, как Кем Горст почти падает на кровать после сообщения о смерти Тезарии, как разноглазый человек говорит мне о величайшей из опасностей... Я тогда ещё ничего не смыслила в магии, но интуитивно, нутром чувствовала силу и могущество в жутком госте.

– Я напугал вас излишней театральностью, – Демиург пошёл совсем близко. – Но мы ведь в театре! О, это волшебное место, не находите? – он дал мне несколько секунд на ответ, но я промолчала и мужчина продолжил: – Сцена – алтарь Нарцины. Она тоже требует жертв, как и всё прекрасное в этом мире. Сюда актёры и режиссёры несут свой талант, рвут душу на куски и кормят ими зрителя, умирают и возрождаются вновь, чтобы прожить сотни жизней. И главная награда, – он поднял ладони и тихо похлопал, на удивление точно попав в гром аплодисментов в зале, – это признание публики.

Создатель Ордена Крона встал рядом, посмотрел сквозь ширму, и причудливые световые пятна осыпали его фигуру. Я застыла, замороженная этим мужчиной и моментом. В нём действительно было волшебство, но не из-за игры света и проникающей под кожу музыки, не из-за звенящих голосов актёров. Оно заключалось в самом этом человеке: словно он и был магией, противоречием, бросающим вызов законам мира и природы. Слова его возносили хвалу театру, но во

всех движениях сквозило презрение. Даже когда он хлопал, казалось, что это были аплодисменты самому себе.

— Как вам спектакль? — он повернулся, и я едва удержалась, чтобы не попятиться. — Не правда ли, он заполняет острой и живой эмоцией, в которой сосредоточено всё удовольствие людского существования?

Молчать и дальше было бы невежливо, поэтому пришлось ответить.

— Отсюда не видно сцены, — я вытянула шею, но заметила только подол платья актрисы. — И почти не слышно голосов. Только музыка.

Мелодия как раз достигла кульминации и рванула хором голосов и инструментов, вызывая новый гром оваций. Зрители неотрывно смотрели на сцену, их глаза горели, как блики от драгоценностей. Щеки дам алели румянцем, и даже мужчины увлечённо раскрыли рты, внимая завораживающему зрелищу.

Демиург не следил за спектаклем или зрителями. Он быстро нашёл взглядом Джера и Элигию. Я попыталась уловить эмоцию, понять, что он чувствует при виде их. Ревность? Обиду? Ненависть? Злость? Кем была для него Элигия? Разобрать было невозможно, потому что на лице кровавого мага оставалась всё та же довольная полуулыбка, с которой он появился в ложе.

— Тогда я вам расскажу, — от взмаха его руки ложа наполнилась сотнями бликов, словно он кинул горсть иллюзорных

звёзд. – Это новая и очень красивая сказка, одна из историй любви Квертинда под названием «Асмодей». Трагическая, конечно.

– Мне не нравятся истории о любви, – осторожно ответила я, отступая на полшага.

Глаза оценивали варианты побега. За нашими спинами натягивались тросы и гулко падали вниз, приглушая шум из зала, крутились и поскрипывали подъёмные механизмы, создавая декорации для зрителей. Бежать было бессмысленно, но я едва удерживалась от этой идеи. Точно так же, как с трудом удерживала страх в своем сознании, не позволяя ему завладеть мной. Но каждый раз, когда разноцветные глаза Господина Демиурга останавливались на мне, я леденела изнутри. И не могла вспомнить, когда в последний раз испытывала такой необъяснимый трепет перед живым человеком. Наверное, только когда познакомилась с Джером.

– А о чём нравятся? – Демиург прищурился, разглядывая меня.

– О странствиях, – ответила я, перебарывая гнетущую робость. Потом подумала и добавила: – И о свободе.

В его ярких глазах и на его лице был отпечаток личности кровавого мага – неуловимый, словно он был древним могущественным заклятием, о котором мир договорился молчать. И я не могла не признать, что меня это увлекало. Хотелось всматриваться в него, как в гладь воды, спокойную, но таящуюся в глубине опасность.

– Любовь, свобода, приключения, – он вздохнул. – У них гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд. Каждый предпочитает верить в то, что ему ближе. Но, в конце концов, это всё просто игры, в которые играют взрослые дети. Весь мир – большой театр, и мы постоянно становимся в нём то зрителями, то актёрами. Поэтому люди так любят спектакли. Они – отражение их жизней и ролей.

– Ни один спектакль не отражает моей жизни, – воспротивилась я таким суждениям.

На удивление, откровенно говорить с Демиургом было легко. Мы делали это почти впервые, но у меня было ощущение, что знакомы мы целую вечность и что он всегда был рядом.

– Напрасно вы так думаете, – Демиург потёр подбородок, и блики от камней снова заиграли светом. – Даже «Асмодей» близок вам настолько, что вы удивились бы, ознакомившись с его сюжетом и историей.

– Если только он о дочери убийцы королей, – фыркнула я в ответ.

– Он о предательстве, – торопливо пояснил Демиург. – Об одном из видов. О том, как влюблённая женщина покинула семью, оставив мужа и сына. И о том, к чему привёл её выбор.

– Обычное дело, – я разочарованно пожала плечами. – Королева Анна Иверийская, моя мать и ещё сотни женщин поступили именно так. В нашей библиотеке появилась новая

история «М и М», и, хоть я её не читала, убеждена, что там тоже есть женщина, предавшая своего мужа ради любви. Эти легенды, Господин Демиург, похожи одна на другую, как ягоды с одного куста. Какая-то мельче, какая-то крупнее, но все падают в одну корзину, где их не различить. Скажите, героиня «Асмодея» погибла?

– Сбросилась с высокой башни, – кивнул мой собеседник. – Оставив семью, прекрасная леди Мелли недолго прожила в счастье. Любовь угасла со временем, покинула сердце её избранника, и бедняжка, обезумев от ревности, лишила себя жизни.

Я торжествующе улыбнулась. Ощущение победы придало мне сил и азарта, заглушило страх и робость. На сцене траурно зазвенели колокольчики, жалобно заплакал какой-то музыкальный инструмент.

– Вот видите, – я продолжила довольно улыбаться. – Сплошные повторения от истории к истории. Чем же «Асмодей» отличается от других похожих пьес?

– Детальями, – загадочно пояснил хозяин театра. – В них всегда кроется дьявол.

– Дьявол? – уже открыто насмехалась я. – Это ещё кто?

В ответ он сделал шаг ко мне и тронул за рукав.

– Тот, кто исполняет желания, – шепнул Демиург. – По веллапольской легенде – главный из демонов, властелин подземелья, подобный Толмунду. Но, в отличие от кровавого бога, более проникательный.

– Не верю я в эти легенды, – я отдёргнула руку и отстранилась. – Магистр Калькут говорила, что веллапольцы не чувствуют присутствия своих богов... или демонов. Их маги не заполняют тиали, не читают воззвания и не творят никакой магии, кроме ментальной. А её невозможно увидеть.

Я всё ещё часто дышала, и от звуков оркестра волосы на моих руках встали дыбом. В приглушённом свете от запаха сотен свечей у меня закружилась голова.

– Правдивы легенды или нет, – Демиург больше не стал меня трогать, но и не отошёл, – главное, что они позволяют управлять людьми. Народные предания не были бы столь могущественны, если бы целиком состояли из лжи. Особенно в Квертинде, где ещё существует магия.

Я осеклась. До недавнего времени Господин Демиург сам был для меня легендой. Я, как многие квертиндцы, не была уверена в его существовании... и поэтому тронула его за руку. Неожиданно для себя, повинуясь внезапному порыву. Наверное, мне хотелось убедиться, что рядом со мной действительно живой человек, а не призрак. Здесь, в полутёмной ложе, мне как будто открылся целый мир, откровение о том, что есть иная жизнь.

– Как управляете вы, – замороженно подтвердила я.

Мелкие пятна света и причудливые тени соткали маску для создателя Ордена Крона, и правдивым оставался только голос из полутьмы, проникающий прямоком в разум. Этот голос волновал меня больше, чем музыка. Он был полон тай-

ны, искушающей и дурмнящей. Всё это было так непривычно мне, так незнакомо, отчего создавалось ощущение, что в реальный мир проник призрачный сон.

То, что происходило, оставалось для меня до конца неясным. Но это... будоражило.

– Расскажите мне, – выпалила я, ещё не успев придумать, о чём, просто очень хотелось снова услышать мужчину, – о спектакле. Что означает «Асмодей»?

Он не удивился, только коротко кивнул и заговорил:

– «Асмодей» – это безупречный голубой бриллиант, одна из первых находок в шахтах Галиофских утёсов сразу после их завоевания войсками Квертинда. – Тросы за спиной Демиурга натянулись и со свистом ухнули вниз. – Полагаю, ты слышана о том, что знатные семьи тогда поделили между собой самые крупные драгоценные камни, назвав их именами демонов.

Я кивнула. Один из них – драгоценный камень семьи Торн – я видала на шее Дамны. Попыталась вспомнить его название, но не смогла. Наверное, это и было какое-то мифологическое имя.

– Веллапольцы особо ценили голубые бриллианты, так как считали их глазами демона, что всегда является за своей жертвой в маске животного, – продолжил Демиург. – Асмодея. Квертиндцы с помощью магии Нарцины придали камню уникальную огранку и вставили в оправу обручального кольца из белого золота. Украшение долгие годы принадле-

жало одному древнему роду королевства, что зародился ещё до правления Тибра. Тому самому, в который довелось по-
пасть несчастной Мелли. Её обручили фамильным кольцом, и оно оставалось на её пальце до самой смерти.

– Это артефакт? – логично предположила я, увлеченная рассказом. Судьба Мелли меня не интересовала, а вот магическая сила знаменитого кольца – очень даже.

– Нет, – покачал головой Демиург. – Но, по легенде, владельца этого камня ждут вечные муки страсти и ревности, будто сам сластолюбивый и жадный демон нашёптывает импульсивные желания. Возможно, «Асмодей» подтолкнул Мелли к предательству и самоубийству. Ведь именно кольцо напоминало женщине о том, что она могла бы остаться преданной женой и любящей матерью. И о том, чего она лишилась ради угасшей любви.

Звуки неожиданно стихли, голоса приглушились до шёпота, и только лёгкий звон доносился снизу. Даже свет резко померк, часть свечей погасла, и я догадалась о магии Омена. Я вновь попыталась выглянуть, чтобы узнать, что происходит на сцене. Погибла Мелли или ещё нет? Кто был её возлюблённый? И являлся ли демон в образе животного несчастной женщине, пусть только на сцене этого театра?

– Вы верите в то, что демоны существуют? – шёпотом спросила я, прильнув к тонкому резному дереву перегородки.

– Демоны существуют внутри нас, Юна, – его лицо оказа-

лось рядом, совсем близко: Демиург тоже наблюдал за едва освещённым залом. Это делало нас заговорщиками, объединяло. – И имя самому главному – человечность. В этом величие и грязь всех героев мира и ключ к управлению людьми. Посмотри на них.

Зал наполнился волнением, трепетом и возбуждённым блеском глаз. Дамы прикрывались веерами, стыдливо кидая взгляды на своих мужчин. Зрители разволновались от спектакля, в них появился заразительный трепет и напряжённое ожидание. На дальнем балконе я заметила два силуэта, слившихся в поцелуе. Они прятались в тени занавеси, но отсюда, сверху их интимное единение было прекрасно видно.

Я вдруг осознала, что совершенно забыла о цели своего визита. Кажется, впервые за всё время я отвлеклась от мыслей о менторе. И сейчас как будто впервые увидела его в этом театре. Захотелось ухватиться за эту эмоцию, развить её, чтобы не чувствовать того раздирающего душу страдания, что привело меня в эту ложу.

Элигия раскрыла малиновые губы и потянулась к уху Джера, нашептывая ему что-то сквозь полуулыбку. Джер улыбнулся и поднёс к губам её пальцы. Я отвернулась.

– Довольные, впечатлённые, влюблённые, сытые эмоциями и, одновременно, жадные до них. Мягкие, как разогретая глина. Я люблю наблюдать отсюда за зрителями, видеть в их зрачках каждого из демонов, что сменяют друг друга у руля сознания. Асмодей живёт в каждом из нас, – он посмотрел

на меня, довольный произведённым эффектом. – И только сильный человек способен победить его в себе. Как и самого великого демона, объединяющего все пороки и добродетели.

– Вы говорите о человечности? – смекнула я.

Этот разговор был теперь необходим мне, потому что со звенящим трепетом зала в меня проникал сам веллапольский демон Асмодей. О да, он взмыл к тёмным сводам вместе с музыкой от лёгкого поцелуя, которым Элигия едва заметно наградила Джера, и пронзил меня мгновенной яростью. Зубы стиснулись сами собой.

– Именно о ней, – подтвердил Демиург. – Зная реакции человека, основываясь на его привязанностях, страхах, желаниях, морали можно управлять им и предугадывать его действия. За столетие я ещё ни разу не ошибался в людях.

Я скосила глаза на Господина Демиурга. За столетие? Сколько же жизней принёс в жертву Толмунду этот кровавый маг, чтобы так хорошо сохраниться? Как часто он берёт в руки ритуальный нож? Мне уже приходилось сталкиваться со смертью, я сама была убийцей, но почему-то не могла представить этого красивого, утончённого мужчину за жертвоприношением.

– Я вас помню, – призналась я. – Вы приходили к нам в Фарелби, чтобы сообщить о смерти моей матери. После этого мой отец заболел.

– Он любил её, – Демиург повернулся, и я всё-таки попятилась от его вида. – А это самый сильный крючок, на кото-

рый только может попасть человек. Самая сильная зависимость и безошибочный рычаг, который действует безотказно. Игра, что приводит к поражению. Болезнь, что приводит к смерти. Она сгубила твоего отца, который не смог пережить потерю возлюбленной.

Жуткие глаза его смотрели, не мигая. Я нервно сглотнула.
– Он ненавидел любовь, как и вы, – вспомнила я отца. – Говорил, что она приводит к гибели. Но считал человечность величайшей из магий.

Это было самым важным наставлением. Будучи при смерти, Кем Горст без конца повторял и просил, чтобы я сохранила в себе человечность. От воспоминаний к горлу подкатил ком, и я снова упёрлась взглядом в Джера. Таинство момента ускользало, теряло своё волшебство: я возвращалась в мир Юны Горст, где не осталось никого, кому она была дорога. И где, вопреки всему, она всё ещё дышала.

– Кем Горст на себе прочувствовал все острые грани сердечной страсти, – Демиург не заметил перемены и снова посмотрел в зал. Глаза его горели восторгом и превосходством, пока он окидывал взглядом зрителей. – Любовная история – спектакль, который всегда вызывает овации и слёзы. Времена меняются, дни идут за ночами, за летом неизменно приходит осень, наука вытесняет магию, мирное время нарушают войны, но и они проходят, уступая место новому покою. Сменяются эпохи, поколения, даже мораль и добродетели. Одно остаётся неизменным: люди несут жертвы на алтарь

любви. О, этот демон – самый коварный из всех, потому что он может долгое время спать и, однажды проснувшись, разрушить всё, что было тебе дорого.

Демиург остановил взгляд на Джермонде, и жёсткий рот создателя Ордена Крона тронула таинственная полуулыбка. Мой ментор больше не наблюдал за спектаклем, а неотрывно смотрел на Элигию, томительно вытягивающуюся под его взглядом, как кошка под солнечными лучами. Пламя лизнуло меня изнутри, разлилось, как алкоголь по венам, поднялось злым жаром к вискам. Я попыталась прогнать демона ревности, но он только сильнее одолевал меня. Мне не хотелось быть такой живой и податливой, хотелось ощутить холод, стать камнем, водной гладью, куском льда. Ничего не чувствовать, не гореть в этом испепеляющем огне подозрений и ненависти.

– Вы научились этому сопротивляться? – проговорила я резче, чем хотелось.

Мне нравилось, как он говорил, и нравилось слушать его. Я никогда раньше не встречала людей, кроме Джера, с которыми мне хотелось бы подолгу разговаривать. Демиург пугал меня и одновременно... манил.

– Думаю, я с самого начала был лишён этого изъяна. Моё появление было необычным: я, скорее, монстр, гибрид, чудовище, чем человек. И если ты думаешь, что это самобичевание, то ошибаешься, Юна. Всё, что я перечислил, гораздо разумнее, чем человек. В особом смысле, конечно. Лишив-

шись всех чувств, продравшись сквозь демонические преграды эмоций, остаёшься лишь ты один, наедине со своим разумом, с тем, кого ты сам из себя сотворил, и нет ничего прекраснее этой разновидности свободы. И этого могущества. Посмотри, – позвал он, пригибаясь. – Видишь, как изменил их спектакль?

Я снова выглянула в зал. Конечно, я видела. К своему огорчению и злости. Но озвучивать это совсем не хотелось. Хотелось сбежать и забрать с собой Джера. Вырвать его из когтей хищной охотницы, умело завлекшей моего ментора в коварные сети.

– Они не понимают всей опасности страстей, – буркнула я.

– О, напротив, – заспорил Демиург. – Они прекрасно всё осознают и наслаждаются ими. Впускают страсть в свои сердца, чтобы ощутить остроту и яркость жизни. Они желают этого и именно за этим сюда являются. Намеренно.

Конечно, он снова был прав. Джер слишком умён, чтобы не понимать происходящего. И вряд ли он впервые в театре... и впервые с женщиной. Как бы я ни желала вырвать его из лап Элигии, это было невозможно. Потому что он сам хотел находиться в них.

– А чего сейчас желаете вы, Юна Горст? – Демиург словно прочитал мои мысли, отчего мне вновь сделалось не по себе.

Я больше не хотела откровений. К тому же отныне у меня должно было быть только одно-единственное заветное желание, что оставалось моим предназначением. О да, Юна Горст

знала, чего хочет, и у неё имелся ответ. Я отвернулась от ширмы и отошла вглубь ложи, почти к самому выходу.

– Убить Кирмоса лин де Блайта, – ровной скороговоркой выдала я, ни секунды не сомневаясь в сказанном. – Этого я хочу больше всего. Сейчас и всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.